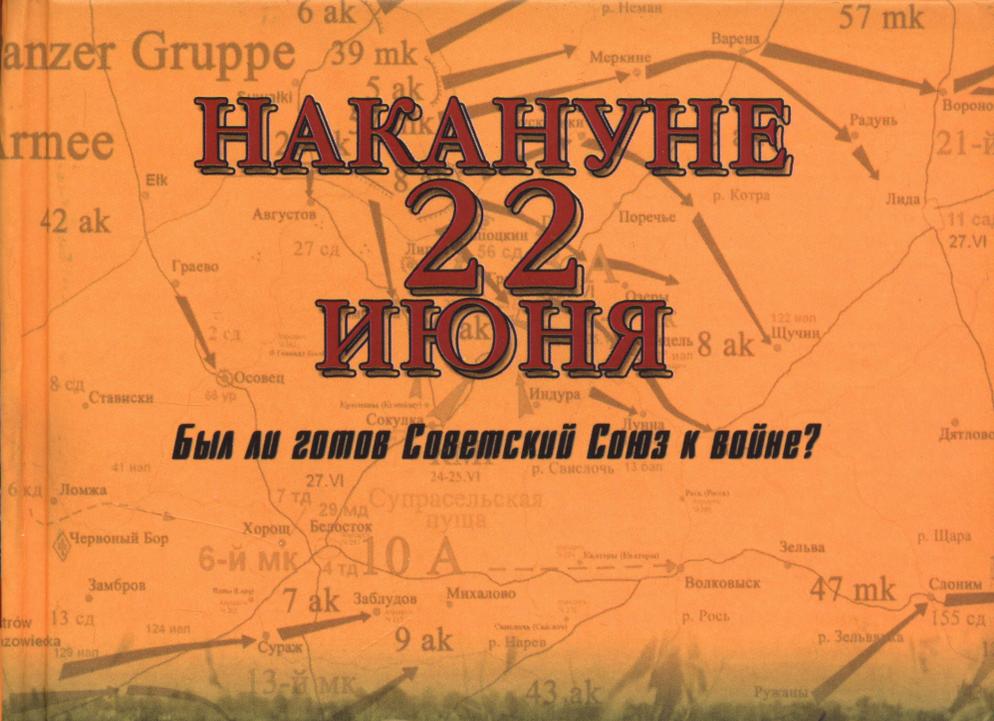

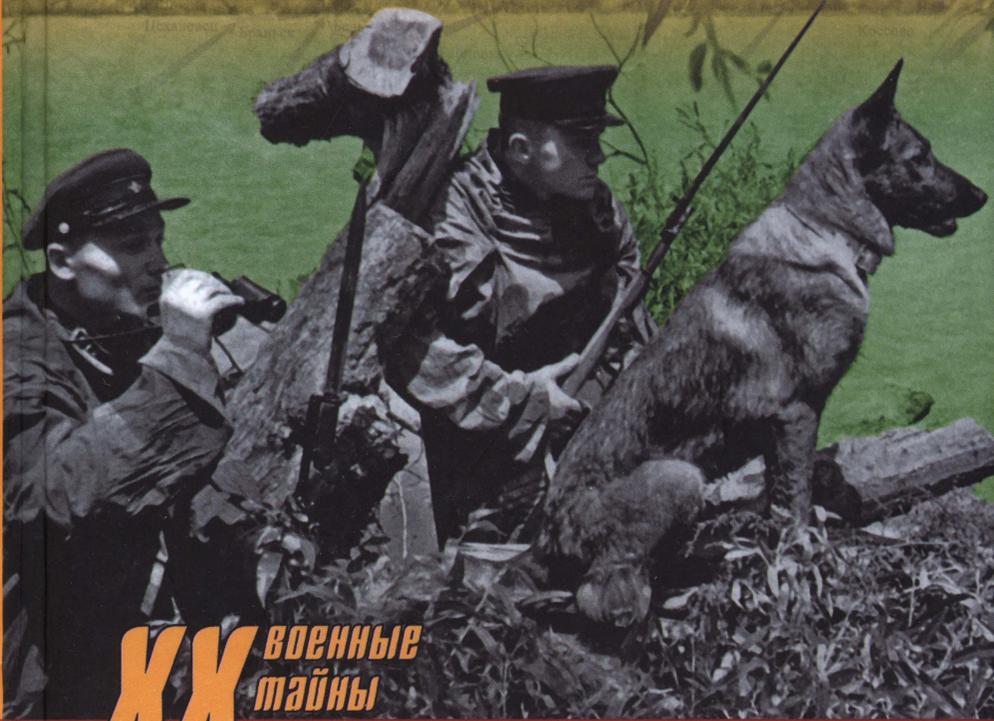
XX военные тайны века

НАКАНУНЕ 22 ИЮНЯ

Был ли готов Советский Союз к войне?

**НАКАНУНЕ
22 ИЮНЯ**

XX военные тайны века

Г.В. ЛУКЬЯНОВ

XX *военные
тайны
века*

Г.В. ЛУКЬЯНОВ

НАКАНУНЕ 22 ИЮНЯ

Был ли готов Советский Союз к войне?

Москва
«Вече»

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.11
Л84

Лукьянов, Г.В.

Л84 Накануне 22 июня. Был ли готов Советский Союз к войне? / Г.В. Лукьянов. — М. : Вече, 2015. — 352 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4444-2767-5

Знак информационной продукции 12+

Книга Г.В. Лукьянова посвящена анализу ситуации, сложившейся накануне 22 июня 1941 г., пониманию нацистской верхушкой характера предстоящей войны и оценке тех мер, которые были предприняты советскими руководителями на основании имеющейся у них обширной военно-политической информации по подготовке к фашистской агрессии. Значительное внимание автор уделяет вопросам боевой готовности как одному из решающих условий противодействия внешней агрессии и наиболее спорной проблеме, связанной с началом Великой Отечественной войны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)622.11

ISBN 978-5-4444-2767-5

© Лукьянов Г.В., 2015
© ООО «Издательство «Вече», 2015

ВВЕДЕНИЕ

Мы войны не хотим, но себя защитим,
Оборону крепим мы недаром.
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

В. Лебедев-Кумач

Потенциально успешное решение всех значимых в деятельности человека задач базируется на достоверной, оперативной и защищенной информации, сбор, хранение, обработка и представление которой экономически обоснованы и поставлены на систематическую основу. Однако, как показал опыт, владение такой информацией вовсе не означает, что по результатам ее оценки будет принято адекватное решение. История знает немало примеров тяжелейших ошибок и просчетов, которые стали следствием неверной интерпретации «правильной» информации.

Такая ситуация особенно характерна в системе государственного управления, где на карту поставлена судьба страны, планирование осуществляется в условиях высокой степени неопределенности, а риск ошибки оценивается колоссальными материальными потерями или даже значительными человеческими жертвами.

Одним из самых серьезных просчетов в оценке оперативных, достоверных и достаточно полных данных считается бездеятельность военно-политического руководства Советского Союза накануне Великой Отечественной войны.

До сих пор не утихают споры по поводу того, почему первые лица Советского государства проявили такую нерешительность, инертность и буквально преступную безответственность, располагая целым комплексом взаимоувязанных и достоверных фактов о лавинообразном нарастании угрозы войны. Даже в той абсурдной атмосфере вынужденного конформизма эти факты неоспоримо требовали принятия совершенно иных, решительных и неотложных мер на всех уровнях власти с тем, чтобы свести к минимуму ущерб от агрессии фашистской Германии против СССР. Вторым спорным и неясным вопросом в этих дискуссиях является оценка возможных последствий вторжения фашистской Германии на территорию Советского Союза¹ в случае своевременного приведения войск приграничных военных округов в необходимые степени боевой готовности.

Если отбросить в сторону различные нюансы и мало-значащие факторы, то смысл всех «выявленных» причин трагедии 22 июня сводится к тому, что советские войска на западной границе СССР не были своевременно приведены в (полную) боевую готовность и поэтому немцы их легко разгромили. При этом историки различного толка обходят молчанием тот факт, что у многих, очень многих советских воинских соединений в составе западных военных округов было предостаточно времени, чтобы привести себя в необходимую степень боевой готовности — как минимум шесть, а то и восемь часов.

Этот миф о боевой готовности, который неизменно тиражируют почти все историки, подкрепляется еще одним мифом, в соответствии с которым Сталин якобы за несколько

¹ Конечно, в самом начале войны речь идет о вторжении на ту часть территории Польши и Прибалтики, которая была аннексирована Советским Союзом в результате сговора между нацистской Германией и СССР по пакту «Молотова — Риббентропа» от 23.08.1939.

дней до начала войны направил в войска директиву об их приведении в (полную) боевую готовность, «забыв» уведомить об этом наркома обороны, начальника Генерального штаба и даже членов политбюро. В сознании обывателей усиленно насаждается мысль о том, что эта своевременно отданная «мудрым» Сталиным директива не была выполнена по вине «предателей» генералов, то есть командующих военными округами. Ни сам документ, ни его копии, ни черновики, как можно сразу догадаться, до сих пор никто найти не может, и этот «парадокс» историки сталинского толка объясняют тем, что будто бы эту таинственную директиву в свое время чуть ли не лично уничтожил Никита Сергеевич Хрущев, чтобы «замести» какие-то следы. Таким образом, проблема соотношения боевой готовности советских войск и трагедии 22 июня остается актуальной, спорной и обсуждаемой по сей день.

Данная работа посвящена анализу ситуации, которая сложилась накануне 22 июня 1941 года, пониманию нацистской верхушкой характера предстоящей войны и оценке тех мер, которые были предприняты советскими руководителями на основании имеющейся у них обширной военно-политической информации по подготовке к фашистской агрессии. Кроме того, в статье рассматриваются потенциальные возможности войск Западного Особого военного округа (далее ЗапОВО) и Прибалтийского Особого военного округа (далее ПриОВО)¹ по отражению нападения фашистской Германии на Советский Союз. Значительное внимание уделено вопросам боевой готовности как одному из решающих условий противодействия внешней агрессии

¹ С началом войны ЗапОВО был преобразован в Западный фронт, а ПриОВО — в Северо-Западный фронт, то есть фактически изменилось название. В тексте для удобства, где уместно, применяются оба термина: округ и фронт.

и наиболее спорной проблеме, связанной с началом Великой Отечественной войны.

Боевая готовность неотрывна от адекватной оценки военно-политической, военно-экономической и военно-технической информации. Как будет показано ниже, рациональное применение системы степеней боевой готовности непосредственно зависит от правильной оценки вероятного противника и военно-политической ситуации в мире и на предполагаемом театре военных действий. Это обстоятельство и определяет детальное рассмотрение в работе вопросов сопоставления различных, казалось бы, несовместимых фактов и событий в интересах объективной оценки реальных угроз и планов накануне 22 июня 1941 года.

Наконец, в статье дается оценка таким неочевидным качествам командиров и военных начальников, как самостоятельность, решительность, инициатива и военная дерзость, которые выступают решающим фактором в деле обеспечения боеготовности и боеспособности войск.

Эта конкретная работа является лишь небольшим «кирпичиком» в целом комплексе исследований, которые должны дать ясные и обоснованные ответы на следующие принципиальные вопросы:

1. Почему Гитлер напал на Советский Союз, заранее обрекая себя на тяжелую и бесперспективную войну на два фронта?

2. На чем основывалась уверенность Гитлера в успехе предстоящей агрессии против СССР? Нельзя же вообразить, что он развязал такую масштабную войну без каких либо обоснований, оценок и расчетов.

3. Какой информацией о состоянии обороноспособности Советского Союза располагало военно-политическое руководство фашистской Германии и на какие значимые «фигуры» в нашей стране оно опиралось в своих надеждах на быстрый разгром советских войск?

4. Какое представление сложилось у Сталина о:

- взглядах военно-политического руководства фашистской Германии на состояние обороноспособности Советского Союза;

- способах развязывания Германией предстоящей войны, характере и методах ее ведения;

- военном и экономическом потенциале Германии и о состоянии ее вооруженных сил;

- возможностях Советского Союза противостоять предстоящей агрессии и добиться победы в будущей войне.

5. Чем руководствовался Гитлер при выборе направлений (главных) ударов по Советскому Союзу и почему их не смогли правильно определить советские руководители, опираясь на оценку той же самой военно-политической обстановки в мире и в Европе?

Ответы на все эти взаимоувязанные вопросы могут сформировать целостную картину событий тех трагических дней.

ПРОЛОГ

В некоторых исторических исследованиях приводится риторический вопрос Сталина, который он озвучил в одном из своих многочисленных монологов по случаю разгрома советских войск в начальный период Великой Отечественной войны, оправдывая свою преступную бездеятельность: «А разве войска не должны быть в боевой готовности без всяких директив? Разве я должен приказывать сердцу, чтобы оно билось?»

Ярые апологеты сталинского режима в своих попытках сохранить «репутацию» Сталина как безупречного и безошибочного руководителя взваливают всю вину за провалы на фронте в июне 1941 года на генерала Павлова и приводят эту фразу, видимо, рассчитывая на людей несведущих. И на самом деле, неискушенный обыватель, прочитав (услышав) эту фразу, скорее всего, подумает, что Сталин прав: зачем же нужны войска, если они не готовы дать решительный отпор наглому врагу. Конечно, дотошный читатель, зная умение Сталина фальсифицировать факты, что, наряду с прочим, подтверждается огромным числом реабилитированных жертв сталинского режима, может и усомниться, представив поединок двух равнозначных стрелков. У каждого по пистолету, но у одного пистолет в кобуре с незаряженным магазином, а второй уже прицелился заряженным пистолетом в первого. Не надо быть Гегелем, чтобы предсказать исход поединка.

То есть решающее значение для исхода поединка в данном случае имеет не способность успешно сражаться вообще, а непосредственная готовность к конкретному бою.

Можно привести и другие исторические примеры, наконец, вспомнить драматическую гибель легендарного комдива Василия Ивановича Чапаева и разгром его дивизии, но в любом случае нападающего врага нужно встречать во всеоружии, а не в постели. Не вызывает сомнений тот факт, что крайне ограничены возможности к отражению внезапного нападения противника у тех войск, которые заняты повседневной деятельностью, то есть находятся в так называемой *постоянной боевой готовности*. Многовековая история войн демонстрирует, что такие части и соединения в случае внезапного нападения почти наверняка обречены на полное уничтожение, как это и случилось с войсками ЗапОВО.

Другое дело — войска, уже готовые к моменту нападения встретить противника организованно и во всеоружии, находящиеся на боевых позициях, а не спящие в казармах, имеющие в своем распоряжении дополнительные боекомплекты¹, топливо и прочие средства материально-технического обеспечения. Исходя из этого, можно предположить, что даже в численном меньшинстве войска ЗапОВО, своевременно подготовленные и нацеленные на решительный отпор врагу, могли оказать ожесточенное сопротивление ударным группировкам фашистов, на длительное время задержать продвижение значительно превосходящего противника² и нанести ему (противнику) серьезный урон.

¹ Из материалов следствия по делу Павлова вытекает, что если не во всех частях ЗапОВО, то в некоторых из них бойцы имели только так называемый караульный боекомплект или по 15 патронов на человека. В любой войне такого боекомплекта хватит не более чем на несколько минут боя.

² Современный читатель, скорее всего, осведомлен о том, что фашистская Германия в 1941 году не имела превосходства над Советским Союзом ни по численности вооруженных сил, ни по их оснащению. Здесь речь идет о превосходстве на направлениях (главных) ударов, а также о ярко выраженной инициативе.

Однако все эти аргументы слишком очевидны, сами бросаются в глаза и понятны любому обывателю, особенно далекому от глубины и сложности проблем военного управления. Создается впечатление, что они представляют собой результат поверхностного мышления, а не глубокого и целостного осмысления трагедии 22 июня. В действительности для того, чтобы понять причины поражения советских войск в приграничных сражениях, боевую готовность необходимо рассматривать не изолированно, а в неразрывной связи с рядом других, не менее важных, вопросов обороноспособности и боеспособности, чему и посвящено последующее изложение.

АБСТРАКЦИЯ И КОНКРЕТИКА

Действительно, Сталин прав, но исключительно в абстрактном плане, на уровне бытового, обывательского восприятия этой проблемы. Он прав, но только в том смысле, что войска всегда находятся в некоторой степени боевой готовности, которая в конкретный исторический момент должна обеспечить успешное решение задач, стоящих перед той или иной частью, соединением или объединением, например, переучивание, получение (на предприятиях) и освоение новой (авиационной, бронетанковой, ракетной и иной) техники. Безусловно, каждая степень боевой готовности предусматривает определенные возможности по выполнению и боевым задач, главная из которых состоит в отражении внешней агрессии.

Для примера — в Российской Федерации в настоящее время определено четыре степени боевой готовности: *постоянная, повышенная, военная опасность и полная*, каждая из которых соответствует своему уровню военной угрозы на том или ином театре войны. Совершенно неважно, как назывались соответствующие степени боевой готовности в 1941 году и сколько их было, но принципиально важно то, что каждая из них характеризует готовность войск к отражению (внезапного) удара противника, возможность проводить боевую и оперативную подготовку и способность решать повседневные задачи, включая совершенствование организационно-штатной структуры, реформирование и переучивание. Здесь, как в законе сохранения энергии: чем в более высокую степень боеготовности приведены войска,

тем выше их возможности по отражению удара противника¹, но тем хуже условия для решения повседневных задач, в частности для боевой выучки и оперативной подготовки. Поэтому в мирное время войска без надобности не держат в повышенной степени боевой готовности, хотя и проводят регулярные тренировки для отработки соответствующих действий частями и соединениями. Такие тренировки наряду с получением и закреплением навыков позволяют организовать хронометраж этапов приведения войск в разные степени боевой готовности, выявлять недостатки в действиях командиров и личного состава, оптимизировать все процессы, связанные с непосредственной подготовкой войск к боевым действиям, обобщать и распространять передовой опыт.

Конкретную степень боевой готовности в определенные моменты времени в зависимости от военно-политической обстановки и иных условий вводит либо Верховный главнокомандующий, либо (главно)командующий вверенными ему войсками, если такие полномочия ему предоставлены законом и решениями вышестоящих органов военного (государственного) управления. Степени боевой готовности носят исключительно конкретный характер как по содержанию, так и с точки зрения масштабов охвата. Они применяются не к войскам вообще, а к конкретным частям, соединениям и объединениям. Совершенно очевидно, что в июне 1941 года говорить о повышенной (полной) боевой готовности нужно было только применительно к войскам западных военных

¹ Имеется в виду в пределах потенциальных возможностей частей и соединений, которые (возможности) зависят от очень многих факторов, важнейшими из которых являются боевой состав и техническое оснащение войск, их выучка и взаимодействие подразделений и частей, обеспечение их боеприпасами, топливом, обмундированием и продовольствием, а также сплоченность личного состава, его моральный и боевой дух, боевое товарищество.

округов, да и то не ко всем, а в основном к тем, которые находились на направлениях (главных) ударов противника в непосредственной близости к границе. По крайней мере, для отражения агрессии фашистской Германии в 1941 году не имело смысла приводить в высокие степени боеготовности войска, находящиеся, например, в Забайкальском военном округе.

Содержание каждой степени боевой готовности и предусмотренные для нее действия разрабатываются специалистами и после многочисленных согласований закрепляются законодательно¹, либо нормативно, например директивами Верховного главнокомандующего. Совершенно очевидно, что на высшем уровне определяются лишь наиболее общие требования к войскам для каждой степени боевой готовности и основные мероприятия, которые необходимо провести для соблюдения этих требований. Все они подробно раскрываются в нормативных документах (уставах, наставлениях, инструкциях) для каждого вида вооруженных сил, рода войск и даже для отдельных частей, соединений и объединений.

Конкретный характер содержания степеней боевой готовности проявляется, например, в том, что серьезно отличаются мероприятия по приведению в повышенные степени боевой готовности частей и соединений разных родов военно-воздушных сил (далее ВВС): стратегической и фронтовой,

¹ Законодательное определение системы степеней боевой готовности характерно для «цивилизованных» стран. Что касается нашей Отчизны, то в СССР не существовало единого законодательства о боевой готовности Вооруженных Сил. И в российском законодательстве нет правовых норм закона, определяющих степени боевой готовности Вооруженных Сил, слагаемые боевой готовности, средства ее обеспечения, полномочия государственных органов и должностных лиц по приведению Вооруженных Сил в установленные степени боевой готовности.

истребительной и ударной (бомбардировочной и ракетноносной) авиации. Все эти детали должен очень хорошо знать из своего (боевого) опыта и учитывать при проведении предстоящей операции тот командующий, который отдает такой приказ.

В силу исключительной политической, военной и экономической значимости деятельности по переводу войск в состояние непосредственной готовности к боевым действиям (войне)¹, ни содержание степеней боевой готовности, ни тем более предусмотренные для них действия не могут быть предметом произвольного толкования каким-либо должностным лицом, сколь бы высокую должность оно не занимало.

Судя по многочисленным публикациям на тему 22 июня, некоторые историки имеют весьма смутное представление о системе степеней боевой готовности и при этом достаточно легковесно или даже искаженно воспринимают, трактуют и излагают в своих трудах роль и назначение повышенных степеней боевой готовности, а также процедуру их реализации. Это, в свою очередь, приводит к тому, что за «туманом» второстепенных и малозначащих деталей внимание читателей отвлекается от принципиальных, наиболее существенных вопросов. Таким образом, в обществе преднамеренно формируется ложное представление и о сути происшедшего в стране в то время, и о реальных возможностях советских вооруженных сил по отражению агрессии фашистской Германии, и о тех мерах, которые необходимо было для этого предпринять.

Для того чтобы понять глубину и сложность вопроса с боевой готовностью, можно, например, охарактеризовать основные вехи в комплексе традиционных мероприятий по

¹ Система степеней боевой готовности как раз для этого и предназначена.

приведению в полную боевую готовность частей ударной фронтовой авиации, которые закономерно сложились в ходе развития военного искусства.

По заранее определенному сигналу, состоящему буквально из одного слова (а не на основании многословной, двусмысленной и противоречивой телеграммы), по тревоге поднимается сама авиационная часть, а также части и подразделения обеспечения: аэродромно-технического, радиотехнического, хранения и доставки боеприпасов, противовоздушной обороны (далее ПВО). Далее все мероприятия разделяются на несколько параллельных, но тесно взаимоувязанных «потоков», определяющих действия:

- летного состава;
- группы руководства;
- инженерно-технического состава;
- аэродромных служб;
- сил и средств обеспечения.

В частности, летный состав прибывает на защищенный (запасной) командный пункт, где командир авиационной части проверяет состав экипажей и их готовность к выполнению боевого задания¹, ставит (уточняет) задачу и распределяет экипажи по группам: ударной, подавления ПВО противника, демонстрационной (отвлекающей). Далее летный состав прибывает на стоянки самолетов², контролирует завершающий этап подвески первого боекомплекта и занимает места в кабинах самолетов, чтобы по первому сигналу за-

¹ Жизнь многообразна и непредсказуема: кто-то из летчиков ухитрился руку вывихнуть, а кто-то до самого момента тревоги отмечал свой день рождения. Ясно, что такого летчика (штурмана) в кабину самолета сажать нельзя даже в условиях войны.

² Читатель должен понимать, что в статье приводится упрощенное описание без многих деталей, например, получение летным составом оружия, секретных карт, летного и высотного снаряжения.

пустить двигатели, вырулить на взлетно-посадочную полосу и взлететь.

Нетрудно догадаться и о действиях инженерно-технического состава, главная задача, которого состоит в скорейшей подвеске первого боекомплекта¹, дозаправке самолетов топливом, кислородом, сжатым воздухом, азотом, маслом, гидравлической смесью, выставке навигационных и пилотажных приборов. За этими незатейливыми на первый взгляд словами скрывается колоссальная работа и идеальная организация каждодневной деятельности авиационной части. В частности, для подвески первого боекомплекта в установленные нормативы каждый самолет в конце рабочего дня (летной смены), что бы ни случилось, должен быть обязательно приведен в то состояние, которое предусмотрено для его боевого применения в соответствии с оперативным планом. Наиболее ответственным компонентом этого состояния (кроме заправки топливом) являются точки подвески оружия, подвесных топливных баков и специальных контейнеров. Так, если первый боекомплект какого-то самолета состоит из нескольких десятков малокалиберных бомб, то на самолет предварительно (в конце рабочего дня или летной смены) должны быть подвешены (многозамковые) балочные держатели (на которые уже вешаются сами бомбы) именно для этих бомб. Если первым боекомплектом предусмотрены ракеты, то на самолете уже должны висеть пусковые направляющие для ракет, и так далее.

¹ Первый боекомплект хранится в авиационной части: снаряды к пушкам на борту самолета в магазинах (лентах), бомбы (изъяты из тары) непосредственно возле самолета в укрытии, ракеты на позиции подготовки ракет соответствующей авиационной части на транспортных тележках.

Имеется много других деталей, связанных, например, с взрывателями для авиационных бомб, пиропатронами¹ для балочных держателей и предохранительными чеками, описание которых потребует не один десяток страниц, но без которых можно обойтись для понимания сути вопроса. Главное состоит в том, что если по каким-то причинам (обычно из-за отсутствия контроля и халатного отношения к должностным обязанностям) все эти предварительные работы не будут выполнены, то любые усилия по приведению авиационной части в полную боевую готовность, включая своевременное доведение сигнала тревоги и великолепную организацию доставки личного состава на аэродром, не приведут к желаемому результату.

Даже неискушенный читатель догадается, что после приведения авиационной части в полную боевую готовность она в таком состоянии вряд ли может находиться более трех-четырёх часов, но уж никак не несколько суток, как об этом фантазируют некоторые историки, которые не имеют ни малейшего представления о сути боевой готовности. Такая же ситуация складывается и в артиллерии, и в танковых войсках. Трудно себе представить, как экипаж может просидеть в танке в полной боевой готовности при температуре окружающей среды выше 30° не то что несколько суток подряд, а всего два-три часа. К этому следует добавить, что по очевидным причинам двигатели и на танках, и на самолетах следует запускать непосредственно перед применением боевой техники, а не за несколько суток до этого.

Из всех этих рассуждений следует, что выбор момента приведения войск в полную боевую готовность являет-

¹ Пиропатрон — это холостой патрон, который вставляется в балочный держатель и обеспечивает принудительный сход бомбы с держателя даже в условиях отрицательных перегрузок.

ся очень ответственным и обязывающим делом, даже если речь идет о небольшой локальной «вылазке» противника на узком участке фронта (границы), а тем более, когда предстоит операция стратегического масштаба. В этой связи хочется привести слова Ленина накануне октябрьского восстания¹: «Сегодня рано, а завтра поздно: начнем ночью». В этом и проявился очевидный (а не вымышленный, как у Сталина) гений руководителя, который в сложной, полной неопределенности обстановке адекватно оценил имеющуюся у него информацию и на ее основе принял правильное решение, отвечающее реальным, а не умозрительным обстоятельствам.

Само по себе приведение войск в высокие степени боевой готовности выступает лишь техническим средством непосредственной подготовки частей и соединений к действиям в соответствии с их предназначением. Последнее слово все же остается за (Верховным, главно) командующим, командиром соединения, который берет на себя ответственность за применение оружия. То есть даже своевременно приведенные в полную боевую готовность войска, оснащенные самым современным оружием и отлично подготовленные к боевым действиям, будут наголову разбиты, если не получат ясного, четкого, решительного и не вызывающего никаких сомнений приказа применить по противнику все имеющиеся ресурсы. Это обстоятельство имело особое значение в той атмосфере паранойи сталинской диктатуры, когда любой вопрос, а тем более принципиальный, решался не на основе конкретной обстановки, объективных фактов, очевидных, не вызывающих сомнений событий и нормативно (законодательно) предусмотренных мероприятий, а исключительно в соответствии с тем, что по этому поводу думал и говорил «вождь народов».

¹ В советское время официально называлось Великая Октябрьская социалистическая революция.

Решающее значение в то тяжелое время при принятии ответственных решений имело понимание военными начальниками того, что от них ждал Сталин, а не то, что предписывали директивы, предусматривали боевые уставы, наставления и инструкции, а тем более требовал долг солдата (офицера, генерала) и защитника своей родины.

Поэтому когда некоторые, далекие от военного дела и смутно представляющие атмосферу того времени историки утверждают, что основная причина поражений в приграничных сражениях в июне 1941 года заключалась в том, что войска ЗапОВО «по вине его командующего» не были приведены в (полную) боевую готовность, они не просто слишком далеки от сути проблемы. Они искажают историческую действительность, превращают историю в средство идеологической обработки читателей с позиций махрового сталинизма и авторитаризма. Такие историки пытаются убедить читателя в том, что бездарность, мракобесие, беспринципность, беззаконие, самодурство, невежество и тирания лучше, чем талант, научность, сочетание единоначалия и коллегиальности в решении принципиальных вопросов, умение уважать, слушать и понимать оппонентов, учитывать их мнения, способность признавать и преодолевать собственные ошибки.

Ошибиться может каждый — даже Господь Бог, от промахов не застрахован никто. Но самое страшное всегда, и особенно на войне, когда начальник, видя и понимая свою ошибку, все равно настаивает на своем ошибочном решении во имя «чести мундира», то есть ради сохранения своего авторитета и удовлетворения собственного самолюбия. Последствия такой позиции, как правило, — колоссальные жертвы и материальные потери, в чем мы смогли убедиться на примере трагедии 22 июня, и не только.

НОЛЬ БЕЗ ПАЛОЧКИ

Описанные выше действия по процедуре приведения авиационной части в полную боевую готовность очень важны, но они представляют собой лишь верхушку айсберга в этой сложной проблематике. Так, необходимым условием успешного и эффективного применения ударной авиации в случае своевременного приведения авиационной части (и частей обеспечения) в полную боевую готовность и при наличии достаточного количества боеготовых экипажей и исправных (а также подготовленных) самолетов состоит в предварительной тщательной разработке оперативного плана, который должны заблаговременно хорошо изучить все его исполнители в части касающейся. В частности, для каждого варианта оперативного плана экипажи должны знать характеристики целей, боевую загрузку своих самолетов и особенности применяемых средств поражения, район боевых действий, профиль полета, порядок преодоления ПВО противника, направления, интервалы и последовательность захода на цели. Если вся эта предварительная подготовка отсутствует, то колоссальные усилия по приведению авиационной части в полную боевую готовность будут потрачены впустую: экипажи боевых машин в этом случае окажутся в положении слепых котят, а авиационная часть — в боевую единицу лишь по названию и только на бумаге.

Любые сомнения по поводу исключительной серьезности и значимости приведенных утверждений и выводов можно развеять, например, материалами исследования Льва Лопуховского и Бориса Кавалерчика [14]. В частности, они

пишут, что 24 июня 1941 года перед ВВС Северного фронта была поставлена задача уничтожить авиацию противника на южном побережье Финляндии. Для выполнения этой задачи было выделено 375 бомбардировщиков и 165 истребителей (то есть всего 540 самолетов), хотя из-за низкой надежности советской авиационной техники в налетах на противника смогли принять участие только 300 самолетов. Впечатляет уже первый показатель боеготовности в 56 % исправных самолетов, не связанный с временем приведения авиационных частей в повышенные степени боевой готовности. И все же эта «могучая» авиационная группировка в течение последующих шести дней смогла выполнить около тысячи самолетовылетов и нанести удары по 39 финским аэродромам.

В результате налетов советские летчики, конечно, не уничтожили авиацию противника на южном побережье Финляндии, как это было предусмотрено, но все же смогли повредить 15 финских самолетов, не больше и не меньше. Если учесть, что на вооружении Финляндии имелось в то время чуть более 200 самолетов, то можно смело утверждать, что финнам был нанесен значительный урон. Правда, при этом советские потери составили 20 истребителей и 51 бомбардировщик. Однако, принимая во внимание, что только на западном направлении у Советского Союза, по разным оценкам, имелось несколько тысяч самолетов, можно эти потери признать незначительными. Таким образом, второй показатель соотношения потерь 1 к 6 в пользу финнов еще более унижает для сталинских соколов и сводит на нет любые усилия всех служб по приведению авиационной части в полную боевую готовность.

Авторы исследования приводят следующие причины крайне низкой эффективности ударов по финским аэродромам:

- слабая подготовка экипажей самолетов;
- неспособность летчиков найти цели;
- отсутствие достоверных разведывательных данных.

Въедливый читатель может заявить, что финны — исключительно сильные, умелые и дерзкие бойцы, боевые качества которых выходят слишком далеко за рамки обычных представлений о воинской доблести и смелости, и поэтому приведенный пример нельзя считать типичным, объективно отражающим «мастерство» советских военных начальников и боевую выучку советских летчиков. Поэтому приходится привести другой пример действий авиации Северного флота по аэродрому Хебуктен, уже против немцев, в районе норвежского административного центра Киркенес. Как утверждают Александр Заблотский и Роман Ларинцев в своей уникальной научной работе [51], самым результативным периодом для советской авиации в данном случае оказались первые шесть месяцев войны, в течение которых было выполнено не менее 43 самолето-вылетов по указанной авиабазе, в результате которых было выведено из строя как минимум пять немецких самолетов. Однако на этом столь «выдающиеся» успехи советских «асов» закончились. Авторы этого исключительно сложного, но весьма поучительного исследования приводят три причины последующего снижения эффективности ударов советской авиации по авиабазе Хебуктен, в том числе и такую весомую, как [51]:

«Ну и, в-третьих, следует признать, что иногда нашим летчикам просто не хватало военного счастья. Как следствие резко выросли потери. Очень показателен случай 26 апреля 1942 года, когда, перехватив ударную группу из семи Пе-3 95-го полка, немецкие истребители сбили пять машин».

Можно только вообразить результативность действий сталинских соколов в последующем, если за шесть успешных месяцев им благодаря военному счастью удалось вывести из строя целых пять немецких самолетов. И все же нельзя сказать, что планирование, организация и подготовка действий советской авиации были такими же бездарны-

ми всю войну. Например, все изменилось в лучшую сторону весной 1942 года при проведении операции по прикрытию разгрузки очередного конвоя союзников в порту Мурманск. Важнейшим мероприятием этой операции стал налет на аэродром Лоустари, с которого действовали немецкие бомбардировщики [51]:

«Его (налета) организацию можно признать практически образцовой. Была проведена предварительная воздушная разведка цели, участвовавшие в штурмовом ударе 24 истребителя были разделены на три группы: ударную, обеспечения и прикрытия. Самолеты бомб не несли, использовали только огонь бортовых пулеметов и реактивные снаряды¹. Поэтому, когда в 13:05 “харрикейны” появились на Лоустари, была достигнута полная внезапность: немецких истребителей в воздухе не было, а зенитный огонь был неорганизованным и неточным».

Хотелось обратить внимание читателей на ключевые классические элементы планирования и организации этого налета, которые можно найти в любом учебнике по боевому применению авиации:

- предварительная воздушная разведка цели;
- функциональное распределение выделенных сил;
- обеспечение внезапности.

Неясно только одно: а что же мешало применить эти фундаментальные научные принципы планирования и организации в июне 1941 года, и не только в июне? Однако, несмотря на все эти организационные усилия авиационных начальников, советские соколы «ухитрились», тем не менее, не выполнить поставленную задачу [51]:

¹ В налете принимали участие только самолеты «Хоукер-Харрикейн» британского производства. Наряду с основной функцией (то есть истребителя) этот самолет мог наносить удары по наземным целям, для чего в его боекомплекте были предусмотрены две бомбы калибра 227 кг или 114 кг или 8 ракетных установок.

«К сожалению, эта весьма благоприятная обстановка не была до конца использована летчиками ударной группы. Ее самолеты выполнили только один заход на цель и, не израсходовав весь своей боекомплект, ушли на свой аэродром. Естественно, что такой результат не устроил вышестоящее командование. Было приказано повторить штурмовку».

Нужно отдать должное авторам этого великолепного исследования за умение подобрать наиболее подходящий эвфемизм. Действительно, из приведенной выдержки следует, что «не летчики, а самолеты ушли на свой аэродром, не израсходовав весь свой боекомплект». Конечно, существует огромная разница между теми, кто планирует боевые действия в тиши кабинета, и теми, кто находится в кабине самолета под огнем противника, и, конечно, есть огромная разница между квалификацией и такими трудно измеримыми качествами, как смелость, отвага, долг, честь, совесть и, наконец, презрение к смерти. Трудно обвинять советских летчиков в низкой квалификации, так как не всегда в этом виноваты только они, но вернуться домой, не выполнив поставленную задачу и даже не попытавшись обрушить на цель весь имеющийся боекомплект — это как минимум малодушие, а по большому счету — трусость. Очень хорошо, что командованию не понравилось малодушие летчиков, но плохо, что командира ударной группы не отдали под суд военного трибунала не то что за невыполнение боевой задачи, а за бегство с поля боя — а как еще иначе.

А теперь давайте посмотрим, что в сходных условиях при хорошей организации могут сделать подготовленные, смелые и дерзкие (но не советские) летчики. Предлагаемый пример мало известен широкой аудитории в нашей стране в силу того, что отечественные историки либо ничего о нем не знают, либо предпочитают об этом помалкивать, так как на фоне таких примеров очень сложно говорить о «доблести» советских летчиков.

Случилось это в ночь с 11 на 12 ноября 1940 года в ключевой итальянской военно-морской базе Таранто, где в то время базировался основной состав военно-морских сил Италии, включая все шесть итальянских линкоров. В результате налета на эту базу британской палубной авиации (с авианосца «Illustrious») три из шести итальянских линкоров были потоплены на якорных стоянках. Кроме того, серьезные повреждения получили некоторые портовые сооружения базы Таранто. Королевская же авиация потеряла два самолета, двоих летчиков погибших и двоих летчиков попавших в плен к итальянцам. За этими сухими и конкретными фактами скрываются следующие впечатляющие и весьма поучительные обстоятельства.

1. При планировании налета на Таранто главнокомандующий Средиземноморским флотом Великобритании сэр Эндрю Каннингхэм потребовал провести тщательную разведку итальянской военно-морской базы и прилегающей акватории, что и было сделано с привлечением разных сил и средств¹.

2. Перед налетом экипажи самолетов подробно изучили материалы воздушной разведки (по существу, аэрофотоснимки) и провели практические тренировки по отработке действий и взаимодействия при выполнении предстоящего задания.

3. Для организации налета британцы выделили достаточно малочисленную группировку, всего 20 самолетов, а не 540, как это случилось при налете советской авиации на финские аэродромы.

¹ Основная заслуга в разведке военно-морской базы Таранто и вскрытии системы ее обороны принадлежит разведывательной эскадрилье королевских ВВС, в состав которой входили легкие бомбардировщики-разведчики «Martin Maryland» (американского производства), которая (эскадрилья) базировалась на острове Мальта. За несколько часов до налета были сделаны контрольные снимки итальянской базы самолетами с авианосца «Illustrious».

4. Авиационная группировка была разделена на три функциональные группы:

- отвлекающую и подавления ПВО противника;
- освещения целей осветительными бомбами (налет все же осуществлялся ночью);
- ударную в составе десяти торпедоносцев, на каждом из которых была подвешена только одна торпеда.

5. Итальянская база считалась самой защищенной, так как ее прикрывали множество зенитных батарей, аэростаты заграждения и противоторпедные сети¹. На основании этого никаких дополнительных мер по раннему обнаружению возможного удара с воздуха итальянцы не предприняли, поэтому британские самолеты появились над базой неожиданно.

6. Когда итальянцы все же обнаружили неприятельские самолеты в районе базы и открыли плотный заградительный огонь, британские пилоты бесстрашно устремились на свои цели через аэростаты заграждения, очень хорошо понимая, что потери неизбежны.

7. Весь этот колоссальный ущерб (то есть потеря трех линкоров) британцы нанесли итальянскому флоту самолетами совершенно архаичной конструкции — бипланами «Swordfish²», которые даже в ту пору самолетами можно было назвать с очень большим натягом³.

¹ Основу ПВО базы Таранто составляли 13 гигантских звукоулавливающих устройств, способных обнаружить самолет на удалении до 55 километров, 90 заградительных аэростатов, подвешенных вокруг базы, 21 батарея зенитных установок большого калибра, 84 автоматические зенитные пушки, более 100 зенитных пулеметов, а также 22 мощных прожектора, предназначенных для подсветки воздушных целей и ослепления летчиков атакующих самолетов [91]. Разумеется, каждый боевой корабль был оснащен бортовыми средствами ПВО.

² Переводится на русский язык буквально как «рыба-меч»: sword — меч (читается примерно «соод»), fish — рыба.

³ Самолет имел полотняную обшивку, неубирающееся шасси и открытую кабину. Имея максимальную скорость 220 километров в час,

К этому еще следует добавить, что в день проведения налета главнокомандующий Средиземноморским флотом Великобритании вывел в Средиземное море все наличные силы и средства, чтобы замаскировать эту операцию и ввести в заблуждение итальянскую военно-морскую разведку.

Так грамотные, смелые и дерзкие британские летчики под руководством инициативных и талантливых командиров на 20 убогих самолетах буквально в течение двух часов покончили с притязаниями Муссолини на господство в Средиземном море¹.

Говорить о соотношении потерь не приходится: итальянцы потерпели исключительно унижительное поражение. Опять мы видим, что решающим фактором успеха стала не совершенная или превосходная техника, а уровень оперативного мышления у командиров, их талант и опыт, подготовка экипажей, отвага, смелость и презрение к смерти у летчиков, то есть все те качества, которые Сталин при помощи своих подручных заблаговременно «выкорчевал» в советских вооруженных силах.

Удар по Таранто послужил вдохновением и основой планирования операции японцев в Перл-Харбор, которую они буквально по той же схеме, но с большим размахом успешно осуществили через год (07 декабря 1941 года). Для изучения всех обстоятельств налета британской авиации на базу Таранто правительство Японии направило в Италию специ-

он морально устарел уже на момент его принятия на вооружение в 1934 году, что уж говорить о Второй мировой войне. Тем не менее британские летчики на этих же убогих самолетах в мае 1941 года нанесли немецкому линкору «Бисмарк» такие серьезные повреждения, которые в конце концов позволили британскому флоту его потопить.

¹ Авиация королевских военно-морских сил и по сей день ежегодно отмечают это событие, о котором в нашей стране неизвестно почти ничего.

альную делегацию, которая тщательно изучила все обстоятельства разгрома итальянского флота и подготовила подробные отчетные документы. Что же до Советского Союза, то, судя по имеющимся материалам, сталинские соколы не только не изучили опыт этого беспрецедентного налета, но ничего о нем даже не узнали.

Таким образом, в общей проблематике боеспособности советской военной авиации боеготовность в то время играла не столь решающую роль, как это представляют некоторые далекие от специфики военной деятельности историки.

Нельзя сказать, что значительно проще в этом смысле обстоят дела с артиллерией и танковыми войсками. Для артиллерии также не менее важно предварительное планирование, предусматривающее в том числе распределение целей по подразделениям и батареям, определение последовательности и интервалов нанесения огневых ударов. Артиллеристы должны так же хорошо, как и летчики (а может быть, еще лучше), знать местность, координаты и характеристики целей, ориентиры для наводки орудий.

Чтобы убедить читателя в том, что и стрелковым войскам для успешной обороны кроме своевременного приведения их в (полную) боевую готовность требуется тщательное планирование и подготовка, в частности хорошее знание местности, можно привести фрагмент из Приказа войскам ПриБОВО № 0052 от 15.06.1941 [1]:

«На двустороннем учении частей 125-й стрелковой дивизии выявлена слабая боевая подготовка 466-го стрелкового полка и других частей 125-й стрелковой дивизии. Взаимодействие родов войск и управление безобразно низкое. Командный состав не умеет ориентироваться на местности. Ночью блуждает, не умеет управлять, бежит по полю боя вместо посыльных. Командир полка майор Гарипов лично сам искал более двух часов заблудившийся авангард-

ный батальон. Своевременно боевой приказ полку не отдал. Никто из командиров подразделений боевой задачи от командира полка не получал, поэтому полк не был готов своевременно начать выполнение боевой задачи».

Какое сопротивление противнику мог оказать 466-й стрелковый полк, даже будучи своевременно приведен в (полную) боевую готовность, если из его состава целый батальон из-за незнания местности и не получив задачи, будет часами блуждать неизвестно где, а командир полка займется поисками этого батальона вместо того, чтобы управлять боем? Ведь указанные в приказе чудовищные недостатки планирования и подготовки проявились в мирное время, при отсутствии воздействия со стороны противника, совершенно в комфортных условиях. А что случилось с советскими войсками, в том числе и со 125-й стрелковой дивизией, когда началась война, мы уже хорошо знаем.

Вот один из эпизодов начала войны, аналогичный приведенному выше, описание которого можно найти в докладе командира 15-го механизированного корпуса генерала И.И. Карпезо от 26 июня 1941 года командующему Юго-Западным фронтом [77]:

«Начало наступления задерживается до сосредоточения 8-й танковой дивизии. Меры по ее розыску принимал вчера и сегодня».

Итак, ситуация ровно такая же, лишь с тем отличием, что речь в данном случае идет уже не о батальоне, а о танковой дивизии, а разыскивал ее генерал Карпезо не два часа, а двое суток.

Безусловно, боевая готовность — это обязательное условие способности войск к успешному отражению агрессии, но недостаточное. Не менее важны такие составляющие, как подготовка линии обороны и ее инженерное оборудование, дислокация войск и их оперативная маскировка, четкий план обороны, организация взаимодействия частей, соединений

и родов войск, устойчивое, непрерывное, гибкое и твердое управление войсками. Принципиально важны также оперативная подготовка командиров и штабов, боевая выучка войск, моральный и боевой дух личного состава, ясное, однозначное, а не двусмысленное понимание командирами и начальниками стоящих перед ними задач, их уверенность, что эти задачи соответствуют делу защиты своей Родины, взаимное доверие между солдатами и командирами.

Если углубиться в эту проблему еще дальше, то выяснится, что на боевую готовность непосредственно влияют даже технические характеристики оружия и боевой техники, о чем практически никто не пишет. Можно привести такой малоизвестный пример, который демонстрирует, как некоторые «технические детали» могут свести на нет любые усилия по приведению войск в полную боевую готовность.

Считалось, что противотанковая пушка калибра 45 мм образца 1937 года поражает все немецкие танки того времени на приемлемых дистанциях боя, то есть пробивает броню толщиной 43 мм с удаления не менее 500 метров. Однако неожиданно выяснилось, что бронебойный снаряд к этой пушке не может пробить броню танка Pz. III толщиной всего 30 мм даже с дистанции 400 метров. Оказалось, что многие партии этих бронебойных снарядов не соответствовали техническим требованиям того времени: снаряды буквально раскалывались о цементированную броню немецких танков, не причиняя им никакого вреда¹.

Таким образом, можно своевременно привести истребительно-противотанковую часть в полную боевую готов-

¹ Советская промышленность продолжала выпускать такие снаряды вплоть до августа 1941 года, когда немецкие механизированные и танковые соединения продвинулись в глубь территории СССР уже на многие сотни километров.

ность и даже вывести ее на выгодные рубежи и позиции, но судьба такой части незавидна. Скорее всего, и пушки и расчеты будут раздавлены наступающими немецкими танками, что нередко и случалось. Теперь читателю должно быть понятно, почему советские бронбойщики вынуждены были подпускать немецкие танки на дистанцию менее 100 метров. Отсюда же ясно, почему они несли огромные потери. Даже танк, получивший пробоину, представляет серьезную угрозу для противотанкового расчета, так как в ряде случаев и подбитый танк продолжает движение и может без управления пройти несколько десятков метров и, таким образом, въехать на огневую позицию артиллеристов.

Конечно, здесь пытливый читатель должен спросить: а кто же разрабатывал требования к самой пушке калибра 45 мм образца 1937 года и к бронбойным снарядам к ней, кто формировал оборонный заказ на производство этой артиллерийской системы, кто проводил ее полигонные испытания и кто, наконец, занимался военной приемкой этой оборонной продукции? Ответ на все эти вопросы очень прост: всю полноту ответственности за весь этот саботаж (а как иначе это можно назвать?) несет так называемый «маршал поражений» Григорий Иванович Кулик, заместитель наркома обороны, начальник Главного артиллерийского управления, один из ближайших соратников Сталина. Это именно тот маршал, который 22 июня 1941 года заявил: «Я не собирался воевать в 1941 году. Я готовился к войне в 1942 году»¹ [17]. Это именно тот маршал, которого Сталин 23 июня 1941 года направил в ЗапОВО «оказать помощь малоопытным командирам

¹ Трудно себе представить, что такие временные границы для начала войны с Германией «маршал поражений» придумал сам, без влияния «сверху», да и не мог же он, в конце концов, воевать в одиночку.

в организации разгрома фашистских войск». Это тот самый маршал, который, как и ожидал читатель, не смог оказать никакой помощи, а вместо этого оставил войска, выбросил все свои знаки различия, награды и документы и, переодевшись в крестьянскую одежду, лесами выбирался из окружения.

Даже не вникая в детали биографии¹ «маршала пораженных» (хотя это крайне рекомендуется), можно достаточно точно судить о его профессиональных и моральных качествах. И вот этот деятель, который не собирался воевать в 1941 году, отвечал за создание артиллерийских систем, их поставку в войска и за освоение этой техники. После того как этот выдающийся «помощник» выбрался из окружения и наконец добрался до своих, нарком госбезопасности Меркулов, собрав информацию о его поведении в окружении, запросил санкцию на арест Кулика, но получил отказ, хотя Сталин отправлял на казнь даже за менее значимые проступки, не говоря уже об истреблении невинных. Так, в 1936 году был репрессирован талантливый инженер, главный конструктор танкового конструкторского бюро завода № 183 Афанасий Осипович Фирсов, который заложил технические основы легендарного танка Т-34². Репрессирован он был якобы за пло-

¹ Просто не укладывается в голове, насколько поверхностно Сталин рассматривал кандидатуры на высшие военные посты и какое отдаленное представление он имел о специфике их деятельности. Какую помощь мог оказать Кулик командующему ЗаОВО, если он не имел абсолютно никакого опыта командования даже оперативным объединением, не говоря уже об оперативно-стратегическом?

² Ни в коем случае не ставя под сомнение заслуги М.И. Кошкина, который, кстати говоря, буквально отдал свою жизнь за будущее танка Т-34, приходится все же разочаровать тех читателей, которые исключительно с его именем связывают создание этой боевой машины. Техническую концепцию танка Т-34 массой до 30 тонн предложил именно А.О. Фирсов еще в 1935 году: противоснарядное бронирование с большими углами наклона броневых листов, длинноствольную

хую конструкцию коробки переключения передач для танка БТ, хотя, как потом выяснилось, выход из строя этого ключевого агрегата происходил из-за грубых нарушений условий эксплуатации танка, в том числе по причине необоснованно большого количества прыжков на танке за пределами его эксплуатационных ограничений.

Чтобы у читателя сформировалось представление о том, на кого работал «маршал поражений», необходимо подчеркнуть, что он был ярким противником разработки танка Т-34 и при этом предпринял ряд практических шагов, чтобы эту боевую машину не приняли на вооружение¹. Кулика все же арестовали, но уже в 1947 году, за критику линии партии, и расстреляли в 1950 году: один из редчайших случаев, когда репрессивная сталинская машина была близка к истине.

ГЕРОИЗМ ОДНИХ — ЭТО ВЫНУЖДЕННОЕ СЛЕДСТВИЕ ПРЕСТУПНОЙ БЕСПЕЧНОСТИ ДРУГИХ

К совершенно фантастическим последствиям, обесценивающим самые эффективные меры обеспечения боевой готовности, приводят даже незначительные ошибки в технических расчетах, о чем наглядно свидетельствуют результаты массированного воздушного налета авиации Краснознаменного Балтийского Флота (далее КБФ) по кораблям противника в Нарвском заливе 16 мая 1944 года [51]:

пушку калибра 76,2 мм и дизельный двигатель В-2. Кроме того, с его приходом на должность руководителя конструкторского бюро начался процесс установки на советские танки дизельных двигателей.

¹ Справедливости ради необходимо отметить, что преодолеть сопротивление высокопоставленных противников танка Т-34 типа Кулика удалось только благодаря вмешательству Сталина, который распорядился наряду с колесно-гусеничной машиной А-20 разработать и гусеничный вариант А-32 (прототип Т-34).

«Процент попаданий при топмачтовом¹ бомбометании оказался неожиданно высоким. Каждый топмачтовик нес четыре ФАБ-100, то есть всего по противнику было сброшено 36 бомб. По немецким данным, три бомбы попали в тральщик М-20, две — в корабль ПВО FJ-25. К сожалению, все попавшие бомбы не разорвались».

Все в этом налете было идеальным: и планирование, и организация, и даже действия экипажей. Но все эти колоссальные усилия и до деталей продуманные меры разбились вдребезги о мелкий, но острый «камешек»: ошибки в расчетах времени сброса предохранительных колпачков с взрывателей бомб ФАБ-100. В результате этой «незначительной» ошибки бомбы не взорвались и корабли противника, несмотря на прямые попадания, остались в целости и сохранности. Более того, оставшиеся нетронутыми корабельные силы и средства ПВО противника открыли интенсивный огонь по отходящим советским штурмовикам. Самое печальное состоит в том, что в этом идеально организованном налете, в котором и экипажи действовали смело решительно и грамотно, советская авиация потеряла шесть самолетов (три штурмовика и три истребителя) вместе с экипажами, при этом не причинив никакого вреда немцам.

Завершить описание уровня подготовки «сталинских соколов» и его влияния на боевую готовность хотелось бы малоизвестной историей, которая поставила крест на карьере командующего 48-й армией Брянского фронта генерала Самохина Александра Григорьевича².

¹ При топмачтовом бомбометании (изобретено в США) бомба с планирования сбрасывается на воду перед надводной целью и в результате рикошета от поверхности воды попадает в цель. Такой метод бомбометания, во-первых, повышает эффективность нанесения бомбовых ударов, а во-вторых, сокращает время пребывания штурмовика в зоне действия средств ПВО самой цели.

² В начале войны А.Г. Самохина назначили командиром 29-го литовского корпуса, который вскоре был разгромлен.

Получив 21 апреля 1942 года назначение, он в тот же день после приема у Сталина вылетел в Елец, чтобы представиться командующему Брянским фронтом и передать ему план предстоящего наступления фронта. Однако летчик, Коновалов Константин Алексеевич, которому было поручено доставить генерала по назначению и который к тому времени имел налет более 2500 часов, ухитрился не только залететь далеко от Ельца, но еще и посадить самолет на немецкой территории в районе Мценска. Таким образом, немцы получили в свои руки подробный план наступления Брянского фронта, и никакая боевая готовность советских вооруженных сил уже не могла им помешать провести необходимые приготовления.

Здесь хотелось бы сделать одно существенное пояснение относительно степени вины летчика. Во-первых, речь шла о доставке в штаб Брянского фронта руководителя крупного оперативного объединения, от действий которого зависела судьба десятков тысяч советских военнослужащих и, разумеется, результат всей предстоящей операции. Во-вторых, при нем был комплект документов государственной важности, не говоря уже о том, что сам генерал Самохин был носителем обширных совершенно секретных сведений. То есть для доставки руководителя такого ранга нужно было не только выделить самый подготовленный экипаж и лучший самолет, но и обеспечить его сопровождение истребителями на всем маршруте полета, чтобы исключить всякую случайность.

И вот хваленные советские органы государственной безопасности, о «доблестных» подвигах которых нам демонстрируют красочные фильмы, ничего этого не сделали и таким образом внесли свой «достойный» вклад в дело боевой готовности войск Брянского фронта.

Боевая готовность идет «рука об руку» с мобилизационными мероприятиями, предусматривающими прием дополнительного личного состава и укомплектование частей и со-

единений до штатов военного времени, получение боевой техники, вооружения, боеприпасов, средств материально-технического обеспечения, вплоть до котелков и портянок. Самые совершенные и глубоко продуманные оперативно-стратегические планы окажутся пустой бумагой, если не будут обеспечены людскими и материальными ресурсами. Правда, мобилизационные мероприятия невозможно провести так же быстро, как и привести войска в (полную) боевую готовность, поэтому здесь особое внимание уделяется тщательному планированию и заблаговременной подготовке. Даже беглый взгляд на состояние дел с мобилизационной готовностью в СССР в 1941 году вскрывает чудовищную степень деградации всей сталинской системы военного управления.

Некоторые бывшие руководители, в том числе и «маршал победы», в свое оправдание выдвигают ряд объективных причин плачевного состояния дел с мобилизационным планированием и подготовкой. В частности, они это объясняют существенным изменением границ СССР перед войной¹. Эти доводы действительно можно принять во внимание как создающие дополнительные особенности в планировании, но только лишь в части стратегического развертывания войск. Однако именно в этом проблемы и не было — перед войной на оккупированных западных территориях крупные группировки советских войск были созданы действительно заблаговременно. Что же касается оборонной промышленности и в целом материально-технического обеспечения, то глав-

¹ Говоря о границе, необходимо все же отдавать себе отчет в том, что, применяя термин «новая граница», историки сталинского толка стыдливо обходят ее официальное название, которое для этого придумали Молотов и Риббентроп при планировании раздела Польши: «линия разграничения германской и советской сфер интересов в Восточной Европе».

ная причина все же состояла в сталинской системе принятия решений, которая была больше похожа на ржавый, постоянно ломающийся механизм. Главная проблема в этом загнивающем механизме состояла, конечно, в некомпетентности ответственных за мобилизационную готовность должностных лиц и как следствие в убогих, не соответствующих реалиям будущей войны оценках и выводах. Кроме всего прочего, документы подолгу лежали в Генеральном штабе, у наркома обороны и, конечно, у председателя Комитета Обороны при Совете народных комиссаров, то есть в то время у К.Е. Ворошилова.

Как утверждает Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях» (что, правда, отчасти подтверждается другими источниками), проект нового мобилизационного плана на 1941 год для промышленности по производству военной продукции на случай войны он доложил К.Е. Ворошилову еще в марте 1941 года¹ [7]:

«Время шло, а решения по представленному мобплану не принималось, и тогда мы (Г.К. Жуков и В.Д. Соколовский) были вынуждены доложить лично И.В. Сталину об отсутствии промышленного мобилизационного плана. Было ясно, что наша промышленность, не подготовленная заранее к переводу производства по мобилизационному плану на нужды войны, быстро перестроиться не сможет».

Несмотря на доклад лично Сталину, ситуация ничуть не изменилась, и, когда началась война, этот план так и не был утвержден [7]:

«Все стали делать наспех, распорядительным порядком, зачастую неорганизованно и в ущерб одно другому».

¹ Конечно, применить термин «еще» было бы уместно, если бы дело происходило в 1940 году, а не в 1941-м, однако Жуков здесь совершенно не при чем, так как на должность начальника Генерального штаба он был назначен только в январе 1941 года.

Сейчас трудно судить о качестве представленного Жуковым проекта мобилизационного плана, но в Госплане и в промышленных кругах он вызвал обширную дискуссию, то есть, по хорошему, его подвергли критике, чем некоторые специалисты и объясняют такую задержку с принятием решения. Конечно, любой здравомыслящий читатель спросит: «А что бы изменилось, если бы этот план был утвержден, скажем, 20 июня 1941 года?» Ответ очевиден — ничего бы не изменилось. Такой план является постоянным, необходимым и обязательным атрибутом в системе государственного и военного управления. Речь может идти только о его уточнении, корректировке или переработке, например, в связи со значительными изменениями в военно-политической обстановке или в военно-технической области, и не более того. Приводя этот рассказ, Жуков, по существу, подтверждает, что после выполнения мобилизационного плана МП-22 на 1938—1939¹ годы страна два года жила без такого плана и промышленность толком не понимала, что же она должна была производить для нужд обороны.

Война тут же выявила дефицит самого необходимого как результат конформизма, а значит, искаженной оценки объективной действительности, безответственности и бездарного планирования (но не по вине генерала Павлова). Речь идет даже не о борьбе с воздушными целями, не о противотанковых средствах, которые в виде бутылок с горючей смесью пришлось буквально выдумывать с началом боевых действий, производить кустарным способом, а не серийно на предприятиях. Как отмечает в своих воспоминаниях Анастас Микоян [4], через месяц после начала войны выяснилось, что в войсках не хватает винтовок². Исключительно

¹ Утвержден Комитетом Обороны 29.11.1937, то есть заблаговременно, как и должно быть.

² Чтобы обеспечить нужды фронта, винтовки начали отбирать у милиции и охраны складов по городам и селам.

остро проблема со стрелковым оружием проявилась в ходе подготовки контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года. Например, войска Западного фронта, на который возлагалась основная тяжесть предстоящей операции, были обеспечены винтовками лишь на 60 % к штатной потребности, то есть по большому счету одна винтовка на двоих, как и утверждают ветераны Великой Отечественной войны. Поэтому командование вынуждено было изымать оружие в частях, которые в том момент не привлекались к боевым действиям, и передавать его соединениям, направляемым на фронт [38].

Воинскую часть без оружия можно своевременно привести в (полную) боевую готовность, но что она будет делать с вооруженным до зубов противником, с его танками и бронетехникой? Неужели Сталин, Ворошилов, Жуков и Тимошенко рассчитывали от немцев кулаками отбиваться? Проблема со стрелковым оружием возникла не на «ровном месте», а стала результатом общесистемных ошибок и просчетов в планировании и организации подготовки вооруженных сил страны к предстоящей войне. Эти ошибки и просчеты наглядно видны из доклада наркома обороны от 22 августа 1939 года. Так, согласно данным, представленным Климентом Ворошиловым [44], потребность войск в винтовках в ту пору составляла 625 тысяч, из которых на довольствии в Наркомате обороны состояло 297 тысяч, то есть около половины необходимого количества. За счет неприкосновенного запаса (или НЗ), хранимого на складах, можно было «покрыть» еще 327 тысяч единиц. То есть уже здесь мы видим нехватку в одну тысячу винтовок, а ведь для грядущей войны требовалось несколько миллионов единиц стрелкового оружия. Из этого же доклада легко видеть, что в графе «За счет заказов (промышленности) на 1940 г.» стоит прочерк, и становится совершенно ясно, что нехватку винто-

вок в 1941 году Сталин и его друг Ворошилов запланировали еще в 1939 году.

Но нехватка винтовок покажется еще «цветочками» на фоне дефицита самого простого и дешевого, но самого необходимого в повседневной жизни пехоты, а именно шанцевого инструмента. Эта немыслимая, не поддающаяся никакому объяснению проблема «проявилась» даже в 1943 году, то есть уже через два года после начала войны, и к тому же в ходе создания оборонительных рубежей на Курской дуге, то есть при подготовке ключевого сражения Великой Отечественной войны [46]:

«Ощущалась нехватка инструмента: лопат, кирок, пил и топоров, не велся должный контроль со стороны штабов за правильностью выбора командирами тактического звена позиций для своих подразделений и размещения важных инженерных заграждений. До середины апреля стало ясно, что, если ситуацию коренным образом не изменить, запланированную систему рубежей создать не удастся».

Как такое могло случиться в «самом передовом в мире обществе» под руководством всевидящего, всезнающего и всемогущего «вождя народов», верного последователя дела Ленина? Ведь любому генералу, если, конечно, это звание он получил не с рождением, а тем более генералиссимусу, очень хорошо известно, какую роль играет шанцевый инструмент в современной войне (в том числе и в XXI веке). Даже у хорошо вооруженного и готового к бою солдата очень мало шансов остаться в живых, а значит, иметь возможность сражаться и выполнять поставленные задачи, если он не сможет своевременно окопаться, оборудовать земляное заграждение для своей огневой точки (пулемета, противотанкового ружья), замаскировать ветвями деревьев важный объект, например пушку. Чтобы развеять малейшие сомнения по поводу роли в боевых действиях даже самых примитивных земляных за-

щитных сооружений, типа окоп, достаточно привести рассказ о ситуации вокруг 1-го батальона 64-й морской стрелковой бригады, сложившейся 22 декабря 1941 года в районе Волоколамска у села Ивановское [38]:

«Немцы, готовя очередную контратаку, усилили огонь по боевым порядкам батальона и под его прикрытием устремились на моряков. В тяжелом положении оказались тихоокеанцы: не имея окопов и других оборонительных сооружений, они были очень чувствительны к огню врага. Их ряды таяли. От разрыва вражеского снаряда погиб и (командир батальона) Токарев».

К этому рассказу для убедительности хочется еще добавить свидетельские показания Валентина Алексеевича Цветкова, который в августе 1943 года принимал участие в боях за Харьков и ситуацию видел на поле боя как солдат [75]:

«Перед тем как прямо в курсантской форме¹ мы 28 августа 1943 года в первый бой под Харьковом вступили — всем нам, во время одного из привалов, уже недалеко от линии фронта выдали винтовки-трехлинейки и карабины. У меня была винтовка без штыка и четыре обоймы по пять патронов. У некоторых были винтовки со штыками. Потом-то я понял, что надолго наше пополнение растягивать не собирались, потому что даже саперных лопат не выдали. А солдат в пехоте, что окопаться не может — это уже почти покойник. Каски тоже никому не выдавали. Так в пилотках набекрень и пошли в первую атаку...

Вот тогда-то и стало страшно, когда на своих парней раненых посмотрелся, на поле с трупами впереди».

¹ Курсантов Лепельского пехотного училища, эвакуированного перед самой войной в Череповец, направили сразу на фронт, а оружие выдали непосредственно на марше.

Итак, Сталин отправил своих солдат в бой хоть и с винтовками, но без касок, без саперных лопат и только с двадцатью патронами — он даже не рассчитывал, что кто-то из них выживет.

Любое углубление в тему мобилизационной подготовки вызывает исключительно отрицательные эмоции. Так, в августе 1939 года нарком обороны докладывал, что для обеспечения армии требуется дополнительно 14 тысяч грузовых автомобилей [44]. Действительно, нет необходимости подробно объяснять потребность в таком количестве грузовиков. Например, один боеприпас к пушке калибра 100 мм весит почти 21 кг, а значит, вес боекомплекта на одно орудие в 100 снарядов вместе с тарой и упаковкой превысит три тонны. Для транспортировки такого груза необходимо как минимум два грузовых автомобиля грузоподъемностью в 1,5 тонны. Еще один автомобиль необходим для транспортировки самой пушки, расчета и снаряжения. Таким образом, только на одну пушку для ее эффективного применения по противнику требуется три грузовика. Хотелось бы обратить внимание читателя на тот факт, что согласно докладу наркома обороны при такой огромной потребности в транспортных средствах поставки грузовых автомобилей за счет полного выполнения заказа 1939 года составят только 342 единицы. Сколько же лет должна была работать советская промышленность, чтобы «покрыть» нехватку в 14 тысяч машин? О какой боеготовности можно вести речь, если войска, орудия и снаряжение нечем своевременно доставить в район боевых действий или перебросить на угрожаемый участок.

Совершенно очевидно, что ситуация с грузовыми автомобилями к июню 1941 года изменилась незначительно, и по этой в том числе причине на складах западных военных округов остались нетронутыми около девяти миллионов снарядов.

Еще один пример полного отсутствия у сталинских соратников понимания характера предстоящей войны, результатом чего стали глубокие диспропорции в мобилизационном планировании, связан с вынужденным применением советскими войсками зенитных пушек для борьбы с танками противника. Безусловно, зенитные пушки крайне были нужны по их прямому назначению, однако чудовищное давление немецких механизированных и танковых соединений на нашу оборону вынуждало «изымать» их из системы ПВО для борьбы с немецкими танками. Наиболее массово и эффективно советские командиры применяли зенитные пушки, как среднего, так и малого калибра для борьбы с немецкими танками в сражении под Сталинградом¹. Покончить с этой практикой удалось только к середине 1943 года, то есть на третий год войны, когда фронт наконец получил достаточное количество сугубо противотанковой артиллерии.

Предметное изучение этого фрагмента в истории Великой Отечественной войны позволяет вскрыть более глубокую, общесистемную проблему экономического характера, которой советские руководители, командиры и инженеры того времени просто не занимались и, скорее всего, даже не понимали ее сути. Так, средний расход боеприпасов на один сбитый самолет зенитной артиллерией среднего калибра (85 мм) составлял 700 снарядов [15], то есть на два порядка больше, чем для уничтожения одного танка. И тогда встает вопрос: а где такие пушки нужны больше и в каком качестве они дают больший эффект — в системе ПВО или в истребительно-противотанковых частях и подразделениях? Приведенные впечатляющие показатели вынуждают поставить закономерный вопрос: что важнее было в ту пору — сбить один само-

¹ Войска ПВО в битве под Сталинградом уничтожили в общей сложности 173 немецких танка, то есть целую танковую дивизию.

лет зенитной установкой калибра 85 мм или при том же расходе снарядов уничтожить несколько десятков танков противника? Этот вопрос тем более уместен, что средний расход боеприпасов на один сбитый самолет зенитной артиллерией малого калибра (37 мм) составлял 525 снарядов, то есть на 25 % меньше, чем для зенитных орудий среднего калибра. А ведь главной ударной силой немецких ВВС был пресловутый пикирующий штурмовик «Юнкерс-87», который при выполнении боевых заданий выше одной тысячи метров вообще не поднимался, — то есть именно этот самолет был наиболее подходящей целью для зенитной артиллерии малого калибра.

Здесь еще следует учесть разницу в стоимости производства пушек обоих калибров, которая составляет примерно один порядок в пользу артиллерии малого калибра, а также расходы на выпуск снарядов для тех и других зенитных пушек, также с явным преимуществом зенитной артиллерии малого калибра. Таким образом, применение зенитных пушек среднего калибра по их прямому назначению обочивалось в ту пору бессмысленным расходом боеприпасов и необоснованной амортизацией дорогостоящих орудий. Какой смысл тратить все эти ресурсы на крайне неэффективную защиту рубежей от ударов с воздуха, если эти рубежи беззащитны от их захвата танками противника и его мотопехотой? Таким образом, сразу становится ясным «глубина» и «всесторонность» проработки этого вопроса, учет всех наиболее значимых факторов, как боевая эффективность, тактика применения, экономические показатели и технологичность.

Нехватка самого необходимого в тот период войны проявилась и в другой сфере. Так, для пушек калибра 76,2 мм (в том числе и для танков Т-34 и КВ-1) остро не хватало именно бронебойных снарядов, которые в тот тяжелый период нужны

были больше всего. Для такого странного подхода к мобилизационному планированию существовало две объективные причины. Во-первых, долгое время (ошибочно) считали, что для борьбы с немецкими танками вполне приемлема пушка калибра 45 мм образца 1937 года. Во-вторых, производство 76-мм бронебойных снарядов в СССР было налажено лишь незадолго до начала войны в связи с принятием на вооружение танка Т-34, и поэтому не успели создать их достаточные запасы. В результате обеспеченность войск перед войной 45-мм бронебойными снарядами достигала 91 %, а для пушек калибра 76-мм она составляла только 16 %. На каждую пушку (танковую и полевую) калибра 76-мм в среднем приходилось 12,5 бронебойных снарядов, вместо положенных 140, но в некоторых пограничных военных округах положение было еще хуже. Например, в ЗапОВО эта норма составляла 9 бронебойных снарядов, а в Ленинградском военном округе — менее одного. В то же время Одесский военный округ, против которого вермахт не выставил ни одной танковой дивизии, почему-то получил 34 76-мм бронебойных снарядов на каждый ствол этого калибра [18].

Вот он, блестящий образец сталинского «стратегического» мышления, его партийной «прозорливости» и «дальновидности», марксистско-ленинской научности и исключительно «продуманной» ленинской расстановки кадров.

Справедливости ради нужно отметить, что и девяти бронебойных снарядов на один ствол для ЗапОВО было бы достаточно, чтобы очень прилично «потрепать» Гудериана. Если хотя бы один из девяти таких снарядов попал в цель, то 2-я танковая группа вермахта потеряла бы несколько сот своих танков, и при таких потерях Гудериан вряд ли добрался бы до Минска. Но чтобы применить эти снаряды, необходимо, чтобы они были хотя бы уложены в танки и доставлены на огневые позиции полевой артиллерии, а не лежали на скла-

дах, как и положено в мирное время в условиях повседневной боеготовности. Сейчас уже не вызывает сомнений тот факт, что на захваченной немцами приграничной территории остались нетронутыми примерно восемь или даже девять миллионов снарядов, в том числе тысячи бронебойных калибра 76,2 мм. Если все эти снаряды не оставлять захватчикам, а применить их по назначению, то от ударной группировки вермахта «мокрого места» бы не осталось. Вот она, цена так называемых сталинских «ошибок» и «просчетов», вот он, результат слепой веры в «непогрешимый гений» Сталина.

Тема борьбы с танками в сочетании с некомпетентностью советских руководителей просто неисчерпаема. В частности, «легендарный» истребитель танков штурмовик Ил-2 отличался исключительно низкой эффективностью именно в борьбе с немецкими танками. Стреляющий из пушек Ил-2 внешне выглядел весьма эффектно (не путать с эффективно), но только в кино, рассчитанном на школьников и кухарок. На деле от всего этого шума никакого толка не было, а для уничтожения одного-единственного легкого немецкого танка необходимо было выделять наряд сил от 11 до 15 штурмовиков Ил-2. Таким образом, для уничтожения только 100 немецких танков требовалась армада из полторы тысячи самолетов, то есть соотношение просто неприемлемое ни для какой войны и ни для какой (военной) экономики¹.

¹ Потери немцев в танках от воздействия советской авиации оцениваются в пределах одного процента от общих боевых потерь танков на Восточном фронте. Таким образом, решающий вклад в борьбу с немецкими танками внесли артиллерия и танки, но не авиация. Нельзя также не отметить высокую боевую эффективность противотанковых мин и гранат, а также пресловутых бутылок с зажигательной смесью. Нет даже смысла сопоставлять экономические показатели противотанковой пушки (не говоря уже о противотанковой mine) и самолета.

Отсутствие у сталинских идеологов оружия ясного понимания реальных условий боевого применения штурмовой авиации довело до того, что на Ил-2 со снаряженной массой около шести тонн впервые в истории авиации решили установить пушку НС-45 калибра 45 мм (весом около 160 кг), чтобы хоть как-то повысить эффективность борьбы с танками. Однако чудовищная отдача (чудовищная для этого класса самолета), достигавшая величины в семь тонн (то есть превышавшая вес самого самолета), от двух одновременно стреляющих пушек, установленных на консолях крыла, вызывала неприемлемую вибрацию планера самолета и исключала прицельный огонь очередями. Фактически в точку прицеливания шел только первый и только один снаряд¹. Если к этому добавить, что боекомплект на каждую пушку составлял 50 снарядов, то становится ясной вся бесперспективность этой затеи.

Все эти недостатки применения пушки калибра 45 мм, пусть в меньшей степени, проявились уже на Ил-2 с пушкой НС-37 (калибра 37 мм). Ввиду низкой эффективности в роли противотанкового средства этот самолет был снят с производства постановлением Государственного Комитета Обороны от 12.11.1943. Кстати говоря, оценить разрушительную силу отдачи крупнокалиберной пушки (крупнокалиберной для этого типа самолетов) можно по катастрофе Ил-2 из 7-го гвардейского штурмового авиационного полка 11.09.1944 [51]:

¹ Впоследствии немцы, также без особых успехов, пытались увеличить калибр пушечного вооружения на двухмоторном штурмовике Нs-129, который был предназначен преимущественно для борьбы с советскими танками. Но в этом случае пушка все же устанавливалась в фюзеляж самолета вдоль его продольной оси, и поэтому при стрельбе она не вызывала столь сильные вибрации, как у Ил-2.

«Во время учебного бомбометания самолет разрушился на пикировании. Причиной сочли ослабление силовых элементов конструкции из-за отдачи пушки ИС-37 при выстреле. После этого еще оставшиеся в строю Ил-2 с 37-мм пушками были переданы в учебные части».

Ситуация здесь предельно проста: постоянные значительные нагрузки на планер самолета от стреляющей пушки калибра 37 мм в конце концов превысили допустимый эксплуатационный предел прочности и самолет просто разрушился.

Тем не менее ошибка с увеличением калибра пушки, а также неоправданные затраты людских и материальных ресурсов, не подкрепленные строгими научными расчетами, не остановили сталинских последователей от «наступления на те же самые грабли». О какой научности можно говорить при таком примитивном подходе к решению исключительно сложной проблемы прицельного поражения подвижных бронированных целей с летящего и к тому же маневрирующего самолета, управляемого летчиком в лучшем случае со средним уровнем летной и боевой подготовки, не в полигонных, а в реальных условиях боя¹.

Реальные возможности штурмовика Ил-2 для того уровня летной и боевой подготовки летного состава советских

¹ Несмотря на все эти перипетии в борьбе с танками, штурмовик Ил-2 по совокупности экономических и летно-технических характеристик заслуживает титула «самый лучший самолет Второй мировой войны». Во-первых, на штурмовике был предусмотрен широкий спектр вооружения, что позволяло применять его для решения разнообразных задач. Во-вторых, он отличался исключительной живучестью, не имеющей аналогов в мировой авиации. В-третьих, по основным летным характеристикам он превосходил знаменитый пикирующий штурмовик Ju-87 («штука»). В-четвертых, Ил-2 был дешев в производстве и благодаря этому стал самым массовым самолетом Второй мировой войны.

ВВС демонстрирует описание атаки немецкой подводной лодки U-481 в Нарвском заливе парой советских Ил-2 из 35-го штурмового авиационного полка под прикрытием своих истребителей 30 июля 1944 года [51]:

«Самолеты сбросили на нее (то есть на подводную лодку) восемь ФАБ-100¹, выпустили восемь РС-82² и обстреляли противника пушечно-пулеметным огнем. Прямых попаданий добиться не удалось».

Согласитесь, уважаемый читатель, что подводная лодка раз в десять больше танка по размерам и исключительно хорошо видна на глади воды — не то что танк среди оврагов, холмов и деревьев, в дыму и огне на поле боя. Тем не менее сталинские соколы «ухитрились» не попасть в нее, применив абсолютно весь имеющийся у них арсенал оружия, сделав при этом как минимум три захода: сначала сбросили бомбы, затем пустили ракеты и на третьем заходе постреляли по подводной лодке из пушек и пулеметов. В конце концов атака советских летчиков превратилась в полный абсурд: немецкие подводники сбили один советский штурмовик³, после чего подводная лодка, не торопясь, ушла во свояси без каких-либо повреждений. Совершенно фантастическое развитие событий — непонятно, что делать: то ли плакать, то ли смеяться.

Чтобы читатель представлял себе исключительную сложность описанной проблемы и бесполезность усилий, предпринятых советскими военными начальниками и конструкторами, можно привести уникальный при-

¹ ФАБ-100 — фугасная авиационная (свободно падающая) бомба калибра 100 кг.

² РС-82 — реактивный (неуправляемый) снаряд калибра 82 миллиметра.

³ На этот раз экипаж сбитого Ил-2 удалось спасти: его подобрала наша катера.

мер в современной авиации применения семиствольной пушки GAU-81A калибра 30 мм и скорострельностью 4000 выстрелов в минуту на американском штурмовике А-10 «Thunderbolt» с максимальным взлетным весом около 23 тонн (а не шесть, как у Ил-2) и полезной нагрузкой 7260 кг. Чтобы свести к минимуму вибрацию планера самолета, а также крутящие моменты от отдачи пушки (которая составляет 7140 кг, то есть столько же, сколько и у Ил-2), ее установили строго вдоль продольной оси самолета (как и на немецком штурмовике Hs-129) и очень близко к ней снизу в передней части фюзеляжа. Такая компоновка, правда, вынудила конструкторов сместить переднюю стойку шасси самолета вправо на 40 сантиметров от продольной оси самолета¹, что не имеет аналогов в мировом авиастроении. Только благодаря этим принципиальным технологическим решениям (наряду с баллистическим вычислителем и системой прицеливания), а также наличию солидного боекомплекта в 1174 бронебойных снарядов (то есть в 20 раз больше, чем у Ил-2) самолет А-10 «Thunderbolt» очень хорошо себя зарекомендовал как средство борьбы с танками во время операции «буря в пустыне» в Ираке в 1991 году.

«Скромные» противотанковые возможности Ил-2 еще можно объяснить технологическим уровнем того времени, но этот специализированный штурмовик явно проигрывал по эффективности боевого применения, например, про-

¹ У немецких конструкторов такой проблемы не было, так как на самолетах такого класса в ту пору передней стойки шасси вообще не существовало. Переднюю опору начали впервые применять американцы, и, судя по всему, первым таким самолетом стал транспортный двухмоторный самолет «Lockheed Model 12». В боевой авиации компоновку с передней стойкой шасси имел средний бомбардировщик В-25 и истребитель «Аэрокобра».

тив надводных целей даже американскому истребителю Р-40 «Kittyhawk»¹, о чем наглядно свидетельствуют данные, представленные в таблице 1 [51].

Таблица 1

Результаты ударов по надводным целям различными типами самолетов

Выведено из строя судов	Ил-4 торпедоносцы	Ил-4 бомбардировщики	Р-40	Ил-2	Р-40, Ил-2
до 100 брт	0	0	10	3	1
до 3000 брт	2	3	8	3	0
свыше 3000 брт	2	1	0	2	5
боевых кораблей и вспомогат. судов	4	2	14	4	10
Всего	8	6	32	12	16

Как видно из приведенных данных, истребителями Р-40 «Kittyhawk» выведено из строя почти в три раза больше судов и кораблей противника, чем специализированными штурмовиками Ил-2. Авторы этого поучительного исследования приводят следующее совершенно феноменальное объяснение такого положения дел [51]:

«Что же до парадоксальной, на первый взгляд, большей эффективности бывшего истребителя Р-40 по сравнению со специализированным штурмовиком Ил-2, то “секрет” “киттихока” в том, что он оказался в нужное время, в нужном месте, т.е. именно в Заполярье».

Правда, потом все же выясняется, что у Р-40 имеются и объективные преимущества по сравнению с Ил-2, в част-

¹ Английское слово «hawk» означает буквально «сокол», а сочетание букв «aw» в данном конкретном случае близко по произношению к русскому «о», но никак не «ав», как это пытаются сделать многие маститые историки. Поэтому название этого самолета на русском языке лучше всего звучит как «китихок», но уж не «китигавк».

ности, большой радиус действия, что позволяло применять этот американский самолет в режиме «свободной охоты», а не только по запоздалым данным разведки.

Чтобы после ознакомления с такими негативными оценками боевых качеств советской авиационной техники у читателя не сложилось превратное впечатление о выдающихся советских авиационных конструкторах, хотелось бы осветить одну фундаментальную причину крайне низкой эффективности ее (техники) применения. В августе 1940 года (то есть менее чем за год до начала войны) Сталин собрал совещание руководителей, отвечавших за боевую авиацию в Советском Союзе, чтобы из первых рук узнать, как идет освоение новых самолетов (что очень похвально для главы государства, обеспокоенного состоянием дел в ключевом виде вооруженных сил).

Заместитель наркома обороны и начальник Главного управления ВВС Павел Васильевич Рычагов доложил, что одна из ключевых проблем в боевой авиации заключается в низком нормативно определенном налете выпускников летных училищ. Как он буквально выразился:

«30 часов хватит разве для того, чтобы летчик разбился. А ему еще воевать нужно уметь. 120 часов требуется как минимум!»

Хотелось бы обратить внимание читателей на тот факт, что согласно приказу народного комиссара обороны № 070 от 04.06.1939 (принятого за год до этой встречи) налет в летных школах был увеличен до 30 часов [82]. То есть до этого приказа налет в летных школах был менее 30 часов. И что же на это ответил «премудрый» и «дальновидный» Сталин:

«120 часов налета... Мальчишеские рассуждения. Мы горючее на ветер не собираемся бросать...»

Хотелось бы спросить у читателей, во-первых, сколько же нужно часов, чтобы научиться с предельной осторожностью ездить на автомобиле, а не то, что бы летать на боевом само-

лете. Не говоря уже о том, что летчик должен уметь вести воздушный бой, или наносить удары по наземным целям! А во-вторых, в какую сумму государству обходились потери авиационной техники, которые перед войной достигли немислимой величины — до 900 самолетов в год? То есть Страна Советов накануне войны только по причине аварийности теряла два-три самолета ежедневно, не говоря уже о том, что ежегодно в этих авариях (а точнее — катастрофах) погибали десятки летчиков? Неужели эти колоссальные потери можно сравнить со стоимостью авиационного топлива на лишние два-три десятка часов полета?

Через год, в апреле 1941 года, на подобном совещании у Сталина Павел Рычагов допустил еще одно крайне резкое высказывание, которое, правда, уже касалось и технических характеристик советской авиационной техники, особенно ее надежности:

«Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах!»

Может быть, Павел Рычагов преувеличивает или даже искажает факты, ведь он же заинтересованное лицо? Чтобы убедиться в горькой правде, предоставим слово человеку независимому, которому можно доверять, а именно сыну Сталина Василию, который в начале 1941 года обучался на курсах усовершенствования командиров авиационных эскадрилий в Липецке¹. В своем письме отцу (то есть Сталину) Василий, в частности, пишет [84]:

«...у нас на курсах командиры эскадрилий летают на таком старье, что страшно глядеть. Летают в большинстве на И-15.

¹ В той самой школе, в которой в свое время обучались немецкие летчики и которая в настоящее время является центром боевой подготовки ВВС России.

Непонятно, кем мы будем командовать. Ведь к июню м-цу (месяцу) большинство частей будет снабжено новыми машинами, а мы, будущие командиры эскадрилий, не имеем понятия об этих новых машинах, а летаем на старье.

К тому же были случаи, когда эти старые самолеты не гарантировали благополучного исхода полета. Например, отлетали фонари, отлетали щетки крепления крыльевых пулеметов. А такие случаи очень редко кончаются благополучно».

Весьма поучительно понять, что причиной появления уже упомянутого приказа народного комиссара обороны № 070 от 04.06.1939 и принятия предусмотренных в нем «экстраординарных» мер, включая увеличение налета до 30 часов, стала гибель в конце 1938 года и начале 1939 года пяти Героев Советского Союза (не одного или двух, а пяти):

- Брядинского Александра Матвеевича. Погиб в авиационной катастрофе 04.10.1938 на самолете ДС-3 во время поисков экипажа В.С. Гризодубовой;

- Чкалова Валерия Павловича. Погиб 15.12.1938 при выполнении первого вылета на самолете И-180;

- Губенко Антона Алексеевича. Погиб 31.03.1939 в авиационной катастрофе;

- Серова Анатолия Константиновича. Погиб 11.03.1939 в авиационной катастрофе на самолете УТИ-4 при выполнении учебно-тренировочного полета (вместе с Полиной Осипенко);

- Осипенко Полины Денисовны. Погибла 11.03.1939 вместе с Анатолием Серовым.

И как же поступил главный проводник идей Ленина, Маркса и Энгельса, «мудрый» и всезнающий Сталин? Героя Советского Союза Павла Рычагова сняли с должности, затем его арестовали (понятно, что не по указанию Черчилля или Рузвельта), зверски пытали и в конце концов расстреляли.

Расстреляли также и жену Павла Рычагова, заместителя командира отдельного авиационного полка особого назначения Марию Нестеренко. Ее расстреляли по следующему феноменальному обвинению, которое не могла бы придумать даже испанская инквизиция в Средние века:

«Будучи любимой женой Рычагова, не могла не знать об изменнической деятельности своего мужа».

Может быть, Сталин, преподав такой поучительный урок всем советским начальникам (чтобы не порочили советскую авиационную промышленность), тем не менее все же принял меры по повышению качества летной подготовки советских летчиков? Ответ на этот вопрос находим в приказе народного комиссара обороны № 105 от 03.03.1941 [83]:

«Установить в школах военных пилотов общий налет на курсанта на учебном и боевом самолетах:

а) Для бомбардировщиков — 20 часов, из них: контрольно-вывозных — 8 часов; самостоятельных — 12 часов.

б) Для истребителей — 24 часа, из них: контрольно-вывозных — 9 часов; самостоятельных — 15 часов».

Итак, в 1941 году, за три месяца до войны, нормы налета снижены до неприемлемой величины 20 часов для бомбардировщиков и 24 часа для истребителей. Вероятно, «вождь народов» полагал, что летное мастерство приходит само собой, а не дается тяжким каждодневным трудом, многократным выполнением летных заданий, отработкой до автоматизма всех действий летчика (и экипажа). Можно также предположить, что глава первого в мире государства советского типа считал, что учиться летать нужно не в летных школах, а в бою — и он в этом абсолютно прав. Действительно, каждый бой для летчика — это очередной поучительный урок, но в бою учатся не летать, а умению воевать с учетом тех конкретных условий войны, которые не были смоделированы во время освоения летной программы и которые не знакомы

инструкторам и командирам. Летную науку можно осваивать и во время реального воздушного боя, но дается такая наука огромной, ничем не оправданной кровью — по крайней мере, ее трудно оправдать лишней тонной авиационного бензина, даже высокооктанового.

То, что сказал Павел Рычагов, — это лишь «маленькая» правда в сложном комплексе проблем подготовки квалифицированных летных кадров для боевой авиации, которую (правду) мог понять глава государства, не имеющий ни малейшего представления об этой деятельности. Но он и этого не понял. А «другая» правда состоит в том, что общий налет в 30 часов, о котором говорил Рычагов, свидетельствует лишь о некоторой тренировке летчика на учебном самолете, обычно морально устаревшем и физически отжившем биплане. Налет же на боевом самолете, на котором предстояло летать в строевой части, у выпускника советского летного учебного заведения не превышал четырех часов. Попробуйте за четыре часа научить кого-нибудь хорошо ездить не на крошечном «Пежо-107», а на седельном тягаче с грузом 10 тонн, и посмотрим, что у вас получится.

В организации подготовки летного состава в Советском Союзе можно выделить еще один существенный изъян, который без лишних объяснений поймет любой близкий к авиации человек. Как известно, Советский Союз в развитии истребительной авиации пошел по своему пути и в отличие от фашистской Германии принял на вооружение не единый истребитель, а три достаточно разные боевые машины: Як-1, Миг-3 и ЛаГГ-3. Здесь сразу же возникает проблема унификации и стандартизации при производстве, эксплуатации и ремонте разнотипной боевой техники, а также при поставках для нее запасных частей, материалов и принадлежностей. Однако эта проблема — уже предмет отдельного исследования. Что же касается качества подготовки летного со-

става, то советские конструкторы не стали обременять себя созданием учебно-тренировочного самолета, оснащенного двумя тандемно расположенными кабинами, который необходим и для обучения летчиков, и для проверки их уровня летной и боевой подготовки, и для решения некоторых вспомогательных задач типа разведка погоды.

Необходимость в таких учебно-тренировочных машинах в ту предвоенную пору объясняется тем, что новое поколение истребителей существенно отличалось от прежних бипланов и по специфике пилотирования, и по сложности оборудования, и по силе вооружения. Если же учесть мизерный налет советских летчиков в авиационных школах, то полеты с инструктором на учебно-тренировочной машине были крайне необходимы. Это понимание все же пришло к одному советскому авиационному конструктору, а именно Яковлеву, и в феврале 1941 года был принят на вооружение такой учебно-тренировочной самолет, получивший обозначение Як-7УТИ. Эту машину, ориентированную на Як-1, пришлось применять и для подготовки летчиков на два других типа самолетов: МиГ-3 и ЛаГГ-3. При написании данной книги не удалось установить даже приблизительное количество Як-7УТИ, применявшихся для подготовки советских летчиков-истребителей, однако достоверно известно, что эти машины начали поступать в строевые авиационные части буквально накануне войны, так как их производство было налажено лишь в мае 1941 года на заводе № 301 [86]. Применять же их в летных училищах начали только в сентябре 1941 года, поэтому появление Як-7УТИ никак не могло повлиять на уровень подготовки советских летчиков к началу войны.

Если пойти дальше, то низкий уровень эффективности советской авиации и ее большие потери очень хорошо объясняет следующее высказывание немецкого воздушного аса Гюнтера Ралля:

«Русские — отличные истребители, но они не подготовлены вести бой слаженно, эскадрильями».

И тут выясняется, что мы до этого говорили лишь об индивидуальной подготовке летчиков, а требуется еще и их тактическая выучка хотя бы в составе авиационного подразделения, для которой опять же требуется дополнительный налет, причем еще больший, чем для индивидуальной подготовки.

Вероятно, Сталин мог бы все это понять в общих чертах, если бы не считал себя безошибочным проводником марксизма-ленинизма и абсолютным знатоком военного дела. Если бы он при этом посвятил авиационной тематике, скажем, несколько часов, чтобы внимательно выслушать специалистов, вникнуть в систему летной подготовки и разобраться в составляющих боевой готовности и боевой способности авиационных частей и соединений. Вероятно, если бы он это сделал на пару лет раньше и определил бы те самые 120 часов налета, о которых просил Павел Рычагов, то возможно, что в первый день войны советская авиация не потеряла бы в воздухе (воздушных боях) более 400 самолетов, не четырех или 40, а именно 400. О потерях более 1200 самолетов на земле тоже нужно говорить, но с другой точки зрения.

И даже тактическая выучка — это еще не вся правда. Летчик должен не только хорошо летать, но и уметь выжить в аварийной ситуации и в сложных условиях. Его надо научить прыгать с парашютом, ориентироваться в лесу, в тундре и на море, добывать пищу, бороться с хищниками. Так, самого выдающегося воздушного аса всех времен и народов немецкого летчика Эриха Хартмана много раз сбивали советские летчики и зенитчики¹. Он восемь раз горел в подбитом

¹ Эриха Хартмана в общей сложности сбивали 14 раз — совершенно беспрецедентный случай, но история не оставила имен тех советских летчиков, которым удалось победить в воздухе лучшего аса Второй мировой войны.

самолете и, казалось бы, должен был погибнуть, но каждый раз Хартман сумел покинуть кабину самолета и спастись на парашюте. Один раз он даже попал в плен к советским военным, но умудрился бежать, перебраться через линию фронта и снова вернуться в строй.

Другой выдающийся немецкий летчик-штурмовик — Ханс-Ульрих Рудель — пять раз был ранен в воздухе, и все пять раз он, будучи раненым, умудрился довести самолет до своего аэродрома. А 19 августа 1944 года при выполнении боевого задания в районе Эргли (Латвия) снарядом советского зенитного орудия ему перебило правую ногу. Хуже того, самолет Руделя получил сильные повреждения, и ситуация казалась безвыходной. Однако немецкий летчик умудрился «дотянуть» до своего аэродрома и остаться в живых (вместе со своим стрелком-радистом) после того, как при жесткой посадке его самолет полностью разрушился. Хотелось бы в этой связи отметить, что после ампутации стопы ноги Рудель, находясь на лечении, сбежал из госпиталя не то что не дождавшись выздоровления, а с временным протезом и в гипсе на правой ноге. И он летал с протезом и гипсом на ноге, даже несмотря на то, что из-за этого не мог без посторонней помощи ни сесть в кабину, ни выбраться из нее после посадки.

Чтобы читателю были до конца понятны роль и значение летной и иной подготовки, которая без сомнений базируется на продуманных теоретических занятиях и обязательной отработке действий в кабине самолета в воздухе, хотелось бы отметить, что в фашистской Германии налет выпускников летных школ достигал 400 часов или в 16 раз больше, чем в Советском Союзе в 1941 году. То есть немецкие летчики прибывали на фронт не с мизерным налетом в 30 часов, а уже основательно обученные и хорошо подготовленные. При этом их допускали к боевым вылетам не по формальным показате-

лям (отлетал необходимое количество часов — и в бой), а по фактическому уровню выучки. Так, уже упомянутый выше летчик-штурмовик Ханс-Ульрих Рудель фактически трижды прошел программу подготовки на штурмовике, прежде чем его направили в боевую эскадрилью.

Возможно, что некоторые читатели, сменившие свою ориентацию с христианства на сталинизм, сочтут приведенные аргументы несущественными придирадками, которые в общем случае не могли повлиять на состояние советских ВВС. Первый же день войны и огромные потери советской авиации в этот день нельзя считать объективным показателем, так как Гитлер напал на Советский Союз «вероломно». Чтобы развеять всякие сомнения по этому поводу, обратимся к фактам, только к фактам, и к сухим беспристрастным цифрам, не относящимся к первым дням войны.

Одним из важнейших показателей уровня летной подготовки летного состава считаются (боевые) потери самолетов. Итак, в ходе контрнаступления под Москвой (в конце 1941 года) в 163, 237, 518 и 521-м истребительных авиационных полках (в составе Калининского фронта) осталось 14 исправных самолетов. Хотелось бы подчеркнуть, что эти полки были оснащены не убогими бипланами И-15, а новейшими машинами Як-1, так что жаловаться на качество авиационной техники не приходится. Исходя из штатной численности истребительного авиационного полка в 63 самолета (по 20 на каждую из трех эскадрилий и три самолета в звене управления), относительные потери советской истребительной авиации достигли 95 %.

А как же складывалась ситуация для немецкой авиационной группировки на Восточном фронте? Ответ на этот вопрос вполне предсказуем, и в наиболее понятной форме его можно изложить двумя словами: «весьма плачевно». Действительно, потери истребительной авиации у немцев

к концу битвы под Москвой достигли совершенно невыносимой и неприемлемой для Германии величины 67 %. Если выразиться предельно простыми терминами, то у немцев на каждые 100 самолетов в «живых» осталось 33, а у советских истребителей — только 5. То есть по ключевому показателю потерь советская истребительная авиация действовала в шесть с лишним раз хуже немецкой.

Второй объективный показатель, основанный на сравнении данных по количеству воздушных побед, еще более убедительно демонстрируют уровень летной и боевой подготовки летчиков-истребителей противоборствующих сторон. Лучше всего для этого сравнить совершенно бесспорные данные по количеству воздушных побед у шести самых результативных немецких и советских летчиков-истребителей, которые и представлены в таблице 2.

Таблица 2

Результаты лучших советских и немецких асов

Советские летчики		Немецкие летчики	
Фамилия	Побед	Фамилия	Побед
Иван Кожедуб	62	Эрих Хартман	352
Александр Покрышкин	59	Герхард Баркгорн	301
Николай Гулаев	57	Гюнтер Ралль	275
Григорий Речкалов	56	Отто Киттель	267
Кирилл Евстигнеев	53	Вальтер Новотны	258
Арсений Ворожейкин	52	Вильгельм Бац	242
Итого:	339	Итого:	1695

Вот он, ожидаемый результат — соотношение один к пяти в пользу немецких летчиков, немецкой системы подготовки летных кадров, немецкой тактики применения боевой авиации, высокого боевого духа немецких летчиков.

Сопоставляя результативность советских и немецких асов, необходимо привести некоторые поучительные факты, кото-

рые характеризуют достоверность данных о победах советских летчиков, в том числе и Александра Покрышкина. Так, в известном воздушном сражении на Кубани летом 1943 года были засчитаны следующие наиболее крупные победы над немецкими истребителями [86]:

- по 17 немецких самолетов А.Ф. Лавренову и В.С. Конобаеву;
- по 15 побед В.И. Фадееву и А.И. Трудю;
- по 10 самолетов А.И. Покрышкину и Д.Б. Глинке.

Итого, имеем 84 немецких самолетов-истребителей, сбитых только наиболее результативными советскими летчиками (результативными в небе Кубани). Фактически же потери немцев в этом сражении составили ровно 100 истребителей, из которых 42 уничтожено, а 58 повреждены и отправлены в ремонт. Но, как свидетельствуют документы, даже из 42 безвозвратно потерянных истребителей только 28 были сбиты в воздушных боях, а остальные 14 потеряны по разным причинам, например, уничтожены на земле в результате попадания бомб. Таким образом, если предположить, что данные по воздушным победам Александра Ивановича Покрышкина и Дмитрия Борисовича Глинки верны, то непонятно, каким образом «делить» оставшиеся восемь сбитых немецких самолетов-истребителей ($28-10 \times 2=8$). Более того, советская авиационная группировка истребителей на Кубани насчитывала не менее 25 истребительных авиационных полков, то есть в этом воздушном сражении принимали участие более 1500 летчиков. Трудно поверить, что ни один из них за все лето не сбил ни одного немецкого самолета-истребителя, а все воздушные победы принадлежат лишь нескольким советским летчикам, среди которых и Александр Покрышкин.

Возвращаясь к боевым заслугам советских асов, хотелось бы привести одну из фундаментальных причин такого соотношения результативности немецких и советских летчиков,

связанную с состоянием и развитием авиационной школы¹ в обеих странах. Как известно, основу ВВС в фашистской Германии составляли ветераны Первой мировой войны. То есть немцы, несмотря на серьезные социальные потрясения в Германии, все же сохранили этот «золотой фонд». Они сохранили авиационную школу, а с ней и всех тех, кто мог не только обучать подрастающее поколение авиаторов и передавать свой опыт, но и творчески развивать концепции применения боевой авиации в современной войне. Что касается Советского Союза, то «золотой фонд» боевой авиации после 1917 года был систематически уничтожен, многие специалисты покинули страну, как это, например, случилось с талантливым русским авиационным конструктором Сикорским. Если же к этому добавить, что в период сталинских репрессий 1937—1938 годов было истреблено более 75 % старшего офицерского состава, то в Советском Союзе не осталось тех, кто мог бы обучать, передавать опыт и творчески развивать авиационную теорию.

* * *

Упомянутая выше «волокита» с мобилизационным планом и грубые просчеты в мобилизационном планировании — это не единственный прецедент, характерный только для высшего звена управления государством и вооруженными силами страны. Навязанный Сталиным принцип уклонения от ответственности насаждался повсеместно, и он пронизывал всю систему государственной власти в СССР до самых ее низов, о чем красноречиво свидетельствуют уникальные записки генерала Бирюкова [52]:

¹ Школы как системы взглядов, концепций, учений в области ВВС, проектирования и производства боевой авиационной техники, а также подготовки летного состава.

«Инструкция по боевому применению мотоциклетных частей не утверждается целый месяц. В управлении (УБП¹) мотоциклетный устав лежал 1,5 года без утверждения. В управлении боятся взять на себя ответственность».

Обратите внимание, уважаемый читатель, что речь идет об уставе мотоциклетных частей, а не ВВС или хотя бы бронетанковых войск, и тем не менее не нашлось ни одного человека, способного взять на себя ответственность, чтобы в течение более полутора лет ввести в действие этот документ. Можно ли было при таком подходе даже мечтать о внедрении и освоении новых прогрессивных принципов, методов и средств ведения войны, применения войск и боевой техники?

Читатель может убедиться в порочной атмосфере подавления сталинским режимом инициативы в войсках и на примере применения пикирующего бомбардировщика Петлякова Пе-2. Оказалось, что этот самолет в период Великой Отечественной войны крайне редко применялся по своему прямому назначению как пикирующий бомбардировщик. Практически применение Пе-2 всю войну сводилось к площадным ударам с горизонтального полета или с пологого пикирования, что и определяло соответствующую относительно низкую эффективность применения этого самолета. Таким образом, заложенные в самолете ключевые возможности не использовались, а значит, выделенные на его разработку, создание и производство ресурсы расходовались впустую.

Причин для этого историки и специалисты приводят много, включая плохие погодные условия на европейской территории СССР, как будто бы для немецких пикирующих

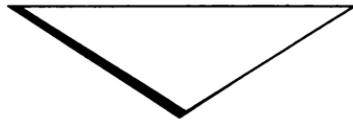
¹ Речь идет об управлении боевой подготовки Главного автобронетанкового управления РККА.

штурмовиков Ju-87 они были иными. Но главная из упоминаемых причин состояла в слабой подготовке летного состава и в нежелании (или боязни) авиационных начальников и командиров всех рангов проявлять инициативу в направлении совершенствования летной выучки своих подчиненных и освоения методики бомбометания с пикирования. Не хочется сравнивать с немецкими авиационными командирами, но приходится. В ВВС фашистской Германии нанесение бомбовых ударов с пикирования для пикирующих самолетов с самого начала было основным способом их боевого применения.

Лишь начиная с 1943 года, и только благодаря инициативе командира 301-й бомбардировочной авиационной дивизии Ивана Семеновича Полбина¹, опытные экипажи начали при благоприятных условиях применять Пе-2 «по профилю», как пикирующий бомбардировщик. Только после окончания Второй мировой войны на Пе-2 стали проводиться полномасштабные исследования по бомбометанию с глубокого пикирования.

¹ Генерал-майор Полбин Иван Семенович погиб 11 февраля 1945 года в небе над Бреслау при нанесении бомбового удара по войскам противника.

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно.

Карл фон Клаузевиц

Каким бы оружием ни были оснащены войска, результат его (оружия) применения зависит в первую очередь от качественных характеристик личного состава, владеющего этим оружием. Качество командиров и солдат — это очень сложный и комплексный показатель, который трудно поддается количественному измерению, но который является решающим фактором в любой войне, так как именно он определяет и боеготовность, и боеспособность частей, соединений, объединений и вооруженных сил в целом.

Так, военная наука утверждает, а жизнь многократно подтверждает, что важнейшими условиями победы являются такие не поддающиеся измерению характеристики, как смелость, отвага, дерзость¹ и инициатива — инициатива от солдата до командующего. А инициативу Сталин в то время подавлял и безжалостно истреблял: проявление инициативы в лучшем случае каралось освобождением от должности, а в худшем — расстрелом.

Значение инициативы для успешного и эффективного выполнения боевых задач демонстрируют хотя бы нашумев-

¹ Дерзость по отношению к противнику как проявление крайней формы отваги и инициативы, правда, граничащей иногда с безрассудством.

шие действия немецкой 7-й танковой дивизии под командованием легендарного генерал-майора Эрвина Роммеля¹ в 1940 году на центральном участке вторжения во Францию (через Бельгию). Эта дивизия была укомплектована выходцами из Тюрингии, которые никогда не отличались высокими боевыми качествами, однако не зря Александр Македонский сказал: «Стадо баранов под руководством одного льва может сделать значительно больше, чем стадо львов под руководством одного барана».

Эта непреложная военная истина пронизывает всю историю человечества. Например, всем известен бесславный разгром Польши в сентябре 1939 года, в том числе и польских ВВС. Однако мало кто знает, что польские летчики в битве за Британию в 1940 году под руководством британских командиров показали просто феноменальные результаты. В частности, польский летчик Йозеф Франтишек² из 303-й эскадрильи в течение лета 1940 года сбил 17 немецких самолетов, из них 9 «Мессершмитт-109», то есть ненамного «отстал» от самого результативного британского аса Эрика Локка, который за тот же период сбил 21 немецкий самолет, в том числе 13 «Мессершмитт-109». Йозеф Франтишек стал первым иностранцем в Великобритании, получившим планку к медали «За выдающиеся летные заслуги». А вот по совокупности результатов авиационных подразделений, сражавшихся в 1940 году в битве за Британию, на первом месте по количеству сбитых немецких самолетов оказалась упомя-

¹ Звание генерал-фельдмаршала он получил в 1942 году. Здесь также уместно отметить, что Эрвин Роммель никогда не был членом нацистской партии, а Гитлера называл «несчастьем немецкого народа».

² Йозеф Франтишек — по происхождению чех и начинал службу в чешских ВВС. После оккупации немцами Чехословакии вместе со многими военными перебрался в Польшу, где и продолжил военную службу.

нутая выше 303-я эскадрилья, укомплектованная польскими летчиками. Какие комментарии нужны к упомянутому крылатому выражению Александра Македонского — никому неизвестный польский летчик чешского происхождения, который всю жизнь летал на убогих бипланах, под руководством грамотных британских командиров, на хорошем самолете («Хоукер Харрикейн») продемонстрировал просто удивительные результаты.

То же самое относится и к немецкой 7-й танковой дивизии, укомплектованной выходцами из Тюрингии. Итак, к вечеру 16 мая 15-й армейский (моторизованный) корпус Германа Гота¹, в состав которого входила и дивизия Роммеля, вышел на границу Бельгии и Франции. Оказалось, что этот участок границы был оборудован системой укреплений и защитных сооружений, включая долговременные огневые точки, бронекупола, колючую проволоку и минные поля. Роммель получил приказ «прощупать» оборону противника, но без разрешения ни в коем случае не уходить за линию фронта. Уяснив задачу, Роммель в тот же вечер, не мешкая ни секунды, без подготовки, в сумерках, используя внезапность, ворвался на позиции французов. Его танки в упор расстреляли огневые точки французов через их амбразуры и буквально смяли оборону противника.

Прорвав первую линию обороны, Роммель не стал тратить время на пространные доклады о достигнутом успехе и немедленно устремился вперед². Ночью около 23.00 на марше

¹ Того самого Германа Гота, одного из творцов бронетанковой мощи Германии и в последующем командующего 3-й танковой группы (армии), которая в июне 1941 года наносила удар в стык ЗапОВО и ПриБОВО.

² Как предполагают некоторые историки, Роммель на период своего броска преднамеренно выключил радиостанцию, чтобы не отвлекаться на переговоры с начальством, но это лишь гипотеза.

по направлению на Авен он наткнулся на 5-ю механизированную дивизию французов, которая на свою беду расположилась на ночлег, полагая, что находится в тылу в полной безопасности. Оставив после себя сотни пылающих танков, машин и другой уничтоженной боевой техники противника, Роммель около полуночи ворвался в Авен, где в упорных уличных боях уничтожил еще одну (1-ю) танковую дивизию французов. Но он не успокоился и на этом и к шести утра уже следующего дня (с начала рейда) захватил мост через реку Самбра в Ландреси.

Остановился Роммель только через полчаса восточнее Ле-Като, уже в 50 километрах от линии фронта, и то лишь только потому, что в частях и подразделениях дивизии, участвовавших в «прощупывании обороны» противника, подошли к концу и боеприпасы, и топливо для танков и машин, но по крайней мере об усталости подчиненного ему личного состава вопрос не стоял.

За этот рейд соединение Роммеля получило прозвище «дивизия-призрак» за свою способность совершать молниеносные броски и внезапно появляться в самых неожиданных местах, в том числе неожиданных и для немецкого командования. По сталинским меркам Роммель за самоуправство угодил бы под трибунал, но немецкое командование отметило его заслуги, хотя и «пожурило» за невыполнение приказа (то есть «не уходить за линию фронта»). Действительно, одна-единственная немецкая дивизия благодаря инициативе, отваге и дерзости своего командира буквально за сутки захватила ключевые рубежи и нанесла французам колоссальный материальный и моральный ущерб. Кроме всего прочего, Роммель в этом нашумевшем походе взял в плен около десяти тысяч французских солдат и офицеров. При этом его дивизия потеряла только сорок человек убитыми и 75 раненых.

И это вовсе не единичный и уникальный случай в вермахте, но так как поборники мракобесия об этом предпочитают не писать, то и читатели в нашей стране о таких случаях мало что знают, а идеалом смелости и отваги считают бросок на амбразуру. Например, особой решительностью и дерзостью в бою в сочетании с высоким мастерством отличался непобедимый воздушный ас, командир эскадрильи майор Герхард Баркхорн, на счету у которого 301 сбитый самолет противника (в основном на Восточном фронте)¹. Баркхорн был мастером внезапных нападений и предпочитал атаки с пикирования со стороны солнца либо заходил снизу сзади в хвост самолету своего соперника. Из имеющихся материалов следует, что дерзость и решительность он сочетал с осторожностью по отношению к действиям противника. Тем не менее готовность к бою у него стояла на первом месте, вследствие чего за 1104 сделанных им боевых вылетов его самолет сбивали девять раз, но ни разу Баркхорн не покинул поврежденную или горящую машину — беспрецедентный случай в авиации.

Несмотря на свои боевые заслуги и должность командира эскадры, Баркхорн так и не вступил в нацистскую партию. Утверждают также, что однажды после очередной воздушной победы на Восточном фронте на вопрос своего подчиненного, почему он не расстрелял из пулемета спускавшегося на парашюте советского летчика, Баркхорн сказал: «Тот парень, которого я сегодня сбил, имеет такое же право на жизнь и любовь, как ты и я».

Если вернуться к основной ударной силе вермахта, то исключительной дерзостью прославился танковый мастер ко-

¹ Самым результативным летчиком Второй мировой войны стал Эрих Альфред Хартманн (немецк. Erich Alfred Hartmann) подчиненный Герхарда Баркхорна, который сбил 352 самолета противника, в том числе последний 08.05.1945.

мандир 2-й роты 101-го тяжелого танкового батальона СС¹ Михаэль Виттман². В частности, Виттман 13 июня 1944 года в районе Виллер-Бокаж (Нижняя Нормандия) в одиночку, то есть на одном танке «Тигр», вступил в бой с 22-й бронетанковой бригадой 7-й бронетанковой дивизии англичан³, которая прославилась в ходе сражений в Северной Африке и получила название «пустынные крысы» (англ. Desert Rats). Благодаря своей предельной дерзости и внезапности он за 20 минут «поставил мировой рекорд по эффективности боевого применения танков», то есть уничтожил 21 танк и 28 единиц другой бронетехники противника, после чего отступил без каких-либо повреждений⁴.

Если дерзкая акция Виттмана покажется читателю слишком избитой и банальной, то в многочисленных источниках можно найти и иные, не менее дерзкие и смелые, действия

¹ В тот период 101-й тяжелый танковой батальон (осенью 1944 года номер был изменен на 501) входил в состав специальной группы сухопутных войск (нем. Heeresgruppe) под командованием теперь уже генерал-фельдмаршала Эрвина Роммеля.

² Общий результат уничтоженной Виттманом техники противника оценивается в 141 танк и 132 противотанковых орудия (не считая машин). Самым же результативным танкистом Второй мировой войны считается почему-то забытый историками Курт Книспель, на счету которого 168 подтвержденных побед над танками противника.

³ По всем законам военной науки и при простом сравнении сил атака Виттмана представляется чистым самоубийством, но с учетом многих не очевидных с точки зрения математики обстоятельств он, тем не менее, решился на эту атаку.

⁴ В отдельных публикациях отмечается, что этот бой продемонстрировал техническое превосходство танка «Тигр» перед машинами союзников. С этим трудно не согласиться, хотя боев, которые демонстрировали высокие технические и боевые характеристики танка «Тигр», было предостаточно. Главное, что продемонстрировал этот бой, так это роль и значение не поддающихся измерению «нематериальных» характеристик: смелости, решительности и дерзости.

умелых и решительных немецких командиров. В частности, еще один результативный немецкий танковый ас, Вилли Фей, вспоминая свой боевой опыт, описывает такой случай, который не предусмотрен никакими уставами, инструкциями и наставлениями по боевому применению танков, который произошел 24 декабря 1944 года в районе города Манэй [16]. Около 10 часов вечера командир танкового взвода из дивизии СС «Дас Райх»¹ Франц Фраушер по своей личной инициативе и под своим руководством двумя танками незаметно пристроился к колонне танков 7-й танковой дивизии США. Дождавшись наиболее благоприятного момента, у поворота на шоссе 15 южнее Манэй оба немецких танка вышли из походного строя и расстреляли американскую колонну. В течение нескольких минут они уничтожили десять танков противника и рассеяли всю колонну, после чего ушли невредимыми. Кажущаяся простота этой дерзкой акции сопряжена с высоким риском неминуемой гибели в случае любой, даже незначительной ошибки, что, кстати, подтверждается другими схожими примерами.

Чтобы не приводить пространные описания подобных многочисленных примеров, хотелось бы лишь добавить, что только благодаря инициативе и дерзости немецких командиров были захвачены нетронутыми мосты через Западную Двину в Даугавпилсе (в Латвии Даугава) несмотря на то, что они находились на удалении 250 километров от границы. Советские саперы просто не ожидали такого нахальства, были захвачены врасплох и не успели взорвать мосты². Теперь читатель может без подробных объяснений понять,

¹ Немецк. «Das Reich», то есть государство, империя или рейх.

² Здесь уместно отметить, что за охрану мостов такой категории отвечали войска НКВД, и читатель может оценить «мужество» этих «героев», их «смелость» и «готовность выполнить» приказ любой ценой.

что немецким войскам тем более не пришлось форсировать Неман в классическом понимании этого термина, когда они подошли к реке через несколько часов после вторжения, пройдя примерно 60 километров от границы. Они без всяких проблем «переехали» Неман по нетронутым мостам в районе Алитус¹ и Меркине. Немецкие командиры смело и дерзко пошли через мосты на восточный (правый) берег Немана, несмотря на то, что им противостояло лучшее и самое боееспособное в вооруженных силах СССР танковое соединение: 5-я танковая дивизия под командованием полковника Ф.Ф. Федорова.

На вооружении этой дивизии имелось 268 танков, в том числе 50 танков Т-34 и 37 КВ, с которыми в то время не мог равняться ни один немецкий танк. Кроме лучших по тем временам танков эта дивизия имела и отличное артиллерийское вооружение: противотанковые пушки калибра 45 мм, полевые орудия калибра 76 мм, гаубицы калибра 122 и 152 мм, минометы большого калибра и даже зенитные орудия калибра 37 мм — всего 116 стволов. Таким образом, при простом (математическом, то есть без учета боевых качеств) сравнении сил и технических характеристик советские танкисты и артиллеристы могли бы без труда «стереть с лица земли» немецкую ударную группировку².

¹ В разгроме советских войск под Алитус опять же проявила себя пресловутая немецкая 7-я танковая дивизия, но уже под командованием генерал-майора (с сентября 1942 года генерал-лейтенанта) барона Ханса фон Функа.

² Отдельного исследования заслуживает проблема, почему оборонявшая этот район советская 5-я танковая дивизия не оказала достойного сопротивления немецкой ударной группировке в составе только 7-й и 20-й танковых дивизий, оснащенных преимущественно легкими устаревшими танками чешского производства Pz. 38(t) с пушкой калибра 37 мм, танкетками Pz. I с пулеметами и Pz. II с пушками калибра 20 мм. То есть о принятом пятикратном превосходстве

Чтобы читатель не воспринял это утверждение как необоснованное обвинение с целью дискредитации полковника Федорова, который так бездарно и позорно позволил немцам разбить самое сильное в советских вооруженных силах танковое соединение, придется на примере показать, что же в схожих условиях против довольно крупной танковой группировки противника смог сделать только один артиллерист (а не самая боеспособная в советских вооруженных силах и полностью укомплектованная танковая дивизия). Речь идет о подвиге старшего сержанта артиллерии Николая Владимировича Сиротинина, который он совершил 17 июля 1941 года в районе белорусского городка Кричев, и которому в ту пору исполнилось 20 (двадцать) лет, то есть его боевой опыт не шел ни в какое сравнение с «боевым опытом» полковника Федорова.

Согласно официальной информации, под натиском 4-й танковой дивизии (в составе 2-й танковой группы генерал-полковника Хайнца Вильгельма Гудериана¹) части советской 13-й армии отступали², а вместе с ними отступал и полк, в котором служил Сиротинин. Было принято решение оставить у моста через реку Добрость на 476-м километре шоссе Москва — Варшава одно 76-мм орудие с расчетом из двух человек и боекомплект в 60 снарядов прикрывать отступление

наступающей стороны не могло быть и речи. Также неясно, почему за невыполнение боевой задачи и оставление вверенного рубежа без приказа не отдали под суд военного трибунала командира 5-й танковой дивизии, то есть полковника Ф.Ф. Федорова.

¹ В некоторых русскоязычных источниках имя транслитерируется как Гейнц, поэтому в интересах научной точности приходится привести полное имя на немецком языке: Heinz Wilhelm Guderian. Сочетание же немецких букв «ei» дает звук, близкий к «ай», а не «ей».

² Язык не поворачивается сказать, что целая советская армия отступала под натиском одной немецкой дивизии, но из истории этот эпизод уже не вырезать.

с задачей задержать танковую колонну противника. Одним из номеров расчета стал командир батареи (в чине лейтенанта), а вторым добровольно вызвался Николай Сиротинин.

Орудие было замаскировано на холме в густой ржи, а позиция позволяла хорошо просматривать шоссе и мост. Когда на рассвете показалась колонна немецкой бронетехники, Николай первым выстрелом подбил вышедший на мост головной танк, а вторым — замыкающий колонну бронетранспортер, тем самым создав пробку на дороге. Командир батареи получил ранение и, поскольку боевая задача была выполнена, ушел в сторону советских позиций. Однако Сиротинину было жалко бросать выгодную позицию, тем более, что при пушке по-прежнему оставалось значительное количество неизрасходованных снарядов, поэтому он продолжил неравный бой. Немцы предприняли попытку расчистить затор, стащив подбитый танк с моста двумя другими танками, но и они были подбиты. Бронемашина, попытавшаяся преодолеть реку вброд, увязла в болотистом берегу, где была уничтожена. Немцам долго не удавалось определить местоположение хорошо замаскированного орудия; они считали, что бой с ними ведет целая батарея. Бой продолжался два с половиной часа, за это время Сиротинин, 20-летний юноша, а не опытный полковник, уничтожил 11 танков, шесть бронемашин, 57 немецких солдат и офицеров¹.

¹ Поражают воображение бездарность и скудоумие сталинских пропагандистов, которые в отличие от настоящих защитников Родины имели высокие звания и хорошее положение в советских вооруженных силах. Подвиг Сиротинина в самом начале войны они не то что не поставили в пример советским бойцам и командирам, они его даже не заметили. Отсюда понятно, почему об этом подвиге вспомнили только в 1960 году, то есть через 19 лет после героической гибели Николая Сиротинина.

Несмотря на то что у полковника Федорова было не одно (как у Николая Сиротинина), а более ста орудий калибра 76 мм, и при этом его танковая дивизия была своевременно приведена в полную боевую готовность и даже заранее выведена на огневые рубежи, немцы смело и решительно подавили сопротивление советских танкистов и продолжили развивать оперативный успех. Некоторые советские историки рисуют довольно впечатляющую картину танкового сражения в районе Алитус, в ходе которого дивизия Федорова якобы нанесла серьезный урон 7-й и 20-й немецким танковым дивизиям, а самого Федорова представляют чуть ли не героем¹. Однако они обходят вниманием тот факт, что после этого «тяжелого» сражения 7-я немецкая танковая дивизия, на вооружении которой не было ни одного летающего танка, в целости и невредимости уже утром 24 июня оказалась в Вильнюсе, то есть в 80 километрах от Алитус.

Для того чтобы понять первоисточник такой феноменальной инициативы и дерзости у немецких командиров, обратимся к одному из самых авторитетных военных начальников того времени, а именно к Эриху фон Манштейну. Будучи командиром 6-й роты 5-го пехотного полка в небольшом

¹ В интересах полной объективности и, возможно, частичного оправдания неспособности полковника Федорова с максимальной эффективностью применить вверенную ему дивизию по ее предназначению, необходимо отметить, что в должность командира дивизии он вступил только 19 июня 1941 года, то есть за три дня до начала войны, после окончания курсов повышения комсостава. До этой же даты обязанности командира дивизии исполнял заместитель командира дивизии П.А. Ротмистров, который в 1943 году в пресловутом танковом сражении под Прохоровкой командовал 5-й гвардейской танковой армией. За несколько же дней до начала войны П.А. Ротмистров получил назначение на должность начальника штаба 3-го механизированного корпуса, в состав которого входила и печально знаменитая 5-я танковая дивизия, и убыл к новому месту службы.

бранденбургском городе Ангермюнде, где он проходил службу с 1921 по 1923 год, Манштейн отмечает [37]:

«Моей задачей было не только обучать молодых солдат хорошей службе, но и прививать им навыки руководства на случай возможного дальнейшего расширения армии.

Воспитание и подготовка солдат всех родов войск была направлена на то, чтобы научить их самостоятельно мыслить и действовать. А это одно из наиболее важных качеств военного».

Уважаемый читатель, попытайтесь найти что-либо похожее у «товарища» Жукова, который в течение многих лет по долгу службы был обязан воспитывать в своих подчиненных способность самостоятельно мыслить и действовать. Именно поэтому трудно было ожидать инициативы и тем более дерзости от советских командиров. Подобные качества, характерные для немецких командиров, без сомнения потенциально присущи русским, украинцам, белорусам и другим национальностям в составе Советского Союза. Тем более, что геройский подвиг Николая Сиротинина это наглядно подтверждает.

Поднимая этот не столь очевидный для непосвященных в специфику военной тематики вопрос об инициативе, особенно в контексте имени «маршала победы», нельзя не отметить лучшего советского танкового аса старшего лейтенанта Дмитрия Федоровича Лавриненко, который к 18 декабря 1941 года уничтожил 52 танка противника. В своем последнем бою на подступах к Волоколамску (в ходе контрнаступления под Москвой) он командовал оперативной группой 1-й гвардейской танковой бригады в составе танковой роты и отделения саперов (которое расчищало от мин маршруты движения танков). На рассвете, застигнув немцев врасплох, группа успешно атаковала деревню Гряды. Оценив обстановку, Лавриненко проявил инициативу и решил продол-

жить атаку, не дожидаясь приказа сверху и подхода главных сил. Танковая рота под его командованием ворвалась в село Покровское, где огнем и гусеницами уничтожила немецкий гарнизон. Затем Лавриненко повел свою роту в атаку на соседнее село Горюны, куда отошли немецкие танки и бронетранспортеры. Немецкие части не смогли противостоять атаке одновременно с двух сторон — роты Лавриненко и только что подошедших основных сил 1-й гвардейской танковой бригады, были разбиты и бежали.

Хотелось бы особенно отметить, что благодаря инициативе, решительности и, по-хорошему, дерзости, эту операцию Дмитрий Лавриненко провел с минимальными потерями. Принимая во внимание к тому же его самые высокие показатели по уничтоженным немецким танкам, по которым он значительно (то есть в несколько раз) опережал всех остальных наиболее результативных советских танкистов, казалось бы, что командующий Западным фронтом, то есть Жуков, должен был бы, во-первых, немедленно представить героя-танкиста к высшей государственной награде.

Во-вторых, как этого требует служебный долг, следовало обобщить и распространить опыт описанных боевых действий, поставить смелого и инициативного танкиста в пример всем командирам вверенных Жукову войск фронта. Действительно, если бы все старшие лейтенанты сражались так, как Лавриненко, и так же как он, проявляли инициативу, не дошли бы немцы ни до Москвы, ни до Минска, несмотря на бездарное руководство войсками генералами и маршалами. Тем не менее, несмотря на все эти очевидные факты, в «Воспоминаниях и размышлениях» Жукова находим массу пустых рассуждений, но ни одного слова о подвигах подобного рода, а тем более об их анализе и обобщении.

Соответственно, долгое время и о Лавриненко мало что было известно. Лишь благодаря настойчивым просьбам мар-

шала бронетанковых войск М.Е. Катукова, генерала армии Д.Д. Лелюшенко и некоторых кубанских писателей старшему лейтенанту Лавриненко было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, но только в 1990 году, то есть спустя 49 лет после его трагической гибели под Волоколамском.

Мог ли Жуков, который руководил контрнаступлением под Москвой, пожертвовать своей одной звездой, чтобы признать выдающиеся заслуги советского танкиста, уничтожившего за короткий срок 52 танка противника и отдавшего жизнь за Родину.

Именно эта же мысль, то есть о готовности и способности советских воинов сражаться смело, решительно, инициативно и дерзко, всю жизнь мучила еще одного выдающегося советского танкиста — механика-водителя старшего сержанта Дмитрия Малько. Он стал участником одного из наиболее невероятных танковых рейдов, который в начале войны совершил по Минску на трехбашенном танке Т-28 совершенно случайный экипаж под командованием майора Васечкина [76]. В состав этого экипажа (кроме Дмитрия Малько и Васечкина) входили еще четыре молодых и необученных курсанта:

- Федор Наумов — заряжающий;
- Николай Педан — пулеметчик правой башни;
- Сергей (фамилия неизвестна) — пулеметчик левой башни;
- Александр Рачицкий — пулеметчик тыльного пулемета (головной башни).

Вся эта разношерстная команда в силу разных обстоятельств случайно встретилась в районе реки Березина, и, поняв, что находятся в окружении, они решили двинуться на танке в Минск, а не прорываться на восток к своим. Итак, солнечным днем 3 июля 1941 года в Минск, который уже неделю был захвачен фашистами, неторопливо въехал

советский танк Т-28. Немцы совершенно не удивились появлению у себя в тылу боевой машины со звездами, так как уже в то время у них на вооружении стояло немало советской трофейной бронетехники. Но и советские танкисты действовали смело и дерзко, тщательно и неторопливо подыскивая наиболее подходящие цели. В итоге этого удивительного похода они уничтожили 10 танков и бронемашин противника, а также 14 грузовиков, три артиллерийские батареи и около 360 человек личного состава врага.

Понятно, что советский танк в конце концов все же был подбит, но Дмитрию Малько удалось выбраться и уйти¹. В конечном итоге он даже добрался к своим, и читатель, вероятно, предположит, что Дмитрия Малько тут же представили к награде, повысили в звании и, конечно, поставили в пример остальным танкистам. Нет, все было совсем не так: те самые упитанные, хорошо одетые, выспавшиеся и не тронутые лишениями войны особисты устроили ему кровавый допрос, и Дмитрия приговорили к расстрелу. В последний момент кто-то из командиров все же отменил этот преступный приговор сталинских палачей и Малько остался жив.

Пожалуй, он должен быть благодарен сталинскому режиму за то, что ему каким-то чудом сохранили жизнь. Читатель может провести любопытный эксперимент и опросить сто человек, чтобы убедиться, как мало людей в нашей стране (не говоря уже о загранице) знают таких героев, как Лавриненко и Малько.

Описав роль и значение инициативы в военном деле, необходимо совершенно однозначно определить, что инициа-

¹ Выжить удалось еще Федору Наумову и Николаю Педану — остальные погибли.

тиву нужно формировать, воспитывать, прививать и всячески поощрять, а Сталин к 1941 году истребил почти всех подготовленных, грамотных и инициативных командиров и начальников. Те же, кто остались живы, уже больше не рисковали проявлять инициативу.

Совершенно блестящий пример отношения советских военных начальников к инициативе своих подчиненных приводит Светлана Александровна Герасимова¹ при анализе причин провала Первой Ржевско-Сычевской операции 1942 года [6]. Она отмечает слепое выполнение приказов свыше, неумение или нежелание большинства командиров всех уровней взять на себя ответственность, а про инициативу и тем более дерзость и говорить не приходится. В частности, в боях за деревню Полунино (севернее Ржева) наступавшая здесь советская дивизия² пыталась безуспешно овладеть ею почти двадцать дней подряд, упорно атакуя с севера. Как следует из Журнала боевых действий этой дивизии, в период с 30 июля по 6 августа 1942 года при многократных попытках прорвать оборону противника в районе Полунино ее части потеряли более четырех тысяч человек [22].

Когда же был назначен новый командир дивизии, лично изучивший другие пути подхода к деревне, она была освобождена в ходе жестокого, но всего лишь двухчасового боя путем одновременных ударов с юга и севера. Казалось бы, великолепный образец тактической грамотности, умения и инициативы, который надо было бы не только поощрить, но и поставить в пример всем командирам частей и соединений. Однако на очередном совещании у командующего

¹ Пишет под псевдонимом Елена Ржевская в честь города Ржев.

² Речь идет о 16-й гвардейской стрелковой дивизии, которая во взаимодействии с 255-й танковой бригадой наступала из района Старшевицы в направлении Дешевки — Наумово — Коршуново — Рамено — Полунино [22].

фронтом¹ этого командира дивизии подвергли критике, якобы за неумелое применение танков.

Схожую оценку уровня тактической подготовки и оперативной грамотности у советских командиров и военных начальников можно найти и у других историков. В частности, Илья Борисович Мощанский так объясняет низкий темп наступления советских войск в ходе контрнаступления под Москвой в декабре 1941 года [38]:

«...войска плохо учитывали состояние противника, в боевых порядках которого в то время было множество промежуточных и свободных проходов по окрестным лесам и полям. Наступавшие соединения втягивались в бои за овладение опорными пунктами, поспешно создаваемыми немцами в населенных пунктах, узлах дорог и на господствующих высотах, но, к сожалению, при этом они действовали крайне неумело.

Так, части 9-й стрелковой дивизии в течение 8 декабря трижды предпринимали попытку атаковать поселок Снегири на Волоколамском шоссе (11 км юго-западнее Истры), но трижды откатывались назад со значительными потерями. Причем неудачных действий было немало: один из командиров приданных дивизии бригад не умел оперативно управлять боем, другой — с опозданием вывел подразделения на рубеж атаки. Главная же причина неудач в том, что дивизия стремилась выполнить поставленную задачу только ударом с фронта».

Когда автор этих поучительных строк пишет *«войска плохо учитывали»*, он подразумевает не буквально солдат

¹ В этот период 16-я гвардейская стрелковая дивизия входила в состав Калининского фронта, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев. Однако с 05.08.1942 ответственным за координацию действий Калининского и Западного фронтов был назначен Г.К. Жуков. Поэтому остается неясным вопрос, кто же из них критиковал этого командира дивизии.

и сержантов, а в первую очередь командующих объединениями и командиров соединениями. От командиров же частей, а тем более подразделений мало что зависит с точки зрения определения направлений главных ударов, оперативного построения войск и взаимодействия родов войск.

Все эти грустные характеристики советских командиров и военных начальников целиком и полностью совпадают и с оценками противостоящей стороны, которые можно, в частности, найти в сочинениях немецкого генерала Меллентина¹ [65]:

«Безрассудное повторение атак на одном и том же участке, отсутствие гибкости в действиях артиллерии и неудачный выбор района наступления с точки зрения местности свидетельствовали о неумении (советских командиров) творчески подходить к решению задач и своевременно реагировать на изменения в обстановке. Только немногие (советские) командиры среднего звена проявляли самостоятельность в решениях, когда обстановка неожиданно менялась.

Что касается русских (то есть советских) военачальников, то хорошо известно, что:

а) они почти в любой обстановке и в любом случае строго и неуклонно придерживаются приказов или ранее принятых решений, не считаясь с изменениями в обстановке, ответственными действиями противника и потерями».

Инициативу в советском обществе Сталин «выкорчевывал» не только в сугубо военной среде, но и в военно-технической среде, о чем свидетельствуют следующие его указания от 05.06.1942 [52]:

¹ Генерал-майор танковых войск вермахта. На Восточном фронте службу проходил в должности начальника штаба 48-го танкового корпуса. Историки приписывают ему следующую оценку войны Германии против СССР: «Там мы оказались в положении человека, который схватил волка за уши и пытается не дать ему вырваться».

1. Полтора-два месяца проводить улучшение существующего танка Т-34.

2. Основной дефект наших танков в том, что они не могут совершать больших переходов.

3. Слабым местом в танках является ненадежность механизмов передачи, трансмиссии.

4. Сосредоточить внимание на улучшении танков.

Не укладывается в голове, какой ерундой занимался Верховный главнокомандующий, особенно если учесть, что в стратегическом плане нерешенных вопросов в июне 1942 года было больше чем предостаточно. Можно напомнить читателю, что именно в этот период немцы, разгромив советские войска под Харьковом, стремительно продвигались к Волге и на Северный Кавказ. В районе Демянска они прорвали кольцо советского окружения, в котором несколько месяцев находилась крупная группировка войск фашисткой Германии, и вывели из окружения без потерь все свои части и соединения. На Керченском полуострове проваливаются все попытки советского командования провести крупные десантные операции.

Можно привести еще десяток крупных проблем, которые требовали от Верховного главного командования принятия более срочных и важных мер, чем изучение трансмиссии танка Т-34. Остается только Сталину самому сесть в танк и потренироваться в вождении, стрельбе из пушки и в управлении экипажем танка и танковым подразделением. И тогда бы Верховный главнокомандующий сделал для себя много новых открытий, а список выявленных недостатков занял бы несколько страниц, а не две-три строчки. Кстати говоря, проблемы с трансмиссией на танке Т-34 возникли не весной 1942 года, а сразу же с момента появления этой боевой машины. И если уж Сталин хотел принять личное участие в их устранении, то начинать эту работу ему надо было в марте 1940 года, когда два танка Т-34 появились у стен Кремля.

Совершенно очевидно, что этими инженерными делами должны были заниматься совсем другие руководители, которым по долгу службы надо было бы понять недостатки танка Т-34 в управлении, стрельбе и в ремонте. Но эти люди очень хорошо знали, чем закончатся их попытки модернизировать танк без личного разрешения товарища Сталина, и поэтому ничего не делали до июня 1942 года.

Уважаемый читатель, можете ли себе представить, чтобы президент США давал бы указание руководителям авиационной промышленности, например, переделать тросовую (мягкую) проводку системы управления бомбардировщиком под жесткую (трубчатую)? Разве это удел Верховного главнокомандующего вооруженными силами страны?

Завершая характеристику значения инициативы в военном деле, приходится вынужденно привести исключительно уникальный, не имеющий аналогов в истории пример, который абсолютно убедительно демонстрирует степень «умерщвления» инициативы сталинским режимом. Когда началась война, командующий ЗапОВО генерал Павлов вместо того, чтобы немедленно сосредоточить все усилия на отражении агрессии, начал звонить в Москву и спрашивать, а что же ему делать. На какой ответ он еще рассчитывал от людей, которые не собирались воевать в 1941 году? Соответственно, он получил естественную команду «не паниковать, есть вероятность уладить конфликт мирным путем» [10].

И только в седьмом часу в штаб ЗапОВО поступила директива из Москвы, разрешающая войскам вступить в бой. В этом примере как в зеркале отразились способности советских высших военных начальников на всех уровнях антиадекватно оценивать ситуацию и «своевременно» принимать значимые решения.

Здесь весьма уместна параллель с Германией для демонстрации катастрофического влияния скудости мысли вождя,

непосредственно вмешивающегося в управление войсками. Как известно, в декабре 1941 года после успешного контрнаступления советских войск под Москвой он отправил в отставку целый ряд высокопоставленных генералов¹ и при этом заявил: «Любой может руководить таким пустяком, как военная операция». Ну как тут не вспомнить крылатое выражение К. Клаузевица: «На войне все просто. Но самое простое оказывается наиболее сложным».

И действительно, чем больше Гитлер брал на себя руководство боевыми действиями и ограничивал инициативу своих военных начальников, особенно в стратегическом и оперативно-стратегическом звеньях управления, тем хуже для немцев развивались события на фронте. Трудно умалить достоинства Гитлера как солдата (если так можно выразиться, учитывая его ужасную роль в истории) и его знание солдатского труда², что должно быть присуще любому генералу и (фельд) маршалу. Однако только одних этих качеств явно мало для управления войсками даже на тактическом уровне, не говоря уже об оперативном, а тем более стратегическом. Личная смелость, отвага и мужество не могут служить эквивалентной заменой глубокой и всесторонней военной подготовке, оперативному таланту и многолетнему опыту управления войсками.

Так, летом 1942 года Гитлер даже не хотел слушать предупреждения и возражения своих генералов, которым было очевидно, что немецкие войска под Сталинградом сами себя загоняют в оперативный мешок. Не было у Гитлера необ-

¹ В это трудно поверить, но были смещены даже самые талантливые немецкие военные начальники, в частности Гудериан.

² За проявленные инициативу, храбрость и усердие в ходе Первой мировой войны Гитлер был награжден высшей солдатской наградой — Железным крестом первой степени, — которую присуждали крайне редко.

ходимого оперативного кругозора, да и неоткуда было ему взяться у бывшего ефрейтора, поэтому как военный начальник он не видел «дальше своего носа». К этому еще следует добавить, что под Сталинградом Гитлер на карту поставил свой престиж, поэтому он отвергал любые рекомендации об отводе 6-й армии с опасного участка фронта, а также своевременные предложения о прорыве «котла», в который попало объединение Паулюса [30].

«Престиж» Гитлера стоил Германии потери одной из крупнейших группировок войск почти в 300 тысяч человек.

Говоря о грубейших просчетах Гитлера стратегического характера, хотелось бы кратко осветить малоизвестный факт его неумелого вмешательства в концепцию реактивных самолетов, что также можно отнести к проблеме стратегического масштаба. Как известно, первый в мире серийный реактивный самолет Me.262 был исходно задуман как истребитель, способный эффективно бороться с любыми воздушными целями того времени, и он предназначался для нейтрализации воздушных налетов союзников на Германию.

Первые успешные испытания нового детища Мессершмитта состоялись еще в июле 1942 года¹, и все шло к тому, что Me.262 примут на вооружение ВВС фашистской Германии. Однако этот колоссальный технологический успех не нашел должного отклика в умах нацистских стратегов. Вначале Гитлер считал, что нецелесообразно переходить на серийный выпуск истребителя Me.262, так как с задачами воздушного

¹ Первый полет Me.262 с поршневым двигателем состоялся еще 18.04.1941 для проверки аэродинамической схемы самолета. Первый же его полет с тремя двигателями (одним поршневым и двумя реактивными) состоялся 25.03.1942 и чуть не закончился катастрофой в связи с отказом обоих реактивных двигателей.

боя в ту пору успешно справлялись Bf.109 и Fw.190¹, выпуск которых был хорошо налажен и они сходили с конвейера огромными сериями. Затем, когда он наконец уяснил для себя принципиальную разницу между реактивной и поршнево-авиацией, то распорядился переделать в скоростной бомбардировщик машину, спроектированную сугубо как истребитель.

Конечно, такую задачу Мессершмитт мог выполнить, лишь спроектировав новый самолет, то есть бомбардировщик, поэтому и Министерство авиационной промышленности, и разработчик реактивного истребителя просто проигнорировали столь абсурдное указание Гитлера. Однако, когда накануне высадки союзников в Нормандии Гитлер случайно узнал об этом, то разразился крупный скандал, в результате которого в отставку был отправлен легендарный министр авиационной промышленности Эрхард Мильх.

Мессершмитт вынужден был предложить ряд доработок, предусматривающих внешнюю подвеску под консолями крыла авиационных бомб и модернизацию системы управления вооружением. Самым трудным в силу специфики конструкции самолета оказалось обеспечить прицельное бомбометание. В конце концов в августе 1944 года на базе истребителя Me.262 был готов истребитель-бомбардировщик с худшими по сравнению с исходным вариантом летными характеристиками. Новый самолет не проявил себя ни в качестве бомбардировщика, ни как истребитель, и от него под давлением Геринга все же пришлось отказаться и вернуться к исходной концепции Me.262 как истребителя.

Таким образом, только к сентябрю 1944 года началось формирование первой истребительной эскадры, оснащенной Me.262, во главе которой поставили одного из выдаю-

¹ «Мессершмитт-109» и «Фокке-Вульф-190».

щихся авиационных асов Второй мировой войны Вальтера Новотны. Понятно, что машина поступила в войска слишком поздно, и трудно было ожидать от нее решающего влияния на ход и исход войны. Тем не менее за весьма короткий промежуток времени, оставшийся до капитуляции Третьего рейха, немцы с помощью этого реактивного истребителя сбили 735 бомбардировщиков союзников, что, несомненно, можно признать как своеобразный рекорд и как убедительный показатель эффективности только что рожденной реактивной авиации. Примечательно, что до конца войны было потеряно по разным причинам (в том числе и небоевым) только 150 истребителей Me.262 из 1433 принятых на вооружение машин, то есть чуть более 10 процентов. И это при том при всем, что освоение принципиально новой боевой машины в войсках инженерно-техническим составом и переучивание на нее летного состава происходило буквально в авральном режиме в исключительно сжатые сроки.

Трудно сказать, какой бы ущерб нанес этот истребитель союзникам, если бы немцы начали его боевое применение на два года раньше, но не вызывает никаких сомнений грубейший стратегический просчет Гитлера в этой области.

Понимание роли и значения квалифицированных и способных командиров и бойцов, конечно, пришло и к Сталину, хоть и с большим опозданием. Весьма примечателен в этом отношении комплекс мер, предпринятых Сталиным летом 1942 года по созданию в стране истребительно-противотанковых артиллерийских частей и подразделений. Основу этих мер составляло, во-первых, кадровое обеспечение, во-вторых, материальное стимулирование, а также моральное поощрение, что убедительно демонстрируют следующие выдержки из соответствующего приказа народного комиссара обороны [49]:

«3. Весь начальствующий состав истребительно-противотанковых частей и подразделений, до командира дивизиона

включительно, взять на особый учет и использовать только в указанных частях.

4. Командирам орудий и заместителям командиров орудий (наводчикам) этих частей присвоить военные звания ст. сержант — сержант соответственно и ввести должность заместителя наводчика с присвоением ему военного звания мл. сержант.

5. Начальствующий, младший начальствующий и рядовой состав истребительно-противотанковых артиллерийских частей и подразделений, находящийся на излечении в госпиталях, после излечения направлять только в указанные части.

7. Установить премию за каждый подбитый танк в сумме: командиру орудия и наводчику по 500 рублей, остальному составу орудийного расчета по 200 рублей».

Не вызывает абсолютно никаких сомнений актуальность и значимость упомянутого приказа, и не может не вызвать уважение четкость и однозначность его формулировок, направленных на создание высококвалифицированных кадров для этого исключительно ответственного в той войне рода войск. Непонятно только одно: неужели Тимошенко, Жукову и другим «выдающимся» военным начальникам с генеральскими и маршальскими звездами потребовался целый год войны, чтобы прийти к этим внятным и очевидным мерам по борьбе с немецкими танковыми группировками? Разве им была недоступна информация о тактике и ошеломляющих результатах применения немцами танков в Польше и Франции? Не вызывает никаких сомнений тот факт, что в советских военных кругах имелось хорошее представление о проблемах борьбы с танками, а ответ на поставленный вопрос необходимо искать в корнях истории первого в мире Советского государства.

Гражданская война, вспыхнувшая после октябрьской революции 1917 года, политические репрессии и бескомпромисс-

ная классовая борьба свели на нет ценность человеческой жизни в первой в мире Стране Советов. Решающее влияние на мировоззрение советского человека оказала интенсивная индустриализация советской экономики, осуществлявшаяся опять же по принципу «любой ценой», и культивировавшийся в обществе сталинской системой государственной власти взгляд на человека как на бездушный винтик, который должен крутиться в том направлении, в котором ему прикажут сверху.

В результате у советского человека сформировались устойчивый страх перед властью и беспрекословное подчинение любым, даже самым абсурдным приказам. В вооруженных силах эти явления приобретали наиболее уродливые формы: у командиров быстро атрофировались такие важнейшие качества, как самостоятельность, индивидуальность, решительность, желание принимать ответственные решения. В результате в войсках сформировалась атмосфера, когда было безопаснее и выгоднее выполнить любой, даже не соответствующий оперативной обстановке приказ, чем возражать и доказывать свою правоту.

Одним из ярких подтверждений сформированной сталинским режимом и доведенной Жуковым до абсурда атмосферы мракобесия может служить ситуация с действиями 16-й армии под руководством Рокоссовского на Истринском рубеже в ноябре 1941 года. 20 ноября Рокоссовский, изучив в деталях сложившуюся оперативную обстановку, принимает решение отвести войска вверенной ему армии за Истру и, используя реку как естественную преграду, организовать устойчивую оборону на новом рубеже [50]:

«Само водохранилище, река Истра и прилегающая местность представляли прекрасный рубеж, заняв который заблаговременно, можно было, по моему мнению, организовать прочную оборону, притом небольшими силами...»

Всесторонне все продумав и тщательно обсудив со своими помощниками, я доложил наш замысел командующему фронтом Г.К. Жукову и просил его отвести войска на истринский рубеж...

Командующий фронтом (Г.К. Жуков) не принял во внимание моей просьбы и приказал стоять насмерть, не отходя ни на шаг.

Я считал вопрос об отходе на истринский рубеж чрезвычайно важным. Мой долг командира и коммуниста не позволил безропотно согласиться с решением командующего фронтом, и я обратился к начальнику Генерального штаба маршалу Б.М. Шапошникову. Спустя несколько часов, получили ответ. В нем было сказано, что предложение наше правильное и что он как начальник Генштаба его санкционирует.

Настроение у нас повысилось. Теперь, думали мы, на истринском рубеже немцы поломают себе зубы. Их основная сила — танки — упрется в непреодолимую преграду... Радость, однако, была недолгой. Не успели еще все наши войска получить распоряжение об отходе, как последовала короткая, но грозная телеграмма от Жукова:

“Войсками фронта командую я! Приказ об отводе войск за Истринское водохранилище отменяю, приказываю обороняться на занимаемом рубеже и ни шагу назад не отступать. Генерал армии Жуков”».

Приведенный пример не требует никаких комментариев: безграмотность «маршала победы», скудость его оперативного мышления, умноженные на хамство, барство и чванство, граничащие в совокупности с государственной изменой, слишком очевидны. Для руководства войсками на оперативном и тем более стратегическом уровнях требуются особые качества, определяющие организацию вооруженных сил и управление ими, умение взвесить многие, даже проти-

воречивые оценки и точки зрения. В этой связи нельзя не отметить, что только благодаря высочайшему уровню организации армии и управления войсками (а не численности своих войск) Чингисхан смог завоевать огромную территорию от Дуная до Японского моря и от Новгорода до Юго-Восточной Азии. Большинство сражений он, в отличие от Жукова, выиграл, находясь в численном меньшинстве, благодаря своему умению находить правильные и обоснованные решения. Но это произошло в XIII веке, когда ключевым родом войск была конница, а основным «дальнобойным» орудием — лук. Совершенно очевидно, что в век бронетанковой техники, авиации и артиллерии требования к уровню организации и управления возрастают многократно.

Описанная выше фундаментальная причина сложившейся в Советском государстве атмосферы безынициативности, слепого подчинения вышестоящим начальникам и выполнения их самых бездарных указаний, разумеется, не вызывает сомнений. Однако, так же как и с боевой готовностью, она лежит на поверхности, и создается впечатление, что эта причина лишь служит ширмой, прикрывающей более глубокую суть проблемы, спрятанную как бы на втором дне.

Во-первых, любой здравомыслящий человек сразу скажет, что описанная причина «свалилась» не с Луны и она даже не была навязана первой в мире Стране Советов Лондоном или Вашингтоном, — она стала результатом целенаправленной и систематической деятельности партийной бюрократии, разумеется, под руководством «величайшего стратега» всех времен и народов, то есть Сталина. Во-вторых, только одна она не могла привести к столь катастрофическим последствиям в советских вооруженных силах, несмотря на то, что они (вооруженные силы) являются слепком общества. Поэтому придется «покопаться» более глубоко на основе сложной аналитико-синтетической обработки исходной информации,

чтобы выявить объективные причинно-следственные связи в этой не столь очевидной проблеме.

Итак, обозначим отправную точку синтеза разрозненных аналитических выводов, а именно приказ председателя Реввоенсовета № 234 от 01.03.1925, которым в Красной армии вводился принцип единоначалия [89]. Причем за этой решительной и, казалось бы, на первый взгляд правильной мерой стоял будущий «вождь» (на немецком языке — «фюрер») всех времен и народов — И.В. Сталин. Сразу же хочется остудить те горячие головы, которые за этим дальновидным шагом будущего вождя увидели его искреннее стремление укрепить советские вооруженные силы, освободить их от пагубного влияния недалеких и безграмотных партийных бюрократов и поставить армию исключительно на службу государству, народу и обществу. Упаси вас господи подумать подобным образом — у Сталина за всю его жизнь и мысли такой не возникло.

Сразу же бросается в глаза странный факт, что приказ этот подписал Михаил Васильевич Фрунзе, а не Лев Троцкий, который не только создал исключительно боеспособную армию, но и на протяжении многих лет успешно руководил ею. Причем, как убедительно свидетельствует история, именно созданная Троцким армия (созданная фактически из лапотников, то есть безграмотных крестьян) и именно под его руководством разбила и интервентов, и все Белое движение. Казалось бы, какие могут быть сомнения в возможностях военной организации Страны Советов, в квалификации Троцкого, в его понимании характера военного строительства и в его умении организовать дальнейшую деятельность советских вооруженных сил в соответствии с международной обстановкой и ситуацией внутри страны. Тем не менее созданная по настоянию Сталина комиссия «по обследованию текущей и состояния снабжения армии», которую он

оформил постановлением ЦК РКП (б) от 15.01.1924¹, отчитываясь на пленуме ЦК РКП (б) 3 февраля 1924 года, сделала следующий вывод [90]:

«1. Красной армии, как организованной, обученной, политически-воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная армия небоеспособна».

Отчет комиссии не содержит даже упоминания об оперативной подготовке штабов и боевой выучке войск. В нем также нет ни слова о том, каким это образом политически не воспитанная и небоеспособная Красная армия умудрилась разгромить вполне боеспособных и политически воспитанных интервентов чуть ли не всего мира. Сделанные в отчете выводы наталкивают на гипотезу о том, что всех внутренних и внешних врагов Страны Советов разгромила не Красная армия под руководством Льва Троцкого, а мобилизованные для этой цели Сталиным марсиане².

При изучении исторических материалов выясняется, что «работа» этой комиссии, по сути дела, стала одним из этапов многоходовой комбинации, спланированной и осуществленной Сталиным, по удалению Троцкого из военной организации, где его авторитет был чрезвычайно высок. Армия же, вне всякого сомнения, была ключевым рубежом в ожесточенной борьбе за власть «строителей светлого будущего». Сразу же после пленума ЦК РКП(б), а именно 11 марта 1924 года,

¹ Судя по всему, Сталин совершенно точно знал, что Ленину осталось жить буквально несколько дней (Ленин скончался 21 января 1924 года), и поэтому, не дожидаясь его смерти, он перешел к самым энергичным действиям в борьбе за пост вождя, готовя почву для устранения наиболее сильных конкурентов, каковым и был Лев Троцкий.

² Это все исторические факты, а не попытка восхвалить Троцкого и тем более оправдать те методы и средства, благодаря которым он в разоренной стране действительно создал мощную военную машину.

за серьезные упущения в работе был смещен с должности заместителя председателя Реввоенсовета ближайший соратник Троцкого Склянский Эфраим Маркович, а на его место назначен лояльный Сталину «старый большевик» Фрунзе.

После осуществления очередных этапов сталинской комбинации к марту 1925 года мы уже не видим Троцкого на ключевых военных постах. Нет, Троцкий никуда не делся, он не улетел на Луну и его еще не зарубили топором террористы сталинского разлива. Усилиями все того же «мудрого» Сталина, основываясь на подобных подтасовках и фальсификациях, Троцкий в январе 1925 года был отстранен от должности председателя Реввоенсовета СССР и народного комиссара по военным и морским делам и на эти должности назначен Фрунзе. Таким образом, Сталин сделал, пожалуй, самый серьезный шаг на пути устранения своего основного конкурента в борьбе за пост вождя (или фюрера), а также в интересах усиления своего влияния в армии. Все эти события отвечали исключительно личным интересам Сталина и не имели абсолютно ничего общего с проблемой повышения боеготовности и боеспособности советских вооруженных сил. Общее можно было найти лишь в том, что указанные мероприятия оказали деградирующее влияние на Красную армию и на ее боевой потенциал.

Фрунзе же, получив столь высокие посты, до поры до времени рьяно бросился выполнять все поручения Сталина. Он, правда, не понял суть таких понятий, как честь, порядочность и долг в сталинском понимании. Проведя в армии все намеченные Сталиным мероприятия, он оказался в роли мавра, который сделал свое дело и оказался ненужным¹. Сталин

¹ Немецк. «Der Mohr hat seine Schuldigkeit getan, der Mohr kann gehen». Фраза из пьесы «Заговор Фиеско в Генуе» немецкого поэта Иоганна Фридриха Шиллера.

рассматривал Фрунзе как промежуточную фигуру и, чтобы не допустить каких-либо непредвиденных действий с его стороны, похоронил Фрунзе в начале ноября 1925 года, заменив его на двух упомянутых постах абсолютно своим человеком, то есть Ворошиловым.

Теперь перейдем к сути упомянутого принципа единичности в Красной армии, который сводился к тому, что функции командира и комиссара совмещались в одном лице, а командир в таком случае назывался «командир и военный комиссар». В этих условиях должность комиссара упразднилась, и для организации партийно-политической работы учреждалась новая должность — помощника командира по политической части. За этими витиеватыми формулировками скрывается переход бывших комиссаров на командную работу, а фактически поголовное устранение всех мало-мальски грамотных и профессиональных командиров и их замена на верных Сталину партийных функционеров. К кандидатам на должности командиров и военных начальников предъявлялись лишь следующие три требования:

- членство в партии большевиков;
- умение проводить работу по партийному воспитанию личного состава;
- преданность лично Сталину.

Никаких других критериев к командирам и военным начальникам не предъявлялось. Более того, в принятом на XIV съезде ВКП(б) в декабре 1925 года (после похорон Фрунзе) новом уставе партии впервые был введен специальный раздел «О парторганизациях в Красной армии», который формализовал организационные формы, права и обязанности партийных организаций Вооруженных Сил СССР. Наконец, в мае 1927 года Центральный комитет партии принял постановление «О политическом руководстве в Красной армии»,

окончательно ставя всю ее деятельность в полную зависимость от партийной бюрократии, то есть от Сталина.

Таким образом, подрывать профессиональные устои советских вооруженных сил Сталин в своих интересах и в угоду международному империализму начал еще задолго до 22 июня 1941 года.

Кто же в Советском Союзе в июне 1941 года обеспечивал «высокий» уровень управления войсками? И тут выясняется, что поставленные в середине 20-х годов на командные должности партийные функционеры к концу 30-х годов также оказались в роли уже упомянутого мавра. Действительно, сталинские репрессии 1937 и 1938 года были направлены, прежде всего, против командного состава высшего звена: заместителей наркома обороны СССР, командующих войсками военных округов (флотов), их заместителей, командующих армиями, командиров корпусов, дивизий, бригад. Значительно пострадал командно-начальствующий состав управлений и штабов в соответствующих звеньях, профессорско-преподавательский состав в военно-учебных заведениях. Так, было уничтожено (расстреляно или замучено до смерти пытками) 503 военных начальника высшего звена от маршала до комбрига. При этом Сталин расстрелял всех 19 командармов 1-го и 2-го ранга, то есть в Советском Союзе к началу войны не осталось ни одного живого командующего армией. А ведь военный начальник такого уровня — это «штучный товар», на подготовку которого уходит много времени и огромные ресурсы. Но даже подготовленному командарму требуется немало времени и значительные усилия, чтобы наладить эффективное управление вверенным ему объединением.

Откуда же Сталин набирал командующих армиями с началом войны, кто они были и что они реально могли? Ужасающая картина последствий истребления Сталиным советских

военных начальников наглядно отражается в трагической судьбе 2-й ударной армии¹, которая погибла летом 1942 года под Любанью в результате безуспешных попыток советского командования разорвать блокаду Ленинграда. Ее первый командующий Соколов Григорий Григорьевич был кадровым работником НКВД, и он, конечно, не имел ни малейшего представления об управлении общевойсковым оперативным объединением, то есть армией. Вот какую характеристику в своих воспоминаниях дает ему командующий Волховским фронтом (в состав которого и входила 2-я ударная армия) Кирилл Афанасьевич Мерецков [59]:

«Позволю себе остановиться на характеристике командующего 2-й ударной армией генерал-лейтенанта Г.Г. Соколова. Он пришел в армию с должности заместителя наркома внутренних дел. Брался за дело горячо, давал любые обещания. На практике же у него ничего не получалось. Видно было, что его подход к решению задач в боевой обстановке основывался на давно отживших понятиях и догмах.

На совещании, которое Военный совет фронта созвал перед началом наступления на командном пункте 2-й ударной армии, командиры соединений выражали обиду на поверхностное руководство со стороны командарма. На этом же совещании выяснилось, что генерал Соколов совершенно не знал обстановки, что делают и где находятся соединения его армии, был далек от современного понимания боя и операции, цеплялся за старые методы и способы вождения войск.

Было ясно, что генерал Соколов не способен руководить войсками армии».

¹ До переименования в октябре 1941 года это была 26-я резервная армия. Новое громкое название никоим образом не улучшило ее боевые возможности и не добавило армии ни одного лишнего снаряда и тем более танка.

Вывод слишком очевиден и однозначен: «не способен руководить войсками армии», в результате чего 10 января 1942 года Г.Г. Соколов был отстранен от командования армией и на эту должность назначили Николая Кузьмича Клыкова, которого в апреле 1942 сменил печально известный Власов Андрей Андреевич¹. Говоря о втором командующем Н.К. Клыкове, нужно признать, что он человек сугубо военный, однако говорить о его полководческом опыте не приходится. До войны он был командиром корпуса военно-учебных заведений Московского военного округа и помощником командующего Московского военного округа по вузам (а не по боевой подготовке) — какие здесь нужны комментарии, где, в какой стране можно найти командующих такого ранга без опыта управления войсками.

Еще более «витиевато» складывалась карьера Ивана Ивановича Федюнинского как будущего командующего 54-й армии (назначен в сентябре 1941 года). В 1939 году на границе с Монголией он занимал третьестепенную должность — помощника командира полка по хозяйственной части, а не заместителя по боевой подготовке. Однако его каким-то образом заметил Жуков, и по предложению будущего «маршала победы» Федюнинского назначают командиром 24-го моторизованного полка, а в феврале 1940 года, то есть буквально через несколько месяцев — командиром 82-й стрелковой дивизии. На этом феноменальный рост

¹ Обращает на себя внимание исключительно пренебрежительное отношение военно-политического руководства страны к подбору военных начальников такого ранга, не говоря уже о том, что во 2-й ударной армии за три месяца сменилось три командующих. А ведь армия — это не взвод: в ее составе сотни частей, десятки тысяч человек личного состава, тысячи единиц боевой техники. Все это командующий должен знать досконально, чтобы управлять войсками эффективно и результативно.

Федюнинского не заканчивается, и в ноябре этого же года он становится командиром 15-го стрелкового корпуса, предварительно (в августе 1940 года) получив звание генерала. Итак, за один год Федюнинский из «крепкого» хозяйственника превращается в командира крупного общевойскового соединения.

Однако 2-я ударная армия и И.И. Федюнинский — это все же особые случаи, которые скорее можно назвать нетипичными. Типичный же «механизм» становления военных начальников такого уровня демонстрирует пример с генерал-полковником Чистяковым Иваном Михайловичем¹, чье полководческое образование в тот период ограничивалось ускоренными курсами (с августа по ноябрь 1941 года) при Академии Генерального штаба². Еще в январе 1942 года он был командиром 64-й морской бригады (батальонного состава), а в сентябре этого же года (то есть через семь месяцев) он назначен командующим 1-й гвардейской армии в составе Донского фронта. Совершенно очевидно, что командир бригады и командующий армией — это несопоставимые вещи, и подняться с уровня командира бригады до командующего армией за несколько месяцев мог только разве что Господь Бог.

Чтобы читателям было понятно, как оценивало способности советских военных начальников высшее военнополитическое руководство страны и каким образом учились воевать командующие армиями, достаточно привести неко-

¹ Звание генерал-майор присвоено И.М. Чистякову 17.01.1942 за оборону Москвы. Через год, то есть 18.01.1943, присвоено звание генерал-лейтенант, а 28.06.1944 — генерал-полковник.

² Конечно, начинать надо бы со знаменитой тройки генералов: Лукин Михаил Федорович, Ефремов Михаил Григорьевич и Власов Андрей Андреевич. Однако судьба каждого из них столь необычна, что каждому нужно посвятить отдельную книгу.

которые выдержки из соответствующего директивного документа Ставки Верховного главнокомандования [58]:

«Наши войска наступают обычно отдельными дивизиями или бригадами, расположенными по фронту в виде цепочки. Понятно, что такая организация наступления не может дать эффекта, так как не дает нам перевеса сил на каком-либо участке. Такое наступление обречено на провал. Наступление может дать должный эффект лишь в том случае, если мы создадим на одном из участков фронта большой перевес сил над силами противника».

Это совершенно ошеломляющая директива, которая производит исключительно удручающее впечатление на любого здравомыслящего человека, так как из нее следует, что советские командующие армиями буквально только что пришли из детского сада и не имеют ни малейшего представления об оперативном построении войск в наступлении. Читатель может самостоятельно прочесть этот «замечательный» документ и убедиться, что ее автор, то есть Сталин, идет дальше, он в том же духе учит воевать и командующих фронтами [58]:

«То же самое нужно сказать о задачах командования фронта при организации прорыва и наступления, и это понятно, что ударная группировка фронта должна состоять не из нескольких дивизий, а из нескольких армий, ибо прорыв в пределах фронта является более мощной и широкой операцией, требует гораздо больше сил, чем наступление в пределах армии».

Совершенно феноменальное открытие «Америки» дилетантом, причем зафиксированное в серьезном и крупном документе, который, правда, подписывает и будущий маршал Василевский, который в ту пору был заместителем начальника Генерального штаба. Трудно представить, как от подписания этого «шедевра» уклонились остальные члены Ставки Верховного главнокомандования.

А как же проявили себе командиры соединений и частей, ведь от них непосредственно зависели действия войск. Чтобы внятно ответить на этот вопрос, лучше всего предоставить слово самому главному советскому военному начальнику, а именно Верховному главнокомандующему [85]:

«Если бы командиры и комиссары таких дивизий были на высоте своей задачи, паникерские и враждебные элементы не могли бы взять верх в дивизии. Но беда в том, что твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много».

После такого ошеломляющего признания в том, что *«твердых и устойчивых командиров и комиссаров у нас не так много»*, напрашивается вполне резонный вопрос: а куда же подевались *«твердые и устойчивые командиры и комиссары»* — они что, сквозь землю провалились или их поглотил Бермудский треугольник, который для этого передвинулся на территорию Советского Союза?

Еще хуже обстояли дела с командирами и командующими танковых соединений и объединений. Об уровне их квалификации свидетельствуют, например, действия под Сталинградом 5—7 сентября 1942 года 7-го танкового корпуса под руководством П.А. Ротмистрова, то есть самого грамотного, по утверждению некоторых историков, в ту пору танкового командира. Как следует из материалов расследования, проведенного органами НКВД по результатам этого бездарного боя:

«Введенный в бой 5 сентября 7-й танковый корпус в количестве 180 танков понес большие потери, и на сегодня в нем насчитывается всего 15 танков. Материалы расследования, свидетельствующие о вине командира этого корпуса генерал-майора Ротмистрова, представлены на месте товарищу Маленкову».

У читателя не должно быть абсолютно никаких сомнений в личной отваге генерала Ротмистрова, в его преданности

делу партии и лично товарищу Сталину, в стремлении выполнить поставленный приказ и даже в его требовательности в отношении вверенных ему войск. Трудно заподозрить его и в прямом вредительстве, то есть предположить, что он намеренно отдал на уничтожение врагу 165 из 180 имеющихся у него в корпусе танков. Поэтому в этом донесении, которое было направлено в три адреса — Сталину, Молотову и Василевскому, под термином «вина» нужно понимать буквально «отсутствие необходимой квалификации» у командира корпуса, усиленное, мягко говоря, непродуманными, но настойчивыми требованиями Жукова нанести контрудар как можно быстрее без детального планирования и тщательной подготовки.

Проблему подбора кадров такого уровня признал даже сам Сталин, о чем свидетельствуют воспоминания заместителя начальника Главного автобронетанкового управления РККА Николая Ивановича Бирюкова. Он приводит такую фразу Сталина в телефонном разговоре от 3 сентября 1942 года [52]:

«... ничего с танковыми армиями не получилось. Для армий нет подготовленных командиров».

Совершенно феноменальное признание основного проводника «единственного в мире научного марксистско-ленинского учения», который вдруг на втором году войны для себя выясняет и даже в этом признается, что куда-то подевались квалифицированные командиры, способные управлять танковыми объединениями. Весьма поучительно понять из этих же материалов, почему же в Советском Союзе, который значительно раньше, чем Германия, начал осваивать танковую тематику, не нашлось подготовленных (танковых) командиров [52]:

«Однако Верховный главнокомандующий лукавил, давая понять Н.И. Бирюкову, что все неудачи танковых армий сле-

дует отнести за счет неподготовленности командармов. Он не пожелал обнажить действительный корень зла, который заключался в самом Верховном Главнокомандующем, в руководимой им Ставке, в Генеральном штабе. Они выпустили подготовку танковых командиров высшего звена из поля зрения и оказались в положении догоняющих время, что обобщивалось неудачами и большой кровью.

Не будем утомлять читателя данного источника длительными рассуждениями. Скажем только, что в начале сталинградской осени, имевшей для страны историческое значение, руководитель Ставки оказался во власти противоречия, когда труженики тыла производили много танков, а военные не знали, как надо использовать их, чтобы получить оптимальный результат. Тогда-то, вероятно, Верховный главнокомандующий заметил для себя, что в данной области надо наверстывать упущенное и немедленно стал прилагать к этому собственные усилия, причем весьма своеобразно. Об этом скажем ниже».

Обратите внимание, уважаемый читатель, что автор этой деликатной критики в адрес Сталина вынужден признать, что танков советский тыл производил достаточно много, а вот применять их красные командиры не умели. Именно из-за этого немцы наши танки уничтожали, как цыплят, сотнями за раз и проблему отсутствия квалифицированных кадров для танковых войск Сталин, а также Жуков, Василевский и другие военные начальники обнаружили только через год после начала войны, а не за год до 22 июня 1941 года. В частности, у Бирюкова в записи от 29 мая 1942 года появляются новые подходы к подготовке и подбору танкистов, которых раньше найти было просто невозможно [52]:

1. В экипажи подбирать участников боев из госпиталей.
4. Сколько в учебных полках участников боев.
5. Удлинить сроки обучения танкистов.

Безусловно, образование и квалификация Сталина не позволяли ему понять, что победа фашистской Германии над Францией стала победой не лучшего оружия (у французов танки были лучше) и не большего количества боевой техники (у французов танков было больше), а лучшей тактики, лучшей организации, лучшей подготовки немецких командиров и солдат. Победа над Францией — это победа отваги, инициативы и дерзости немецких военных.

Но где же были «выдающиеся» военные начальники, включая и автора фундаментального научного труда «Мозг армии» Бориса Михайловича Шапошникова, где же была целая «плеяда» советских военных начальников, портреты которых с огромным количеством звезд и орденов на кителях висят сейчас в каждом военкомате? Именно они должны были увидеть, что Гитлер разбил французов и британцев не силой оружия, а силой тактики, умения, мастерства, организации и инициативы. И всем этим должностным лицам не надо было кивать на Сталина и убеждать его в прописных истинах, которые он и не обязан был знать. Им следовало исполнять свой долг и готовить штабы и войска в соответствии с новыми принципами ведения войны, а не по шаблонам времен Гражданской войны 1918 года.

Накопившиеся к июню 1941 года проблемы с кадрами к концу первого года войны стали настолько очевидны буквально всем и в первую очередь высшим военным начальникам, что назрела необходимость как-то все это объяснить. А теперь, уважаемый читатель, самое феноменальное открытие в подготовке кадров для танковых войск, которое сделал Сталин 15 апреля 1942 года. В телефонном разговоре с генералом Бирюковым он заявил буквально следующее [52]:

«В (танковые) школы нужно посылать людей, хорошо проверенных, знающих дело и имеющих опыт. “Вы, военные,

в свое время загубили армию тем, что посылали в училища и управления разный хлам”».

Эти чудовищные откровения великолепно демонстрируют лицемерие и предательство Верховного главнокомандующего всеми вооруженными силами первой Страны Советов. Они идеально согласуются с расправой над генералом Павловым — командующий ЗапОВО, только он, а не Сталин виновен в разгроме советских войск в июне 1941 года. А сейчас выясняется, что Бирюков и другие добросовестные военные начальники виновны в том, что во главе танковых войск становится «всякий хлам», видимо, присланный в нашу страну Черчиллем и Рузвельтом.

В этой связи хочется напомнить всем историкам, восхваляющим или оправдывающим Сталина, что до 7 мая 1940 года наркомом обороны был автор книги «Сталин и Красная армия»¹, ближайший приспешник Сталина, а именно Ворошилов Климент Ефремович, который практически развалил подготовку кадров для вооруженных сил страны. И это понятно, потому, что функция палача у него отнимала почти все рабочее время: он подписал 185 так называемых расстрельных списков, по которым было истреблено более 18 тысяч ни в чем не повинных советских людей, в том числе и командиров Красной армии. И это, если не учитывать согласование многочисленных разнарядок по 1-й (расстрел) и 2-й категории (каторга или советский концлагерь) на сотни тысяч или даже миллионы человек.

Кроме того, за кадровую работу в советской армии отвечал небезызвестный Щаденко Ефим Афанасьевич, который в конце 1937 года был назначен заместителем наркома обо-

¹ В этом «произведении» Ворошилов возвеличил Сталина как «самого выдающегося организатора побед Гражданской войны, как настоящего стратега, как обладающего гениальной прозорливостью перwokлассного организатора и военного вождя».

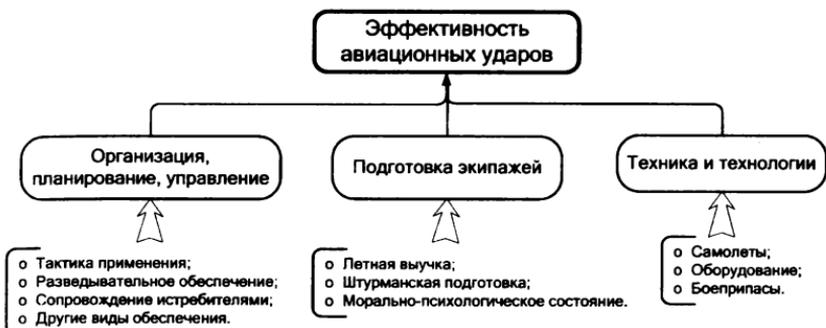
роны и начальником Управления по командному и начальствующему составу РККА. Хотя этот руководитель даже на фоне бездарей отличался исключительной бездарностью, не говоря о других отвратительных качествах, его, тем не менее, Сталин во время войны поставил начальником Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии.

И вот их вклад в подготовку командиров и штабов в соответствии с новыми принципами ведения войны применительно к советским ВВС можно, например, понять по материалам, представленным в параграфе «Ноль без палочки», где отмечено, что одна из причин низкой эффективности действий советской авиации по немецкой авиабазе Хебуктен в Норвегии состоит в том, что *«иногда нашим летчикам просто не хватало военного счастья»*. Столь удивительное объяснение неудач действий советских летчиков не должно вызвать у читателя сомнений в квалификации авторов такого экстраординарного вывода. Внимательное изучение материалов их исследования [51], особенно текста, написанного мелким шрифтом, позволяет выявить и более внятные причины, ключевыми из которых, как и ожидалось, оказались слабая штурманская подготовка экипажей и отсутствие сопровождения ударных группировок истребителями.

Наконец, Александр Заблотский и Роман Ларинцев приходят и к закономерному (и давно известному) выводу: залог успеха действий ударной авиации лежит в ее массированном применении по единому замыслу и плану¹ (точно так же как и с танками). Собрав все эти разрозненные выводы, оценки и заключения вместе и расставив приоритеты, можно постро-

¹ Собственно говоря, этот вывод вытекал еще из опыта Первой мировой войны. Начало же Второй мировой войны принесло убедительные подтверждения верности такого способа боевого применения ударной авиации.

ить научно обоснованную картину причинно-следственных связей эффективности применения ударной авиации, как это представлено на схеме ниже.

Беглый анализ представленной схемы позволяет прийти к вполне ожидаемому выводу: конечная цель, а именно успешные действия авиации, непосредственно и напрямую зависит от качества кадров, от стратегического кругозора и оперативного мышления военных начальников, подготовки штабов, выучки экипажей. Научный подход к изучению трагедии 22 июня вновь убедительно демонстрирует, что воюют не самолеты, авиационные бомбы, ракеты и торпеды, а воюют военные начальники, командиры и экипажи. Именно от них зависит и стратегический размах, и оперативный охват, и тактический успех.

Ограниченный стратегический кругозор и слабое оперативное мышление у советских военных начальников демонстрируют, в частности, ключевые моменты планирования действий боевой авиации на Севере. Так, в районе Киркенеса кроме немецкой авиабазы Хебуктен находился крупнейший в Европе железорудный обогатительный комбинат, который имел стратегическое значение для военной экономики фашистской Германии. Именно с этого комбината осуществлялись основные поставки обогащенной железной руды на немецкие металлургические предприятия. Для любого здра-

вомыслящего человека, даже слабо представляющего роль стали в производстве вооружения, боевой техники и боеприпасов, логика подсказывала, что разрушение этого комбината должно стать первоочередной задачей и ее выполнение можно без сомнений сопоставить как минимум с успешной фронтальной операцией. Тем не менее, несмотря на столь очевидные логические умозаключения, обогатительный комбинат в Киркенесе оставался нетронутым до середины 1944 года. Он был разрушен советской авиацией только в июне — июле 1944 года, когда уход немцев из Киркенеса был уже решенным делом. В этот период следовало уже думать совершенно о другом, а именно, как не допустить разрушения этого комбината и как захватить его с наименьшими повреждениями, чтобы вывезти в СССР с этого предприятия оборудование в счет репараций. Совершенно ошеломляющий абсурд, который и нарочно не изобрести.

Дальнейшее углубление в тему планирования действий советской ударной авиации на Севере не только обескураживает, но может любого привести в ужас от «талантов» советских военных начальников. В частности, по финскому поселку Вадсе было выполнено 483 самолето-вылетов, в ходе которых на этот крошечный населенный пункт советская авиация сбросила около 140 тонн бомб [51].

О военном «значении» поселка можно судить по тому факту, что вся его противовоздушная оборона состояла из одного зенитного пулемета. В то же время рядом находился порт Петсамо (ныне Печенга), который служил важнейшим стратегическим пунктом поставок в Германию стратегического сырья, в том числе и никелевого концентрата¹.

¹ Никель является важнейшим компонентом танковой брони. Благодаря тому, что присадки никеля серьезно повышают вязкость брони, сводится к минимуму так называемый заброневого эффект, то есть откалывание от брони осколков при попадании в нее снаряда

Согласно указанному выше исследованию Александра Заблотского и Романа Ларинцева, значение порта Петсамо как стратегического пункта снабжения ежедневно подтверждали наши наблюдатели на полуострове Рыбачьем, и эта информация не могла не доходить до командующего Северным флотом вице-адмирала А.Г. Головки и командующего советским военно-морским флотом (далее ВМФ) адмирала Н.Г. Кузнецова. Так вот, на этот порт советские летчики сбросили около 120 тонн бомб, то есть меньше, чем на богом забытую деревню Вадсе. Причем за всю войну советская авиация потопила в порту Петсамо только один мотобот и повредила четыре транспортных судна [51].

Говоря простым и понятным языком, командование Северным флотом, да и всем советским ВМФ не мешало Гитлеру осуществлять стратегические поставки сырья в Германию из Норвегии и Финляндии.

В этой связи нельзя не провести параллель с последними днями войны, когда Жуков ежедневно приносил в жертву несколько десятков тысяч советских солдат и офицеров, целыми составами отстреливал снаряды и эшелонами сжигал горючесмазочные материалы только ради того, чтобы первым войти в Берлин и получить еще одну звезду. Американские же военные начальники, с ухмылкой наблюдая за этой бойней, вывозили из Германии в США документацию, оборудование и материалы для производства баллистических ракет, газотурбинных двигателей и боеголовок. Они также занимались поиском немецких ученых, инженеров и специалистов в области аэрокосмической техники, ядерного оружия и перспективных материалов. Наконец, они интенсивно занимались

(без проникающего фактора). Впервые легирование брони никелем применил французский инженер Шнейдер в 1889 году и экспериментальным путем установил оптимальное содержание никеля в броне в пределах 4 %.

поиском и сбором исторических ценностей и произведений искусства. То есть, если Жуков все силы вкладывал в обескровливание Советского Союза, то американские генералы занимались развитием науки и техники в США, укреплением экономического могущества и оборонного потенциала своей страны. И, несмотря на все эти колоссальные жертвы с советской стороны, Сталин подарил союзникам половину Берлина, который в конце концов стал столицей единого немецкого государства в составе НАТО¹.

В какой-то исторический момент (значительно позже развенчания культа личности Сталина) в военно-научных кругах появилась ошеломляющая идея: оценивать результативность деятельности командующих в операциях, как производную от квалификации, по такому показателю, как достигнутый в операции результат в отношении к понесенным потерям. В чисто научном плане эта идея заслуживает внимания, однако ее практическое значение не столь очевидно. Реализовать такой подход на практике можно лишь при условии численного измерения показателя результативности деятельности командующего в операции. В предложенном варианте численному измерению относительно хорошо поддается показатель понесенных потерь, хотя и здесь придется разработать приемлемую методику обобщения потерь по их категориями и видам. Например, для вычисления обобщенного показателя потерь личного состава (L) можно прибегнуть к следующей традиционной модели:

$$L = \sum_{i=1}^n l_i \times k_i$$

¹ Уважаемый читатель, взгляните на политическую карту мира и ответьте на простой вопрос: где сейчас побежденная Германия и где сейчас победивший ее Советский Союз?

Где: l_i — потери по видам: погибшие в бою; раненые, пленные, др.;

k_i — удельный вес каждого вида потерь;

n — количество видов потерь личного состава.

Для того, чтобы эта модель работала и ее результаты были сопоставимы, вполне достаточно, чтобы научное сообщество пришло к единой точке зрения по двум ключевым вопросам:

- перечень видов потерь и их однозначное определение;
- значение удельного веса каждого вида потерь в обобщенном показателе.

Если говорить только о потерях личного состава, то большинство наших командующих не могут похвастаться рациональным использованием людских ресурсов. «Лидером» здесь (в худшую сторону), по мнению многих специалистов, следует признать «маршала победы», и немудрено, если учесть, что в военном искусстве он усвоил только два принципа «любой ценой» и «солдат не жалеть». Для демонстрации этого утверждения можно, например, привести безвозвратные потери советских войск в ходе контрнаступления под Москвой в 1941 году [35]:

Западного фронта — 101 192 человек;

Калининского фронта — 27 343 человек;

Юго-Западного фронта — 9709 человек;

Брянского фронта — 1342 человек.

Таким образом, из общего числа потерь 139 586 человек около 102 тысяч, или почти 72,5 %, приходится на Западный фронт под командованием Жукова. В то же время нельзя не вспомнить и катастрофу Керченской операции, в ходе которой безвозвратные потери Крымского фронта в марте 1942 года за 12 дней наступления достигли 225 тысяч чело-

век¹, что можно оценить как своеобразный рекорд по темпам потерь личного состава.

Однако кроме личного состава нельзя не учитывать потери боевой и иной техники, оружия, снаряжения и материалов. Ключевыми составляющими потерь боевой техники являются самолеты, танки, самоходные артиллерийские установки, бронетранспортеры и орудия. Очевидно, что и здесь можно предложить некоторую модель вычисления обобщенного показателя для сопоставления потерь боевой техники в разных операциях.

Если же брать основную ударную силу Второй мировой войны — танки, то несомненным «рекордсменом» по этим потерям стал генерал Павел Андреевич Ротмистров. Он поставил два своеобразных «мировых рекорда»: по количеству потерь в танках и по темпам потерь в единицу времени. «Венцом его славы» стал известный танковый контрудар 12 июля 1943 года в районе станции Прохоровка, в результате которого фактически прекратила существование советская 5-я гвардейская танковая армия (под командованием Ротмистрова). Говоря об этом сражении, нельзя не отметить, что это поражение Ротмистров потерпел от обескровленного противника, то есть от танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», которая в течение недели вела непрерывные бои в наступлении и в составе которой на тот момент было только 77 танков и САУ. Причем из этих 77 единиц бронетехники девять было устаревших типов, а именно четыре Pz.II² с пушкой калибра 20 мм и пять Pz.III с короткостволь-

¹ За этот беспрецедентный случай в истории Великой Отечественной войны и командующий Крымским фронтом генерал Д.Т. Козлов, и представитель Ставки на фронте Лев Мехлис были сняты с должности и оба разжалованы.

² Этот, с позволения сказать, танк получил название «самоходная противотанковая пушка с пулеметом».

ной пушкой калибра 50 мм. То есть Ротмистров имел десятикратное превосходство над немцами. Отсюда напрашивается вопрос: сколько же требуется советских танковых армий, чтобы разгромить одну-единственную обескровленную танковую дивизию СС?

Из всех этих фактов и описаний вытекает очевидный вывод, что низкий уровень управления войсками в бою и сражении полностью обесценивает самую совершенную боевую готовность.

Техника и технологии в общих составляющих успеха представлены на схеме на с. 109 на третьем месте, но и здесь технологический уровень, совершенство, функциональность и надежность применяемой экипажами и бойцами техники зависят от конструкторов, инженеров, технологов, рабочих, то есть все эти работающие в тылу люди также принимают участие в общеармейских, воздушных и морских сражениях, хотя и весьма опосредованно. Значение технологического фактора как производной от качества кадров для успеха в военном деле можно продемонстрировать путем сравнения основных характеристик танковых пушек калибра 50 мм (с длиной ствола 60 калибров) для немецкого легкого танка Т-III и пушки Ф-34 калибра 76,2 мм для советского танка Т-34/76. Бронепробиваемость обеих этих пушек с применением бронебойных снарядов на дистанции 1000 метров оказалась одинаковой и равной 60 мм гомогенной стали, хотя в некоторых источниках отмечается несколько лучший показатель для немецкой пушки [54].

Но даже равной бронепробиваемости сталинская советская наука и техника добилась лишь за счет увеличения калибра пуши по сравнению с немецкой более чем на 50 %. То есть танковые пушки советского производства по бронепробиваемости оказались более чем в полтора раза хуже, чем немецкие, а точнее на 52,4 % хуже. И это не ошибка, в чем

читатель может легко убедиться, проведя следующие несложные вычисления:

$$\frac{76,2 \cdot 50}{50} \times 100\% = \frac{26,2}{50} \times 100\% = 52,4\%$$

Понятно, что после этих расчетов уже нет нужды сравнивать пушку Ф-34 с немецкой танковой пушкой калибра 75 мм для танков Т-IV и Т-V («Пантера») и тем более калибра 88 мм для танка Т-VI («Тигр»).

В приведенном сопоставлении технических характеристик танковых пушек проявились важнейшие причины фундаментального технологического превосходства фашистской Германии над Советским Союзом и условия, определяющие технологическое совершенство оружия и техники. В первую очередь эти условия определяются качеством научно-технических и инженерных кадров, и обычно под этим на обывательском уровне понимается квалификация, которая, безусловно, является обязательным условием, но далеко не достаточным. Выясняется, что большее значение в технологии и особенно в серийном производстве имеет дисциплинированность, аккуратность, щепетильность, культура и, наконец, ответственность. То есть технологическое совершенство определяется всем тем, что воспитывается и формируется столетиями. Другие составляющие технологического превосходства, например, качество стали, точность измерительных приборов и инструмента, совершенство металлообрабатывающих станков, — это тоже результат качества научно-технических и инженерных кадров.

Разве можно культуру, аккуратность и щепетильность ожидать от узников ГУЛАГа? Неужели марксизм-ленинизм не учит тому, что подневольный рабский труд, составлявший основу сталинского режима, — это главный тормоз для прогресса? Отечественные историки, за исключением отдельных, наиболее «въедливых», исследователей, полно-

стью замалчивают достижения фашистской Германии в области радиолокации, а ведь благодаря этой технологии нацисты полностью сорвали планы советского командования провести крупную авиационную контрподготовку в июле 1943 года на Курской дуге [54]:

«Основная ставка делалась на внезапность, когда противник не успеет поднять в воздух свои истребители, а обычные патрульные группы будут отсечены и скованы боем истребителями сопровождения. Но немцам с помощью радиолокационных станций удалось обнаружить русские самолеты задолго до их подлета к аэродромам.

В целом надо признать, что удар нашей авиации по аэродромам противника оказался неэффективным и ослабить авиационную группировку противника не удалось. Это стало одной из причин того, что немцами в первый же день операции удалось завоевать господство в воздухе со всеми вытекающими последствиями».

Высокий технологический уровень оружия и боевой техники — это решение боевых задач малой кровью. Очевидным же результатом низкого технологического уровня становятся большие потери техники как боевые, так и по техническим причинам (например, в результате поломок), а значит, нерациональное расходование материальных ресурсов. Но это опять же вершина айсберга, так как боевые потери техники неминуемо влекут за собой большие потери личного состава, в первую очередь экипажей боевых машин, а также всех тех, кого эти потерянные боевые машины должны были сопровождать, защищать и прикрывать.

Кадровый вопрос — это бесконечная тема, которая заслуживает тем более пристального внимания при оценке ситуации в стране в условиях лавинообразного нарастания угрозы войны. О качестве руководителей сталинского режима уже можно получить неплохое представление из приведенных

выше описаний. Тем не менее необходимо хотя бы обзорно остановиться на тех кадрах, которые отвечали за разведывательное и контрразведывательное обеспечение действий войск, за создание благоприятных условий в сфере государственной безопасности для вступления СССР в войну.

Чтобы понять, что за люди решали столь сложные и ответственные задачи, нужно вернуться в начало 30-х годов (XX столетия), когда Сталин инициировал масштабный процесс удаления из ОГПУ¹ подготовленных и квалифицированных сотрудников, способных эффективно решать вопросы государственной безопасности. Однако Сталину нужны были «специалисты» иного толка, способные фальсифицировать уголовные дела и для этого применять незаконные (незаконные даже с точки зрения преступного сталинского режима) методы ведения следствия, готовые выполнить любой, даже антиконституционный приказ.

В результате этих так называемых чисток, во-первых, был уничтожен разведывательный аппарат, то есть те органы, которые должны были бы предоставить руководителям государства детальные данные об агрессивных планах фашистской Германии, о состоянии ее военной экономики, научно-технической и технологической сферы, об уровне боевой подготовки войск, о составе их группировок, дислокации и о перебросках частей и соединений, и о многом другом, крайне необходимом для принятия ответственных решений стра-

¹ Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР, преемник Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) и Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР. Создано 12 ноября 1923 года на базе ГПУ в связи с образованием СССР и выведено из подчинения НКВД. Основной орган, ответственный за обеспечение государственной безопасности. В 1934 году введен в состав НКВД СССР в качестве Главного управления государственной безопасности.

тегического характера. Так, согласно исследованию Сергея Валентиновича Стяжкина, из 450 сотрудников службы внешней разведки Главного управления государственной безопасности НКВД (далее ГУГБ), включая и сотрудников заграничных аппаратов (резидентур), было репрессировано 275 человек, то есть более половины всей службы. Большинство руководителей заграничных аппаратов (резидентов) были отозваны и репрессированы, в результате чего прекратили свое существование резидентуры в Нью-Йорке, Лондоне, Париже, Риме и даже в Берлине [53].

Еще хуже обстояли дела с разведывательным управлением Генерального штаба. В 1937 году были расстреляны начальники этого управления: создатель зарубежных разведывательных аппаратов Ян Карлович Берзин и его преемник С.П. Урицкий. После чего Сталин установил «традицию» раз в год расстреливать начальника разведывательного управления: в 1938 году — С.Г. Гендина, 1939-м — А.Г. Орлова и в 1940 году — И.И. Проскурова. Были арестованы все руководители структурных подразделений разведывательного управления Генерального штаба, вплоть до начальников отделов и отделений. Сложилась «нормальная» ситуация, когда из некоторых резидентур не поступало ни одного разведывательного донесения в течение года и более. Совершенно очевидно, что ни о какой разведывательной работе за рубежом при таком положении дел не могло быть и речи.

В действительности, Сталин и Берия (а не Гитлер) собственными руками разгромили всю советскую стратегическую агентурную разведку¹, что подтверждается многочис-

¹ Стратегическая агентурная разведка (или САР) предназначена для сбора, добывания и аналитико-синтетической обработки разведывательной информации в интересах военно-политического руководства страны и ее вооруженных сил. Основным способом добывания разведывательной информации в САР является агентурная работа.

ленными историческими фактами. Применительно к трагедии 22 июня все эти факты сводятся к тому, что в Москве ничего не знали о масштабной работе в штабах вооруженных сил фашистской Германии по разработке плана войны с СССР. Эта работа, которая по указанию Гитлера развернулась с июля 1940 года, длилась вплоть до начала войны, то есть почти год. На первом этапе, то есть до декабря 1940 года, немецкие стратеги должны были определить концепцию войны с Советским Союзом, отталкиваясь от двух противоположных подходов:

- концентрическое наступление на Москву, предложенное главным штабом сухопутных сил Германии;
- наступление по расходящимся направлениям, выдвинутое Верховным главным командованием Германии.

Свести воедино все подходы и концепции, а также учесть замечания и предложения Гитлера и разработать единый план войны с СССР было поручено Фридриху Паулюсу, чем он и занимался вплоть до июня 1941 года. Совершенно очевидно, что добыть информацию об этой работе нельзя было ничем иным, кроме как агентурными средствами, но агентов в немецких военных штабах у советской разведки не было. А если даже они и были, то их агентурные возможности, судя по всему, стремились к нулю, и отмеченная масштабная работа для военно-политического руководства СССР осталась незамеченной.

С июля 1940 года во главе разведывательного управления Генерального штаба Сталин поставил послушного и удобного человека Голикова Филиппа Ивановича, который докладывал ему лично, минуя начальника Генерального штаба и наркома обороны. Так вот, этот «выдающийся» военный начальник накануне 22 июня 1941 года намеренно представил Сталину ложную информацию о состоянии военно-политической обстановки в мире и о ближайших планах

Гитлера. В соответствии с его выводами, Германия не планировала агрессию против СССР. Такие действия главы всей военной разведки обычно расценивают как полное невежество в военных вопросах и исключительную степень конформизма. Однако действия Голикова можно определить и как государственную измену, так как сделанная им «неверная оценка»¹ стала одной из основных предпосылок трагедии 22 июня. И все же, несмотря на это, Сталин не расстрелял начальника разведывательного управления, а отправил его командовать армиями и даже фронтами.

Можно привести похожие цифры и факты, характеризующие колоссальный ущерб от сталинских «чисток» и в службах, отвечающих за контрразведывательную деятельность, то есть за противодействие шпионажу, за борьбу с диверсантами, пресечение саботажа и терроризма. К 1940 году число только расстрелянных чекистов «дзержинской» школы² достигло 20 тысяч человек.

Кто же пришел в органы государственной безопасности, и чем они занимались? Пришли люди малограмотные, но члены партии и готовые решать задачи, которые им «поставит партия». На 1 января 1940 года доля сотрудников ГУГБ с высшим образованием не превышала 9 %, но беспартийных при этом было менее 2 % [53].

¹ В данной ситуации трудно подобрать «интеллигентный» термин, учитывая то, к чему привела неверная оценка Ф.И. Голикова. Самое «приличное», что можно высказать, так это назвать его государственным преступником.

² Как бы мы ни относились к Феликсу Дзержинскому, но невозможно принизить его заслугу в создании «на ровном месте» одной из самых эффективных спецслужб в мире, укомплектованной высококвалифицированными, подготовленными и преданными Родине кадрами. Попутно хотелось бы отметить, что Дзержинский одним из первых увидел в Сталине могильщика революции.

Эти люди не разбирались в политике, обороне, науке и технике, но они усердно занимались тем, что «выявляли» таких несуществующих «врагов народа», как троцкисты, эсеры и меньшевики, церковники и иные «вредители». Термин «выявляли» взят в кавычки потому, что для этого не надо было прилагать абсолютно никаких усилий. Всех арестованных в тот период можно условно разделить на две категории: к первой относятся те, арест которых предписан Сталиным и его приспешниками, а вторая категория формировалась на основании многочисленных доносов.

Для решения же задач разведки и контрразведки у вновь пришедших сотрудников органов государственной безопасности не было ни квалификации, ни желания, да и задачи такие перед ними «партия не ставила». Они разбивали молотками пальцы на руках и ногах у арестованных, дробили палками кости, отбивали внутренние органы и просто издевались над подследственными. Необходимо было лишь выбить признательные показания, никаких других доказательств в Советском Союзе не требовалось, чтобы выполнить «задание партии» и приговорить к высшей мере наказания любого человека. Именно за эту «работу» они получали медали, ордена, квартиры и иные награды. Для того, чтобы отличиться, не надо было рисковать своей жизнью, прилагать физические усилия по выявлению и поиску диверсантов, не требовалось создавать сложную систему сбора и анализа разведывательной информации. У них не было нужды штудировать иностранные языки, изучать историю, культуру и традиции разведываемых стран, вести кропотливую работу по поиску и вербовке агентуры, в первую очередь источников, способных добывать ценную разведывательную информацию.

Нельзя сказать, что в органы государственной безопасности набирали только отъявленных подонков и мерзавцев, но даже попавшие сюда некоторые порядочные люди не имели

необходимой квалификации для решения сложных задач разведывательного и контрразведывательного обеспечения действий советских войск. Например, разведывательный «опыт» руководителя внешней разведки НКВД Павла Ивановича Фитина (назначен в 1939 году) ограничивался работой в редакции издательства «Сельхозгиз». Разведывательное же образование он получил в 1938 году на ускоренных курсах в Школе особого назначения НКВД.

Для некоторых сотрудников органов государственной безопасности атмосфера стала настолько неприемлемой, что они вынуждены были даже кончать жизнь самоубийством. В частности, 04.04.1937 застрелился из табельного оружия начальник Управления НКВД по Горьковскому краю (области) Матвей Самойлович Погребинский, так как ему все чаще и чаще приходилось исполнять сомнительные «задания партии». В июле 1937 года застрелился начальник Харьковского управления НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга Соломон Самойлович Мазо, оставив записку: «Товарищи, остановитесь! К чему приведет избиение коммунистов и выколачивание из них ложных показаний?»

Сейчас телевидение все чаще показывает фильмы о героизме сотрудников НКВД, о том, как они «ковали» победу в войне с фашизмом, рискуя жизнью, «сражались» с вражескими диверсантами. Во всех этих фильмах старательно обходится один принципиальный вопрос: почему при таких героических усилиях этих деятелей в приграничной зоне и в тылу у наших войск накануне войны оказались сотни немецких диверсионных групп? Ведь деятельность вражеских диверсантов сводила на нет усилия советских командиров и начальников по обеспечению боеготовности и боеспособности в самый критический момент — в момент начала войны. Почему же герои фильмов о «славном» прошлом органов государственной безопасности не арестовали хотя бы одного

диверсанта и не допросили его так же, как в свое время они допрашивали Рокоссовского или Мерецкова? Полученные таким образом сведения имели бы большую ценность, чем показания перебежчика в ранге фельдфебеля, для своевременного приведения приграничных войск в полную боевую готовность.

Знакомясь с такой крайне негативной оценкой деятельности сталинских органов государственной безопасности, многие читатели (особенно знающие) могут сказать, что среди их сотрудников все же были люди патриотически настроенные и даже смелые и бесстрашные. И это истинная правда: любой честный и порядочный человек не может не признать заслуг тех (даже сотрудников НКВД), кто проливал кровь за Родину (пусть даже за Сталина и за Родину) и отдал свою жизнь за победу над фашизмом.

Действительно, в рядах НКВД таких было очень много: начать хотя бы с пограничных войск, которые структурно входили в это карательное ведомство. На пограничные войска был возложен ряд задач по обеспечению государственной безопасности, и они (войска) в отличие от войск подчиненных Тимошенко и Жукова не дрогнули в тяжкую для нашей Родины минуту и не побежали, а сражались до последнего патрона, до последней капли крови. Однако, уважаемый читатель, принадлежность пограничных войск к НКВД носила слишком формальный характер — куда только их ни присоединяли за всю историю нашей страны, и даже делали отдельной службой, подчиненной напрямую Верховному главнокомандующему. Для Лаврентия Берии пограничные войска были дополнительной и ненужной ему нагрузкой, которая никакого отношения к карательным функциям его ведомства не имела и не могла иметь.

Другой пример — полковник Танкопий Иван Алексеевич, командир 17-й стрелковой бригады войск НКВД. В ходе

боев за Харьков в марте 1943 года именно бригада полковника Танкопия, а не «прославленные» войска Красной армии, составила костяк обороны города. Причем сражаться воинам 17-й стрелковой бригады войск НКВД пришлось с самым сильным соединением в немецких вооруженных силах, а именно со 2-м танковым корпусом СС в составе трех дивизий — «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Дас Райх» и «Мертвая Голова» (не считая частей и подразделений обеспечения).

В боях за Харьков полковник Танкопий Иван Алексеевич проявил исключительное мужество, бесстрашие и презрение к смерти. В отличие от некоторых советских военных начальников, например адмирала Ф.С. Октябрьского, который в 1942 году бросил свои войска в Севастополе на произвол судьбы и позорно бежал в тыл, Танкопий до последнего дыхания оставался со своими бойцами. Даже будучи раненым, он управлял боем на западном берегу Северского Донца, пока вверенные ему войска переправлялись на восточный берег реки. Второе ранение оказалось для него смертельным, и он погиб, как настоящий герой, в неравном бою с врагом — вечная ему слава.

Однако давайте посмотрим, какое отношение полковник Танкопий имел к НКВД и к карательным функциям этого ведомства. Начинал он свою службу в Красной армии, а затем его перевели в пограничные войска. С начала 1942 года работал в Управлении боевой подготовки внутренних войск НКВД и этом же году назначен командиром 17-й стрелковой бригады войск НКВД. То есть фактически Танкопий всю жизнь был военным, а не сотрудником органов государственной безопасности.

Чтобы понять принципиальную разницу, следует привести сравнение с типичным палачом и карателем, которым, например, был генерал Гвишиани Михаил Максимович.

В 1944 году он руководил насильственной депортацией чеченцев и ингушей в Казахстан, для чего загонял их, как скотину, в товарные вагоны и отправлял по назначению, собственно, как это делали эсэсовцы в Германии. Всех тех, кто не мог передвигаться, то есть стариков, больных, детей Гвишиани убивал. В ауле Хайбах он загнал в конюшню имени Лаврентия Берии более 700 таких бедолаг и сжег их заживо. Гвишиани не сражался с врагами, не спасал Родину от фашизма, он ничем не рисковал и, конечно, не пролил ни капли своей крови, но получил высшую государственную награду за убийство невинных, безоружных и беззащитных людей. Почувствуйте разницу во вкладе обоих в дело боеготовности и боеспособности советских вооруженных сил, в консолидацию советского общества.

Таким образом, наряду с приведением войск в (полную) боевую готовность только при выполнении как минимум всех перечисленных выше условий можно было рассчитывать если не на разгром агрессора, то хотя бы на решительный отпор противнику. Правда, неясно, решился бы Гитлер на войну против СССР, если бы он видел готовность советской военной машины к войне, способность советских командиров и начальников принимать смелые и правильные решения, решимость советских войск оказать упорное сопротивление немецким ударным группировкам, дать сокрушительный отпор агрессору. Пошел бы Гитлер на подобную авантюру, если бы он понимал, что на направлении главного удара войсками ЗаОВО командует грамотный, инициативный, уверенный в себе командующий, способный предвидеть развитие ситуации, предусмотреть своевременные и адекватные меры и взять на себя ответственность за организованное применение вверенных ему войск против агрессора — это большой вопрос.

Судя по всему, трусливая и капитулянтская позиция Сталина, вряд ли достойная руководителя могущественного государства, а также его политика умиротворения фашизма воспринимались военно-политическим руководством нацистской Германии как крайняя форма проявления слабости и недееспособности советского руководства и вселяли в Гитлера уверенность в необходимости и возможности победоносной войны с СССР.

СКАЗКИ ПРО ТО И ПРО ЭТО

В теории фактор неожиданности может сыграть вам на руку. Но на практике в ход вступает сила трения, когда скрип вашей машины предупреждает противника об опасности.

Карл фон Клаузевиц

То, что боевая готовность является лишь одним из обязательных составляющих обороноспособности, но далеко не достаточным, наглядно демонстрирует ситуация с ПриБОВО, войска которого буквально накануне войны все же были приведены в (полную) боевую готовность на основании устных приказов командующего округом генерала Ф.И. Кузнецова¹. Однако это не спасло их от разгрома.

Во-первых, почти вся авиация ПриБОВО, так же как и ЗапОВО, была сожжена на аэродромах ударами противника с воздуха в первый же день войны. Во-вторых, легко видеть, что и здесь фронт начал «разваливаться» с началом боевых действий и остановить немцев, совсем ненадолго, удалось только на линии Западной Двины. В-третьих, разгром войск ПриБОВО стал отчасти причиной поражения войск ЗапОВО. После того как 3-я танковая группа под командованием генерал-полковника Германа Гота опрокинула советскую оборону в Литве, 39-й и 57-й механизированные корпуса из

¹ Никаких (письменных) распоряжений подобного рода из Генерального штаба в ПриБОВО, как, впрочем, и в другие военные округа, так и не поступило.

ее состава повернули на юго-восток и совместно с соединениями 2-й танковой группы генерал-полковника Хайнца Гудериана замкнули кольцо окружения войск ЗапОВО западнее Минска, как представлено на карте 1.

Удивительно, что об этом очевидном факте маститые историки не пишут, да и «гений» глубокой наступательной операции не акцентировал на нем внимание читателя в своих воспоминаниях и размышлениях. Правильную оценку реального «вклада» приведения войск ПриБОВО в (полную) боевую готовность в их боеспособность и обороноспособность в тех конкретных условиях дали только несколько исследователей, в числе которых и Никита Баринов [5].

Правда, отмечая это существенное обстоятельство, предпринимается попытки переложить основную вину за поражения в Белоруссии на командующего ПриБОВО, основываясь на том историческом факте, что он в стык с Западным фронтом (то есть ЗапОВО) расположил 184-ю стрелковую дивизию из состава 29-го литовского стрелкового корпуса.

Действительно, эта дивизия по непонятным причинам в день вторжения дислоцировалась в районе между Алитус и Варена как раз на пути 57-го механизированного корпуса из состава немецкой 3-й танковой группы, то есть на направлении главного удара Сувалки — Алитус — Вильнюс, как представлено на карте 2¹.

С началом боевых действий литовские солдаты этой дивизии подняли мятеж², расстреляли своих командиров, а также советских солдат и дезертировали, обеспечив беспрепятственное продвижение соединениям Гота на обширном

¹ Как видно из приведенной карты, оборону Вильнюса должен был обеспечивать только один 29-й литовский стрелковый корпус в составе двух стрелковых дивизий — 184-й и 179-й.

² По некоторым источникам, этот мятеж был заранее спланирован и организован абвером.

участке фронта. Совершенно очевидно, что целиком вину с генерала Ф.И. Кузнецова снимать нельзя, однако что реально он мог сделать в той конкретной ситуации, приняв округ в декабре 1940 года, то есть всего лишь за полгода до начала войны?

Во-первых, несмотря на крайне негативные оценки надежности литовских войск¹, 29-й литовский стрелковый корпус (в который и вошла 184-я стрелковая дивизия) был создан приказом наркома обороны № 0191 от 17.08.1940² на базе литовской национальной армии³ еще в то время, когда ПриБОВО командовал А.Д. Локтионов⁴ (с июля по декабрь 1940 года). Соответственно, тогда же решался вопрос и о дислокации 29-го стрелкового корпуса и входящих в него дивизий.

Во-вторых, организация взаимодействия двух оперативно-стратегических объединений — это прерогатива Верховного главнокомандования. В данном конкретном случае именно Жуков как начальник Генерального штаба должен был предвидеть очевидный замысел вермахта по охвату группировки войск ЗапОВО концентрическими ударами с юга и с севера

¹ Генерал Павлов, например, предлагал полностью разоружить национальные армии и ни в коем случае не использовать их в составе советских вооруженных сил.

² Но ведь и нарком обороны подписал этот приказ хоть и в здравом уме, но не по своей воле, а в соответствии с решением Центрального Комитета ВКП(б) и Совета народных комиссаров «По вопросу о преобразовании армий в Эстонской, Латвийской и Литовской ССР».

³ Этим же приказом были созданы стрелковые корпуса и в остальных двух прибалтийских республиках на базе национальных армий: 22-го эстонского и 24-го латвийского стрелковых корпусов.

⁴ Был арестован 19 июня 1941 года по ложному обвинению в предательстве. Подвергался чудовищным пыткам и издевательствам со стороны палачей из НКВД. Расстрелян без суда и следствия по личному распоряжению Л. Берии 28 октября в Куйбышеве.

через Прибалтику, а значит, предусмотреть меры по усилению стыка двух округов (то есть фронтов) боеспособными и надежными соединениями. Таким образом, если уж и искать виновного в трагедии 22 июня, то начинать нужно именно с начальника Генерального штаба (если не считать Верховного главнокомандующего, то есть Сталина, и наркома обороны, то есть Тимошенко), а уж потом переходить к командующим двумя военными округами.

В-третьих, дислокация соединений опять же входит в компетенцию Генерального штаба и без его санкции командующий военным округом не имел права ее изменять. В-четвертых, применение литовского корпуса (в том числе и 184-й стрелковой дивизии) для прикрытия столицы Литвы Вильнюса был вопросом сугубо политическим: Сталин во что бы то ни стало хотел продемонстрировать пролетарскую солидарность новых советских республик, и это ему «блестяще» удалось. Великолепный пример политической «зрелости» и «дальнозоркости» советского партийного руководства¹.

Единственно, что мог в той ситуации сделать (и сделал) Ф.И. Кузнецов, так это категорически запретить любые взаимоотношения с тремя национальными прибалтийскими корпусами по мобилизационным вопросам.

В частичное оправдание командующего ПриБОВО в связи с прорывом советской обороны в направлении Сувалки — Алитус — Вильнюс можно привести еще одну достаточно

¹ Чтобы снять любые сомнения в непредвзятости предлагаемого исследования, необходимо отметить, что 22-й эстонский стрелковый корпус, в отличие от двух других прибалтийских соединений, с первых дней войны сражался доблестно и оказал ожесточенное сопротивление ударным немецким группировкам в районе Порхова, Дна и Старой Руссы. Более того, после войны в Хилове был воздвигнут памятник героическим бойцам этого корпуса.

вескую причину, которая заключается в том, что он располагал силами в полтора с лишним раза меньшими, чем Павлов. А ведь Ф.И. Кузнецову необходимо было организовать оборону и на остальном участке фронта к северу от Сувалок. Здесь весьма уместно отметить, что хотя Гитлер главный удар наносил в направлении Брест — Барановичи — Минск силами самой мощной 2-й танковой группы Гудериана, именно в районе Сувалки была достигнута наибольшая концентрация немецких войск, в основном за счет 3-й танковой группы Гота, что и демонстрирует карта 3.

Соответственно, такая дислокация немецких войск и вытекающие из этого очевидные планы вермахта требовали от советского командования построения эшелонированной обороны не вообще, а именно на угрожаемых направлениях (а как иначе?). Можно предположить, что эти прописные истины не в полной мере были знакомы командующим ЗапОВО и ПрибОВО и они не смогли правильно разобраться в обстановке. Но где же были выдающиеся военные начальники (как об этом пишется во многих энциклопедиях) Тимошенко, Жуков и Шапошников?¹

Даже если допустить, что они в оценке численности и концентрации немецких сил в районе Сувалки ошиблись раз в десять в меньшую сторону (хотя, конечно, это никак не красит ни наркома обороны, ни тем более начальника Генерального штаба), то образовавшийся здесь «классический» выступ (как это видно из карты 3) должен был натолкнуть любого мало-мальски разбирающегося в оперативном

¹ Не приходится даже говорить о руководящей и вдохновляющей роли коммунистической партии (тогда партии большевиков). Совершенно неясно, какая сила помешала партии в тот исключительно тяжелый для страны момент вдохновить личный состав и руководство ЗапОВО и ПрибОВО на решительный разгром врага и победу малой кровью.

искусстве генерала на мысль о возможности удара именно оттуда. Если к этому добавить, что южнее направления Сувалки — Алитус — Вильнюс советских войск, по существу, не оказалось¹, то станет ясно, что тут и больших сил-то не требуется, чтобы, не встречая никакого сопротивления, «доехать» до Минска с северо-запада, а не с боями прорываться к столице Белоруссии.

Даже беглое изучение опыта боевых действий в Польше и Франции, поверхностные представления о методах ведения маневренной войны, а также минимальные знания принципов применения механизированных соединений позволяют уверенно предсказать, по каким направлениям немцам следует наносить удары из района Сувалки. И действительно, 57-й механизированный корпус беспрепятственно прошел именно по маршруту Сувалки — Варена — Вороново с тем, чтобы, не ввязываясь в бои, в максимально сжатые сроки охватить приграничную группировку войск ЗапОВО и совместно со 2-й танковой группой окружить ее в районе Минска.

Наконец, еще одно заблуждение некоторых историков относительно боевой готовности, которое они всеми силами пытаются навязать неискушенным читателям, связано с тем, что мероприятия по повышению боевой готовности подменяются действиями по приведению войск в повышенные степени боевой готовности. Смысл сказанного состоит в том, что любая тренировка, учение и занятие потенциально направлены на повышение боевой готовности, но не эквивалентны действиям по приведению войск в повышенные степени боевой готовности. Так, отработка действий

¹ Из карты 3 видно, что немецкому 57-му механизированному корпусу на границе противостояла только 128-я стрелковая дивизия. Других советских войск на глубину до 100 километров на пути у этого корпуса не было.

инженерно-техническим составом по подвеске на самолеты снаряжения, боеприпасов и оружия способствует повышению боевой готовности, так как такие тренировки потенциально¹ позволяют сократить время подвески первого боекомплекта, а значит, сократить и время приведения авиационной части в полную боевую готовность.

Даже внедрение и освоение технологии закрытой заправки самолетов топливом способствует повышению боевой готовности, так как позволяет сократить время подготовки самолета к (повторному) вылету и повысить безопасность этого ответственного технологического процесса.

Повышению боевой готовности содействует и совершенствование системы оповещения с целью сократить время доведения сигнала (тревоги) до личного состава и оптимизировать алгоритм его передачи. Таким образом, система оповещения является компонентом боевой готовности, условием обеспечения высокой боевой готовности и средством приведения войск в повышенные степени боевой готовности. Касаясь оповещения как важнейшего компонента боевой готовности, весьма уместно охарактеризовать «идеально продуманный» порядок доведения до войск сигнала подъема по тревоге в 1941 году.

Этот сигнал передавался от инстанции к инстанции (сверху вниз) шифрованной телеграммой с довольно кратким содержанием, которое однозначно требовало приступить к выполнению плана прикрытия, а значит, объявить в войсках тревогу и привести их в полную боевую готовность. Таким образом, он должен был пройти следующую цепочку:

¹ Термин «потенциально» применен не для красного словца, а потому, что любая тренировка в мирное время проводится в идеальных условиях. При этом ее время, как правило, выбирается с таким расчетом, чтобы не нарушать учебных планов.

нарком обороны	→	командующий военным округом	→	командующий армией	→	командир дивизии (части)
-------------------	---	--------------------------------	---	-----------------------	---	-----------------------------

Причем на каждом этапе телеграмму необходимо было расшифровать, прочитать и уяснить ее смысл, вновь зашифровать новое сообщение (другим шифром) и отправить в нижестоящую инстанцию. В каждом случае телеграмма должна быть подписана командующим (наркомом обороны), начальником (Генерального) штаба и членом (Главного) военного совета. И только командир части (дивизии) доводил этот сигнал до подчиненного ему личного состава без подписей и применения шифровальной техники, а именно звуковой сиреной, голосом по телефону, а также посыльными через (оперативного) дежурного.

Читатель может сам прийти к пониманию абсурдности существовавшего в то время порядка доведения сигнала о приведении войск в (полную) боевую готовность и оценить время, необходимое для его передачи от наркома обороны до солдат и офицеров непосредственно в войсках. По хорошему начинать оповещение необходимо было чуть ли не за сутки, почти как в Римской империи в I веке до нашей эры. Описанный порядок — не шутка и не розыгрыш, а показатель степени деградации сталинской «школы» государственного и военного управления.

Особое «восхищение» вызывает тот факт, что и командующий военным округом, и командующий армией вынуждены были подписывать у (своего) члена военного совета приказ о подъеме войск по тревоге, несмотря на то, что такая директива из Москвы должна приходиться за подписью наркома обороны, начальника Генерального штаба и члена Главного военного совета. Создается впечатление, что Сталин этот порядок исходно задумал таким образом, чтобы нельзя было своевременно привести войска в (полную) боевую готов-

ность или по крайней мере максимально затруднить этот процесс.

Нелепость указанного порядка была столь очевидна, что командующий ПриБОВО генерал Ф.И. Кузнецов вынужден был в пределах своих полномочий пойти на крайний шаг и внести в него некоторые коррективы, а также предусмотреть дополнительные меры по оперативному оповещению. В директиве военного совета ПриБОВО № 00224 от 15.06.1941 «О порядке оповещения войск округа» предусматривалась возможность передачи информации о начале войны по радио открытым текстом с применением кодовых слов [2]:

«4. Донесения по радио посылать открытым текстом, ему должен предшествовать пароль “СЛОН” и цифра, шифрующая должность доносящего (см. приложение 1). Для проверки подлинности донесения в конце его должен стоять отзыв “СНАРЯД”. Донесение должно быть отправлено через радиостанции 11-АК или РСБ на волне 156. Для своевременного получения донесения приемники всех штабов соединений с 17.6.41 г. должны стоять на волне 156».

Трудно назвать какие-либо мероприятия в повседневной деятельности войск (не связанные со строительством гаража для командира части или соединения¹), которые бы не способствовали делу повышения боевой готовности. Весьма поучителен в понимании деятельности по обеспе-

¹ Предвидя ухмылку тех читателей, которые абсолютно уверены, что во времена Сталина коррупции не существовало, хочется, например, отметить, что маршал Кулик Григорий Иванович, злоупотребляя своим служебным положением, в сентябре — ноябре 1944 года, то есть когда шла война, а Путин и Медведев еще не родились и до назначения Сердюкова на должность министра обороны было еще очень далеко, привлекал красноармейцев к строительству своей личной дачи под Москвой. Кроме того, он использовал подчиненных ему военнослужащих для охраны незаконно захваченной им дачи в Крыму.

чению боевой готовности уже упомянутый Приказ войскам ПриБОВО № 0052 от 15.06.1941 [1], в котором, в частности, говорится:

«Проверка боевой готовности частей округа показала, что некоторые командиры частей до сего времени преступно не уделяют должного внимания обеспечению боевой готовности и не умеют управлять своими подразделениями и частями. <...>

Готовность бойцов 90-й стрелковой дивизии плохая — ранцы не укомплектованы, воды во флягах нет, снаряжение не подогнано. <...>

Распределение продуктов на суточные дачи в 286-м стрелковом полку не произведено, и бойцы суточной дачи на руках не имеют».

Приведенный фрагмент из приказа командующего ПриБОВО наглядно демонстрирует блестящее знание генералом Кузнецовым Федором Исидоровичем всех тонкостей воинской службы и прекрасное владение им информацией о состоянии вверенных ему войск¹.

Еще один яркий пример по обеспечению боевой готовности можно найти в директиве Генерального штаба войскам западных военных округов от 13.06.1941. В ней, в частности говорится:

«1. Для повышения боевой готовности войск округам все глубинные стрелковые дивизии и управления стр. корпусов с корпусными частями вывести в лагерь в районы, предусмотренные для них планом прикрытия (директива НКО за № 503859/сс/ов)».

¹ Нужно учитывать, что Ф.И. Кузнецов хоть и имел хорошую подготовку, но на должность командующего ПриБОВО был назначен только в декабре 1940 года. Разобраться же в таком большом «хозяйстве», как военный округ, непросто, а тем более навести в нем порядок.

В самой директиве нет ни слова о приведении войск в (полную) боевую готовность, и она этого не требует. Но из нее вытекает, что новая (видимо, более выгодная) дислокация некоторых (глубинных) соединений будет способствовать повышению (обеспечению) боевой готовности.

Поэтому главнокомандующий, а тем более Верховный, должен очень хорошо понимать, что именно он требует от подчиненных ему войск, применяя в директивах термин «боевая готовность».

Завершая условно теоретическую оценку соотношения между боевой готовностью и другими составляющими обороноспособности и боеспособности, необходимо показать реальное состояние советских войск и системы их управления в 1941 году, а также общий уровень подготовки советских командиров и начальников. Все эти показатели наиболее ярко продемонстрировала вторая агрессия Советского Союза во Второй мировой войне¹, то есть захват силой части территории Финляндии.

Против этой крошечной (по советским меркам) страны Сталин выставил группировку войск, на порядок превышавшую все вооруженные силы Финляндии. Так, на 11 февраля 1940 года группировка советских войск составляла более 460 тысяч человек, то есть почти в три с лишним раза пре-

¹ Странники преступного сталинского режима стыдливо обходят принципиальный политический вопрос вступления Советского Союза во Вторую мировую войну в качестве международного агрессора, да еще и в роли союзника фашистов. Сталин начал эту войну хоть и с опозданием, но именно с того, что вместе с Гитлером как шакал утопил в крови Польшу, растоптав при этом Польско-Советский договор о ненападении от 25 июля 1932 года, согласно которому стороны, в частности, обязались воздерживаться от всяких агрессивных действий друг против друга. После этого, пользуясь враждебным нейтралитетом Германии по отношению к Финляндии, Сталин решил уничтожить и эту скандинавскую страну.

вышла войска финнов. Танков же было выделено в 44 раза, а самолетов почти в 12 раз больше. Казалось бы, что при таком немислимом перевесе советские войска должны были за пару дней буквально стереть финнов с лица земли. Однако все оказалось совсем не просто, и горстка защитников Финляндии действительно смогла оказать жесточайшее сопротивление советским войскам и нанести им огромный урон. В результате этой кампании потери Советского Союза составили без малого 400 тысяч человек по личному составу (в шесть с лишним раз больше, чем у финнов), почти 2400 танков, или в 300 раз больше, чем у финнов¹, и около 750 самолетов, то есть в 12 раз больше, чем у защищавшейся стороны.

Если оценивать результаты советско-финской войны с позиций большой политики и исходя из стратегической оценки сложившейся ситуации, то Сталин и Молотов нейтральную Финляндию своими собственными руками превратили в заклятого врага Советского Союза. Таким образом, они заранее обрекли Ленинград на полную блокаду, а сотни тысяч его жителей — на голодную смерть. Этого можно было избежать, только лишь следуя народной мудрости «Не плюй в колодец, пригодится воды напиться». Блестящий пример политической «прозорливости», «глубочайшей» оценки военно-политической обстановки и стратегической «дальновидности».

Оценивая же ход советской агрессии против Финляндии² с военной точки зрения, нельзя не заметить, что если бы со-

¹ Финляндия из имевшихся 30 морально устаревших танков потеряла только восемь, отсюда такое немислимое соотношение в потерях 1 : 300.

² При описании войны с Финляндией все без исключения отечественные историки прибегают к самым изощренным лингвистическим «технологиям». Так, у Валерия Замулина находим такую фразу, которую могло придумать только сталинское Политбюро [46]:

ветские войска, которые не уступали вермахту ни по численности, ни по оснащению, в июне 1941 года сражались бы так же, как и финны, с такой же интенсивностью уничтожали бы немецкие танки и самолеты, то непонятно, смог бы Гитлер дойти хотя бы до Минска, а не то что до Москвы.

Как можно было не понять ужасающее состояние советской военной машины при таком унижительном соотношении потерь в войне с противником, которого, по-хорошему, следовало назвать мухой по сравнению с Советским Союзом? Сталин скрыл размер потерь и от советского народа, и от конституционных органов власти, и даже от партийных руководителей. Но ведь кроме Сталина об этом, в конце концов, знал Тимошенко, который командовал группировкой советских войск на Карельском перешейке и который сразу после этого был повышен до наркома обороны¹, видимо, за «блестящее» управление войсками в войне с Финляндией.

Неужели Сталину и Тимошенко после этой пирровой победы было непонятно, что они не то что умением, но даже числом воевать не умеют? Что же эти деятели сделали, чтобы исправить ситуацию, какие уроки они извлекли из столь позорной войны? Чтобы не бросать тень на многих советских командиров, которые вынуждены были проливать кровь на поле боя и ценой своей жизни обеспечили реализацию преступных планов Сталина по захвату части территории Финляндии, необходимо совершенно однозначно отметить,

«В ноябре 1939 г. вспыхнул советско-финляндский конфликт». Этот феноменальный эвфемизм означает буквально, что этой войны никто не хотел, но ударила молния и только от ее воздействия вспыхнул военный конфликт, в результате которого потери СССР достигли астрономической величины.

¹ Сталин буквально вынужден был сместить с этой должности своего партийного друга Климента Ворошилова, который явно ей не соответствовал.

что нежелание воевать умением исходило в первую очередь от Сталина.

Для того чтобы воевать не числом, а умением, необходимо было, во-первых, выработку решений и управление войсками поставить на научную основу. Во-вторых, для этого нужны были независимо мыслящие генералы и офицеры. В-третьих, им пришлось бы предоставить право свободно выражать свои мысли, идеи и предложения и даже отмечать ошибки вышестоящих начальников. При таком подходе «дурь» некоторых маршалов и самое главное — будущего генералиссимуса¹ выплывала бы на поверхность чуть ли не ежедневно. Однако, как известно, научность, творчество и свобода мысли в принципе составляют главную угрозу тоталитаризму, то есть в то время в нашей стране единоличной и безграничной власти Сталина. Для него же власть представляла наивысшую ценность, значительно более высокую, чем идеалы марксизма-ленинизма, а тем более интересы государства, страны и народа. Поэтому главным врагом для Сталина были научность и свобода мысли. В такой системе независимо мыслящие командиры просто не могли выжить, и единственным способом для них остаться в живых был тотальный конформизм².

¹ Это звание Сталин присвоил себе 27.06.1945, уже на второй день после его введения указом Президиума Верховного Совета СССР по предложению ЦК ВКП(б).

² Чтобы у читателя не было и тени сомнений относительно последствий любой критики в адрес «вождя народов», можно, в частности, вспомнить трагическую судьбу двух генералов, героев Великой Отечественной войны Василия Николаевича Гордова и Филиппа Трофимовича Рыбальченко, разговор которых на квартире у В.Н. Гордова 28.12.1946 года (то есть уже после войны) был подслушан органами государственной безопасности. Оба генерала за критические замечания в адрес Сталина были расстреляны.

Если формализовать описанную ситуацию в научных терминах, то отличительной чертой научного подхода является повышенная степень признания авторитета, достигнутого научными успехами, и сниженный уровень признания авторитета власти, что таит в себе потенциальный конфликт между властью и научным сообществом. В случае же со сталинским режимом этот конфликт мог быть особенно острым, так как ни у Сталина, ни у Жукова, ни тем более у Ворошилова особых (и не особых) научных заслуг не было.

Поэтому Сталин в своих подчиненных больше всего ценил не научный уровень и профессиональные качества, а раболепие и угодничество в его самых крайних формах, то есть восхваление ими его (Сталина) величия и их готовность пойти на любое преступление ради выполнения «добродушного» товарища Сталина. Эти «замечательные» качества (угодничество и раболепие), как ни странно, произрастали, распространялись, множились и вселялись в души советских людей, приобретая иногда крайне уродливые формы. Так, например, в 1935 году военные-ученые на военно-историческом факультете Военной академии имени М.В. Фрунзе предложили курс лекций по теории стратегии. Казалось бы, какое хорошее начинание, которое позволит у будущих военных начальников сформировать стратегическое мышление, понимание роли и места оперативных вопросов в общем стратегическом плане. Естественно, профессура академии рассчитывала на всестороннюю поддержку и помощь в этом вопросе.

Об этом начинании узнал помощник начальника академии по политической части Ефим Афанасьевич Щаденко (будущий заместитель наркома обороны по кадрам), и вот что он по этому поводу буквально сказал [11]:

«Это что еще за курс стратегии? Стратегией занимается лично товарищ Сталин, и это не наше дело».

Таким образом, Щаденко, ничего не смысля в образовательном процессе, а тем более в вопросах стратегии и оперативного искусства, запретил предложенный учебный курс. Тем не менее ведущие профессора академии, исходя из научных подходов, все же хотели, чтобы этот курс был включен в учебный план, и наивно обратились за поддержкой к начальнику Генерального штаба маршалу Егорову, который, конечно, не мог подвергнуть сомнению решение Щаденко, так как последнего на должность назначило Политбюро. И вот какое он придумал объяснение, чтобы оправдать запрет Щаденко и отказать профессорам:

«Ну, чем вы будете заниматься по стратегии? Планом войны? Стратегическим развертыванием? Или ведением войны? Никто вам этого не позволял, потому что это дело Генштаба» [11].

Похоже на то, что маршал Егоров не планировал комплектовать Генеральный штаб выпускниками советских военных учебных заведений. Такая крайняя форма мракобесия вынуждала преподавателей военных заведений «вкладывать» в головы слушателей не научные знания, а высказывания товарища Сталина. Освещение любой научной теории, которая хотя бы косвенно не согласовывалась с высказываниями Сталина, грозило как минимум отстранением от должности, а в худшем случае — расстрелом¹. Приведенные выводы — это вовсе не пропагандистская фраза, которую можно воспринимать лишь как фигуру речи, а отражение страшной и жуткой атмосферы мракобесия, идолопоклонства и конформизма того времени. Так, профессор Военной академии имени М.В. Фрунзе

¹ В целом порядки в фашистских концентрационных лагерях были скопированы с норм жизни в Советском Союзе: за любую провинность единственное наказание — расстрел.

Александр Андреевич Свечин¹ был расстрелян только за то, что в своих научных работах и на лекциях излагал принципы и методы организации обороны, что не совсем совпадало со взглядами Сталина на эту проблему.

Таким образом, понимание «научности» у будущих командиров и военных начальников формировалось еще на самом раннем этапе их военной подготовки. Читатель может самостоятельно изучить биографию Е.А. Щаденко и до конца понять уровень его бездарности и степень моральной деградации, однако главное в данном случае состоит в том, что он был предельно малограмотным человеком. К тому же он целиком и полностью находился во власти параноидального раболепия, что подтверждается следующим рапортом начальника Военной академии имени М.В. Фрунзе Августа Ивановича Корка² от 17.08.1936 [12]:

«Лично. Зам. Народного Комиссара Обороны Маршалу Советского Союза М.Н. Тухачевскому.

Докладываю: Состояние здоровья моего помощника тов. Щаденко чрезвычайно неблагоприятно, по-моему, у т. Щаденко в любой момент может произойти припадок буйного помешательства.

Прошу безотлагательно освободить тов. Щаденко от работы в Академии и передать его в руки врачей.

Начальник академии Корк».

Подобных Щаденко было немало, так как таких деятелей насаждал главный «двигатель» раболепия, прирожденный

¹ Военный теоретик с мировым именем. За границей занятия в военных учебных заведениях по стратегии и оперативному искусству до сих проводят по его учебникам.

² Можно почти наверняка сказать, что не без участия Щаденко А.И. Корк был арестован в мае 1937 года, подвергся жесточайшим пыткам и издевательствам в НКВД и расстрелян за участие в «военно-фашистском заговоре».

палач и убежденный мерзавец, один из наиболее приближенных к Сталину функционеров Лев Мехлис¹. Будучи полным невеждой в военных вопросах (как, впрочем, и во многих других, если не считать истребление советских командиров), он тем не менее заучивал наизусть речи и статьи Сталина и в своих выступлениях перед генералами и офицерами приводил на память длинные цитаты из сталинских изречений. Он делал это по большей части без повода, например на совещаниях командного состава при обсуждении оперативных вопросов, отвлекая внимание участников от главной темы. Последователи Мехлиса брали с него пример и примерно таким же образом участвовали в «управлении» войсками. Нельзя сказать, что все без исключения политработники рождались бездарными и никчемными, но их таковыми неизбежно делала мехлисовщина.

И вот людей такого пошиба Сталин назначал на руководящие должности, и они определяли, что именно должны и что не должны изучать в военных учебных заведениях будущие военные начальники.

Проблема двоевластия в советских вооруженных силах — это одно из тяжелейших порождений сталинского режима. Неграмотные в военных вопросах и зачастую бездарные политработники всех мастей и рангов вмешивались в управление войсками, что всегда приводило к огромным потерям (с советской стороны) как личного состава, так и техники, о чем предпочитают помалкивать поборники мракобесия. Двоевластие разлагало советские вооруженные силы изнутри, подрывало моральный дух личного состава и уверенность командиров в своих действиях и решениях. Так, на

¹ В 1937—1940 годах — заместитель наркома обороны и начальник Главного политуправления Красной армии, в 1940—1941 годах — нарком Госконтроля.

пример, тот же Щаденко, прибыв в Киевский военный округ членом военного совета округа в мае 1936 года, с первых же шагов стал подозрительно относиться к работникам штаба и командирам соединений округа. Скорее всего, не без участия этого «выдающегося» руководителя был арестован и осужден командир 2-й кавалерийской дивизии округа Александр Васильевич Горбатов¹ (впоследствии генерал-армии).

Еще один крайне редко упоминаемый эпизод, характеризующий уровень «стратегического мышления» высших партийных начальников, состоит в настойчивом предложении 1-го секретаря Ленинградского обкома и горкома партии² Жданова Андрея Александровича упразднить Волховский фронт, а войска этого фронта подчинить Ленинградскому фронту. И Жданов настоял на этом решении, дав Сталину хвастливое обещание разгромить немецкую группировку под Ленинградом и разорвать блокаду города, хотя войска Волховского фронта находились за пару сотен километров от штаба Ленинградского фронта и были отделены от него немецкими войсками. Итог такого «мудрого» решения предсказуем — управлять войсками бывшего Волховского фронта оказалось не только сложно, а просто невозможно, в результате чего последовала серия крупных неудач и восстановление Волховского фронта.

Известно и подрывающее нравственные устои влияние политработников на личный состав советских вооруженных сил. Ярким примером может служить оценка выдающейся побе-

¹ В своих воспоминаниях А.В. Горбатов отмечает, что палачи в НКВД пытали его так жестоко, что в камеру его отгаскивали на носилках без памяти. Издевательства достигали такой степени, что ему хотелось скорее умереть.

² Соответственно во время войны А.А. Жданов был членом военных советов Северо-Западного направления и Ленинградского фронта.

ды командира тяжелой танковой роты Колобанова Зиновия Григорьевича 19 августа 1941 года под Гатчиной (при обороне Ленинграда). Благодаря правильной оценке оперативной обстановки, грамотной расстановке сил и средств, смелым и решительным действиям рота Колобанова из пяти танков KB-1 за один день уничтожила 43 танка противника, из которых 22 танка поджег экипаж Колобанова за полтора часа боя¹ [73]. Таким образом, эта победа стала мировым рекордом по количеству подбитых танков в единицу времени, и она вошла в Книгу рекордов Гиннесса. Естественно, командир полка представил Колобанова и экипаж его танка к званию Героя Советского Союза, но в дело вмешались политработники, те люди, которые никакого отношения к этому бою не имели, которые совершенно не разбирались в тактике применения танковых войск и которые и в подметки не годились Колобанову и его танкистам. Но именно политработники решали, кому и какие награды давать или не давать, и они вспомнили так называемое «братание» Колобанова во время войны между СССР и Финляндией уже после подписания мирного договора между двумя странами.

В результате Колобанов (и весь его экипаж) не получил заслуженной награды, и это несмотря на то, что он в той же Финляндии сражался отважно и уже имел серьезные боевые заслуги и даже три раза горел в танке. И в этом бою под Гатчиной танк Колобанова получил 156 попаданий бронебойными снарядами, которые, правда, броню KB-1 не проббили, но члены экипажа в результате заброневоего эффекта все же получили незначительные ранения. То есть и этот бой был не легкой прогулкой, а серьезным испытанием. Можно ли вообразить в самом

¹ Даже победы самых выдающихся немецких танковых асов меркнут на фоне этого уникального результата роты Колобанова и его экипажа.

страшном сне, чтобы какой-то партийный работник в фашистской Германии не позволил бы присвоить высшую военную награду Третьего рейха (Рыцарский крест Железного креста)¹) тому танкисту, который бы за полтора часа подбил 22 танка противника.

Наряду с последствиями от «неудачных» решений и предложений политработников, на их подготовку и содержание отвлекались колоссальные ресурсы, которые кроме этого еще и работали в ущерб боевой готовности и боеспособности советских войск. Приведенные примеры и оценки — это лишь небольшой мазок в общей страшной картине деградирующего влияния политработников на вооруженные силы страны. Однако это отдельная, очень болезненная тема, которая заслуживает специального, более глубокого исследования.

Давая такую жесткую характеристику влияния партийно-политической «работы» на сугубо военную, профессиональную деятельность, нельзя не отметить достаточно высокую квалификацию, компетентность и принципиальную позицию отдельных партийных работников. Одним из наиболее ярких положительных примеров нужно, без сомнения, признать генерала Бирюкова Николая Ивановича, заместителя (по политической части) начальника Главного автобронетанкового управления РККА. Его квалификацию и принципиальное отношение к делу подтверждает, в частности, разговор со Сталиным от 11.12.1941, в ходе которого генерал довольно смело возразил Верховному главнокомандующему и уверенно обосновал преимущества «полных» танковых бригад по сравнению с «маленькими», которые предлагал создавать Сталин [52].

Здесь мы, во-первых, видим хорошее знание генералом Бирюковым предметной области, которую он в отличие от мно-

¹ Нем. Ritterkreuz des Eisernen Kreuzes — вручался как признание крайней храбрости в бою или успехов в руководстве войсками.

гих других политработников осваивал не в кабинетах, а в войсках. Во-вторых, из оставленного генералом Н.И. Бирюковым документального исторического материала невооруженным глазом видно его умение прислушаться к мнению других специалистов, вникать в суть вопроса, делать для себя правильные выводы и принимать решения, исходя не из собственных амбиций, а из интересов дела.

Изучая исторические материалы, создается впечатление, что генерал Бирюков скорее специалист по автобронетанковой технике, чем заурядный политработник. Нельзя не отметить его аккуратность, четкость и целеустремленность и даже умение предсказать развитие ситуации. Особое уважение в его работе вызывают мероприятия, подобные следующим, отмеченным 13 марта 1942 года в перечне важнейших вопросов для работы [52]:

15. Объездить московские рембазы — проверить ремонт.

17. Пересмотреть личный состав работников Управлений БТУ и РЭУ¹ и убрать невежд.

18. Организовать личное изучение танков KB, Т-34, Т-60, «Валентайн», «Матильда» и составить справочник по характеристикам.

Сам генерал вел этот дневник лично для себя и не планировал его опубликовать², и поэтому объективность и достоверность этого удивительного документа не вызывают никаких сомнений. Соответственно, любой читающий эти строки согласится и с объемом работ Бирюкова, и с основательным подходом к довольно сложному делу обеспечения войск автобронетанковой техникой, включая вопросы ее эксплуа-

¹ РЭУ — ремонтно-эксплуатационное управление.

² Этот уникальный документ был подготовлен к печати Александром Николаевичем Бирюковым, сыном генерала Н.И. Бирюкова, и издан в 2005 году, то есть спустя много лет после смерти генерала (1974 год).

тации в войсках и боевого применения. И все же подобные примеры — редкое исключение, а не норма жизни.

Отдельные историки уверяют нас в том, что Сталин сам хотел напасть на Германию. Конечно, ожидать от Сталина продуманных и взвешенных решений с точки зрения интересов государства, общества и народа не приходится. Однако не мог же он, в конце концов, оказаться в таком одурманенном, далеком от реалий состоянии, чтобы с такими войсками и с такими командирами и начальниками без крайней нужды нападать на Германию, а не на княжество Монако.

Сталин не мог не знать, что создание кадровой армии в СССР в полном смысле этого слова началось только в сентябре 1939 года, с принятием Закона СССР «О всеобщей воинской обязанности» от 01.09.1939. Только с началом Второй мировой войны Сталин вдруг «обнаружил», что, во-первых, численность советской армии не соответствует условиям обострившейся международной обстановки. Во-вторых, в результате организованных им же массовых репрессий против военных резко сократилась численность командного и начальствующего состава. В-третьих, систематическое и массовое истребление командиров и военных начальников привело к полной деградации командирских навыков и уровня управления войсками. Таким образом, существовавшая в СССР территориально-милиционная система утратила свою актуальность, то есть она была не в состоянии обеспечить необходимый уровень боеготовности и обороноспособности страны в тех исторических условиях.

Принимая такой закон, глава государства также должен был знать и основные показатели качества личного состава вооруженных сил. В частности, для подготовки солдата, который мог бы кое-как воевать, требуется как минимум два

года¹. Квалифицированный и грамотный солдат, а тем более сержант, «рождается» уже после трех, а в ВВС и на флоте (матрос или старшина) даже через пять лет напряженной службы². Что касается командиров уровня роты, которые непосредственно сражаются на поле боя, ведут войска за собой в бой и потери которых в войне самые большие, то минимальный срок их подготовки оценивается в семь лет. Профессиональный же уровень достигается после девяти — десяти лет.

К этому следует добавить, что в Германии всеобщая воинская повинность была введена в марте 1935 года, то есть почти за четыре года до того, как это было сделано в СССР. Анализируя и синтезируя все эти данные, Сталин мог бы сопоставить численность контингента подготовленных солдат, сержантов и офицеров в СССР и Германии.

Однако даже подготовленные солдаты и офицеры — это всего лишь вооруженная толпа, и не более того. Для того чтобы эту толпу превратить в слаженные, боеспособные и отвечающие всем требованиям современной войны соединения, необходимы огромные усилия и ресурсы, а также очень много времени. И все эти, опять же прописные, истины убедительно продемонстрировала советская агрессия против Финляндии. Неужели после столь бездарной кампании Сталин не понял, что он располагает лишь вооруженной толпой, а не организованной армией? Поэтому наносить превентивный удар по Германии можно (или нужно) было лишь при крайней не-

¹ Справедливости ради необходимо признать, что этим законом в соответствии с научными взглядами на эту проблему были увеличены сроки службы по призыву до трех лет, а на флоте до пяти лет.

² Эти же характеристики остаются тем более актуальными и в настоящее время. Поэтому сокращение сроков прохождения службы по призыву до одного года с военной точки зрения полностью сводит на нет смысл срочной службы.

обходимости, как вынужденная мера, и только в условиях неотвратимо надвигающейся смертельной угрозы для страны и государства, чтобы постараться максимально ослабить агрессора.

Таким образом, трудно принять гипотезу некоторых экспертов, что Сталин без крайней нужды, не чувствуя особой угрозы для страны, планировал нападение на Германию при таком уровне боеспособности вооруженных сил. Вряд ли он мог рассчитывать на успех в войне с таким сильным противником как Германия, основываясь исключительно на восторженных рассказах Жукова о глубокой наступательной операции. Почему же «маршал победы» эту наступательную операцию не применил 22 июня 1941 года и не направил советские механизированные соединения, которые и по численности, и по вооружению явно превосходили немецкие войска, сразу на Берлин? Читатель может взглянуть на карту Европы и убедиться, насколько расстояние от Бреста до Берлина короче, чем от Бреста до Москвы. Почему же «маршалу победы» потребовалось почти четыре года, а не четыре недели, чтобы преодолеть это расстояние? При этом он принес в жертву в четыре раза больше советских солдат и офицеров, чем потеряла Германия. Ради звезд, наград и славы он в своей жизни следовал одному-единственному принципу: «Солдат не жалеть, бабы новых нарожают».

Никчемные действия военно-политического руководства СССР и советских военных начальников в войне с Финляндией сыграли решающую роль в формировании у нацистских руководителей представления о боеспособности советских войск, об уровне управления ими, об организации взаимодействия родов войск и соединений. Так, в сентябре 1940 года главное командование сухопутных сил Германии представило доклад о перспективах ведения войны с СССР, который содержал довольно неутешительные выво-

ды о возможности победы в ней. Как и следовало ожидать, коллектив профессионалов под руководством тогда еще мало известного генерал-лейтенанта Фридриха Паулюса (который под Сталинградом командовал 6-й армией и сдался в плен) выделил такие негативные для вермахта условия, как большая протяженность фронта, увеличивающаяся по мере приближения к Волге, огромная территория, которую предстояло оккупировать и контролировать, а также значительные лесные, заболоченные и другие трудно проходимые зоны. То есть и протяженность фронта, и территория только европейской части России в десятки раз превышали эти показатели для Польши и Франции, а тем более для Бельгии, а значит, предполагали и соответствующее увеличение необходимых сил и средств для достижения целей войны. Разработчики доклада не могли не упомянуть и огромные людские и материальные ресурсы СССР, и даже разнообразие и сложность рельефа местности, а также суровые климатические условия, резко отличавшиеся от привычных для немцев европейских.

Из доклада следовал очевидный вывод, что Германия не располагает необходимыми возможностями для завоевания такой огромной территории и покорения страны с практически неисчерпаемыми людскими и материальными ресурсами. Фактически речь шла о рекомендациях отказаться от войны с СССР, по крайней мере на неопределенное время. И все же теми немногими объективными аргументами, которые перевесили все эти негативные объективные оценки и склонили Гитлера к подписанию «Директивы № 21. План Барбаросса» в декабре 1940 года, стали действия советских войск в Польше в 1939 году и «победа» Советского Союза в войне с Финляндией.

Итоги оккупации Польши и войны СССР против Финляндии полностью согласовывались с разведывательными данными о состоянии советских вооруженных сил, об

уровне подготовки советских командиров и начальников и о системе военного управления в Советском Союзе. В частности, руководитель отдела «Иностранные армии — Восток¹» полковник Кинцель дал такую обобщенную оценку Красной армии в конце 1939 года [13]:

«В численном отношении мощный военный инструмент. — Основной акцент падает на “массу войск”. — Организация, оснащение и средства управления недостаточны. — Принципы руководства неудовлетворительны, само руководство слишком молодо и неопытно... — Качество войск в сложной боевой обстановке сомнительно. Русская “масса” не достигает уровня армии, оснащенной современным оружием и руководством более высокого класса».

23 января 1941 года этот же отдел на основе анализа дополнительной разведывательной информации повторил в целом свой первоначальный вывод, высказав серьезное сомнение относительно способности советских вооруженных сил вести войну на уровне современных требований. Таким образом, «Рубикон был перейден», исходя исключительно из военной оценки низкой боеспособности советских вооруженных сил и неудовлетворительной в целом системы государственного и военного управления в СССР.

¹ Немецк. Fremde Heere Ost. Термин «Heer» точнее переводить как сухопутные силы, особенно в данном конкретном случае, когда речь идет об общевойсковых (в современной терминологии) командирах и военных начальниках.

ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ¹

Государственный деятель, который видит, что война неизбежна, и не может решиться нанести удар первым, виновен в преступлении против своей страны.

Карл фон Клаузевиц

Приведенная в прологе фраза Сталина наглядно демонстрирует его полную некомпетентность в вопросах управления вооруженными силами даже на оперативно-стратегическом уровне, не говоря уже об остальном. Не зря маршал Жуков в своих пресловутых «Воспоминаниях и размышлениях» утверждает, что «наше мнение по поводу чрезвычайной осведомленности и полководческих качеств И.В. Сталина было ошибочным»² [7]. Судя по стилю изложения «Воспоминаний и размышлений», Жукова до крайности удивляло то, что накануне грандиозной войны Сталин при этом еще и не интересовался делами ни Генерального штаба, ни Наркомата обороны.

Однако «Воспоминания и размышления» Жукова — это лишь мемуары, которые обычно пишутся для оправдания собственных ошибок и собственной бездеятельности. История

¹ *Noblesse oblige* — французский фразеологизм, буквально означающий «благородное (дворянское) происхождение обязывает».

² Эта работа свободна от каких-либо иллюзий относительно Г.К. Жукова, его «гениальности» и честности, но факты — упрямая вещь и в данном конкретном случае он прав на сто процентов.

же убедительно нам демонстрирует, что Сталин всегда был кабинетным работником, никогда не посещал войска (точно так же, как предприятия и колхозы), не имел ни малейшего представления о воинской службе и, таким образом, действительно не разбирался в военных вопросах, как впрочем, и во многих других. Поэтому В.И. Ленин ему ничего серьезного не поручал, а уж создание армии и управление войсками он мог доверить только действительно талантливым руководителям, но никак не Сталину. Видимо, чтобы хоть как-то компенсировать этот «пробел», Сталин после войны присвоил себе звание генералиссимуса, ни одного дня не прослужив в вооруженных силах страны (беспрецедентный случай в мировой истории). В каком же состоянии должен быть бакинский налетчик и криминальный авторитет¹, чтобы поставить себя в один ряд с генералиссимусом Александром Васильевичем Суворовым², князем Италийским, графом Римникским и Священной Римской империи, фельдмаршалом австрийским и российским, к тому же причисленным в нашей стране к лику святых?

Безусловно, такие регалии Александра Васильевича Суворова вовсе не означают, что звание генералиссимуса нельзя присвоить кому-либо из советских выдающихся военных начальников, и больше всего для этого подходил

¹ Как известно, Сталин свою «революционную» деятельность начинал в Баку разбоем, грабежами и рэкетом, а в криминальной среде он имел кличку Рябой. На его счету несколько удачных ограблений с похищением значительных сумм денег, которые уходили в партийный «общак».

² А.В. Суворов все свои награды заслужил в боях, походах и сражениях как солдат, командир, командующий и военный начальник, и за всю свою военную карьеру он не потерпел ни одного поражения. Он без труда в 1794 году подавил польское восстание под руководством Тадеуша Костюшко, а вмешательство Сталина в военное управление в 1920 году в войне с Польшей привело к разгрому советских войск.

Г.К. Жуков, ведь, по его же собственному утверждению, войну выиграл именно он, а не советский народ. Присваивать же такое звание руководителю государства и Верховному главнокомандующему, который позволил фашистам топтать советскую землю с июня 1941 по август 1944 года, — это как минимум неприлично, а в худшем случае — надругательство над страданиями всего советского народа и попрание памяти десятков миллионов жертв этой ужасной войны: наших дедов, отцов и матерей.

Конечно, читатель может возразить, что многие руководители государства не были и не являются военными специалистами, но это им никак не мешает эффективно управлять и государством, и вооруженными силами. Это истинная правда, и от главы государства не требуется быть военным специалистом, но первое должностное лицо в стране должно хотя бы понимать роль и значение Генерального штаба и военного округа. Если же учесть, что за один последний предвоенный год в СССР сменилось три начальника Генерального штаба¹, то станет ясно, какое смутное представление имел Сталин о деятельности этого ключевого органа в системе военного управления и о его роли в планировании и подготовке операций стратегического и оперативно-стратегического масштаба. Исходя из такого небрежного отношения к этой должности, можно с большой долей вероятности предположить, что Сталин рассматривал ее не выше уровня бригадира колхоза.

Здесь уместно подчеркнуть, что Жукова на должность начальника Генерального штаба рекомендовал (то есть фактически назначил) лично Сталин, несмотря на то, что у Жукова,

¹ В августе 1940 года Б.М. Шапошников на этой должности сменил К.А. Мерецков, но уже в январе 1941 он был назначен заместителем народного комиссара обороны по боевой подготовке. Начальником Генерального штаба стал Г.К. Жуков.

мягко говоря, не было соответствующей подготовки, и он патологически ненавидел кропотливую штабную работу. Однако Сталину понравился доклад Жукова на совещании по случаю завершения командно-штабных игр в январе 1941 года. Трудно сказать, как бы поступил Сталин, если бы узнал, что этот доклад Жукову подготовил начальник оперативного отдела штаба Киевского особого военного округа Иван Христофорович Баграмян¹. Однако самое поразительное в этом деле состоит в том, что Сталин, принимая такое ответственное для любого здравомыслящего политика решение, руководствовался поверхностной оценкой второстепенной и малозначащей информации, то есть впечатлением от выступления, а не от содержания доклада. Он даже не удосужился ознакомиться с личным делом Жукова, а в нем можно было, в частности, найти следующий вывод по аттестации, сделанный К.К. Рокоссовским 08.11.1930² [8]:

«Может быть использован с пользой для дела на должности помкомдива или командира мехсоединения при условии пропуска через соответствующие курсы. На штабную или преподавательскую работу назначен быть не может — организационно ее ненавидит».

Читатель наверняка согласится, что, прочитав такой вывод по аттестации, нужно как минимум усомниться в целесообразности указанного назначения, а в худшем случае понизить такого кандидата до командира бригады. Если раз-

¹ И.Х. Баграмян, будущий Маршал Советского Союза, закончил Военную академию имени Фрунзе (в 1934 году), а также Академию Генерального штаба (в 1938 году), и, конечно, его уровень подготовки в отличие от Г.К. Жукова не вызывает никаких сомнений.

² В то время К.К. Рокоссовский командовал 7-й Самарской кавалерийской дивизией, а Жуков в этой дивизии был командиром 2-й кавалерийской бригады, то есть был непосредственным подчиненным Рокоссовского.

бираться еще глубже (что и надо было сделать при подборе кандидатуры на такую должность), то выясняется и причина карьерного роста Жукова. В Самарской дивизии уже больше не могли терпеть его бездарность как командира и грубые выходки как человека. В результате, чтобы хоть как-то избавиться от неумного командира, Рокоссовский дал Жукову рекомендацию на повышение¹.

Последующее развитие событий убедительно продемонстрировало неспособность будущего «маршала победы» решать даже простейшие тактические задачи, а об оперативном мышлении в данном случае говорить даже не приходится. Так, именно Жуков, как представитель Ставки на Юго-Западном фронте, лично осуществлял руководство контрударом советских войск в самом крупном в истории Второй мировой войны танковом сражении в районе Дубно—Луцк—Броды 23—29 июня 1941 года². В этом сражении 1-й немецкой танковой группе, в которой было не более 700 танков устаревших типов, под командованием генерал-полковника Эвальда фон Клейста противостояло шесть советских механизированных корпусов³, каждый из которых по потенциальным боевым

¹ Это, конечно, не красит Рокоссовского, который во время войны проявил себя как умный, талантливый и вдумчивый командир и военный начальник, но, видимо, по тем временам у него другого выхода не было. Скорее всего, решающую роль в рекомендации на повышение сыграло то, что до службы в 7-й Самарской дивизии Рокоссовский вместе с Жуковым учился в одной группе на курсах усовершенствования командного состава кавалерии в Ленинграде.

² Вероятно, что для многих читателей этот факт окажется совершенно невероятным открытием, так как советская литература навязала нашему народу миф о «великом» танковом сражении под Прохоровкой.

³ Интересно отметить, что 9-м механизированным корпусом в этом контрударе командовал бывший начальник Жукова К.К. Рокоссовский.

возможностям превосходил всю 1-ю танковую группу немцев. Общая численностью советской бронетанковой группировки достигала четырех тысяч танков, в числе которых чуть менее одной тысячи Т-34 и КВ. В частности, 15-й механизированный корпус, о котором пойдет речь дальше, на 22 июня 1941 года имел следующий состав материальной части [71]:

	Танки					Бронемашины	
	КВ	Т-34	Т-28	БТ-7	Т-26	БА-10	БА-20
10-я танковая дивизия	63	37	44	147	27	53	19
37-я танковая дивизия	1	32	—	239	13	35	10
212-я моторизованная дивизия	—	—	—	32	5	18	17
Итого	64	69	44	418	45	106	46

Таким образом, в составе корпуса имелось 640 танков и 152 бронемашины, то есть всего 792 единицы бронетехники, имея в виду, что броневедомитель БА-10 был оснащен пушкой калибра 45 мм и по огневым возможностям значительно превосходил большинство немецких танков в 1-й танковой группе немцев.

Контрудар поддерживали еще три стрелковых корпуса, и казалось бы, что при таком соотношении сил у немцев не было абсолютно никаких шансов выжить, а их победное шествие по Украине должно было бесславно завершиться, едва начавшись. Тем не менее будущий «маршал победы» поставил дело так, что под его руководством Юго-Западный фронт потерял почти все свои танки — около 2800 единиц. Остальные танки, то есть более одной тысячи единиц, были потеряны по банальным техническим причинам в результате поломок и износа агрегатов, в основном на марше при переходах и сосредоточении.

Чтобы у читателя не сложилось превратное впечатление, будто бы танки вообще не способны совершать марши без

И.В. Сталин

В.М. Молотов

Г.К. Жуков

К.Е. Ворошилов

Ф.И. Голиков

Командармы 1-го ранга С.К. Тимошенко и Г.И. Кулик

Л.М. Сандалов

Д.Г. Павлов

Г. Гудериан

Э. Манштейн

Э. Роммель

Ф. Паулюс

Советские пограничники в дозоре на западной границе СССР. Лето 1941 г.

*Э. Бранденбергер и Э. фон Манштейн
за день до начала операции «Барбаросса»*

Москвичи 22 июня 1941 г.

Советские войска уходят на фронт

Немецкие войска на марше

Отправка советских солдат и командиров на фронт в июне 1941 г.

Сбитый и сгоревший советский бомбардировщик ТБ-3

Советские истребители И-153, поврежденные и брошенные на аэродроме

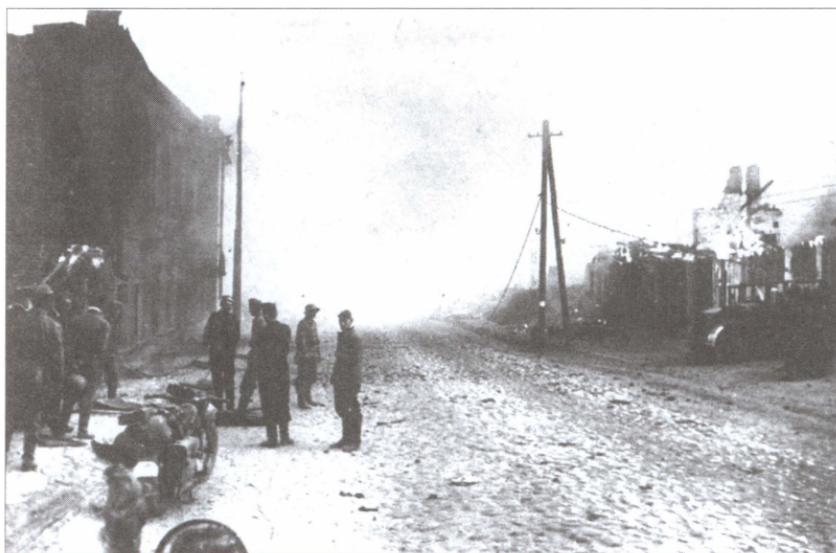
П.В. Рычагов

Танковый экипаж лейтенанта Дмитрия Лавриненко

*Группа красноармейцев с белыми флагами у казармы
333-го стрелкового полка в Брестской крепости*

Немецкие солдаты на улице горячей Орши

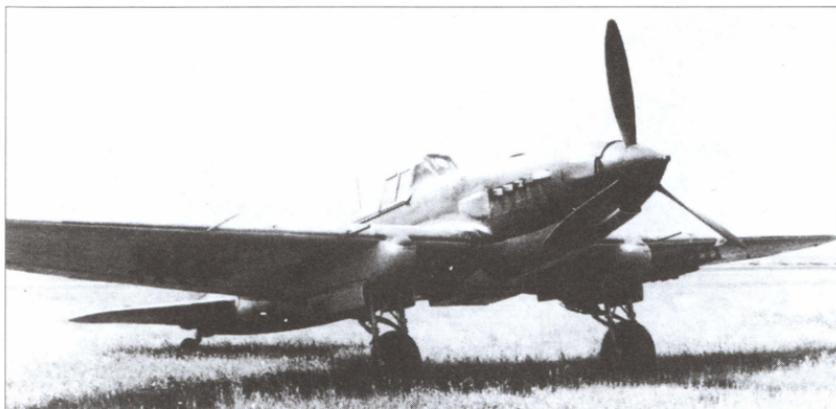
*Немецкие солдаты рядом с брошенным советским танком Т-34
и телом погибшего красноармейца*

*Немецкая колонна проезжает мимо советского тяжелого танка КВ-2,
взорванного собственным экипажем 27 июня 1941 года при отходе
41-й танковой дивизии из Ковеля*

Ю-87 на боевом задании

Штурмовик Ил-2

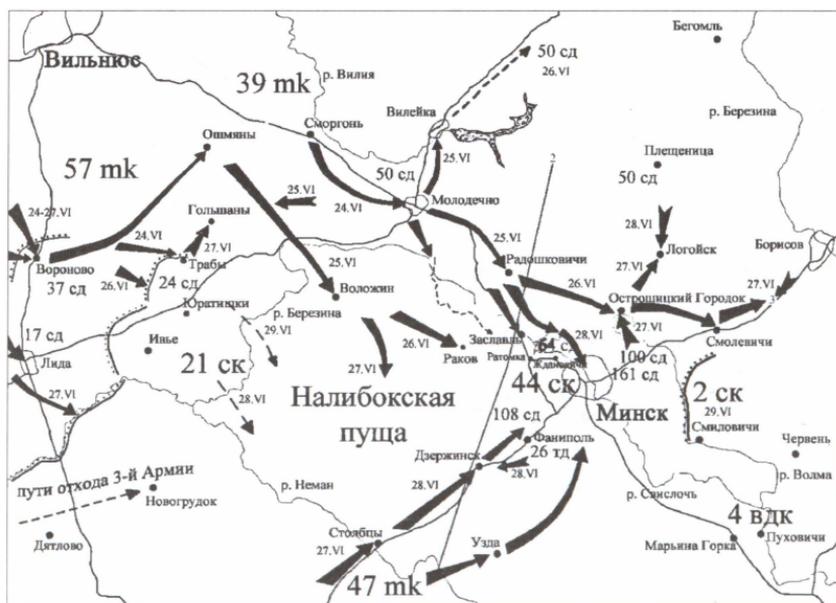
*Танк Т-34 идет в атаку при поддержке
45-мм противотанковой пушки 53-К*

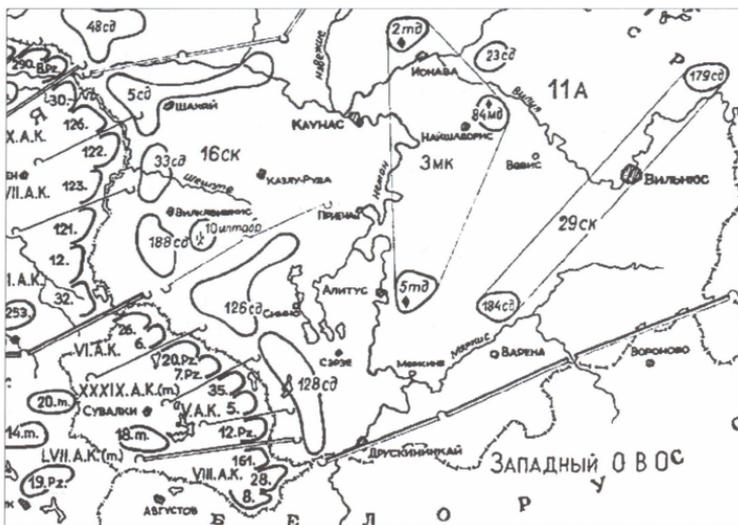
*Разгромленная танком Т-34
колонна немецких войск в районе Вильнюса*

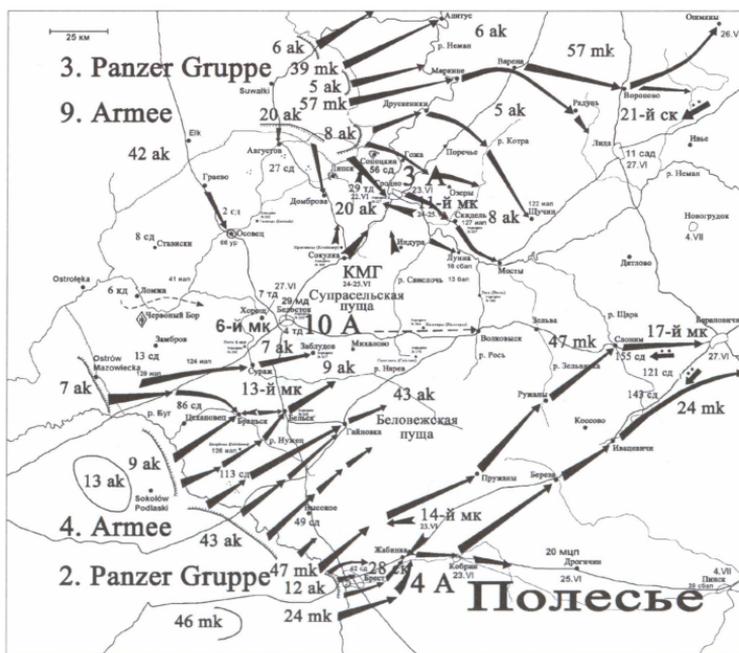
*Кладбище немецких солдат, погибших
в начале Великой Отечественной войны*

Карта 1. Минский «котел»

Карта 2. Дислокация 29-го стрелкового корпуса

Карта 3. Направления главных ударов 22 июня 1941 г.

огромных небоевых потерь, хочется отметить, что в то время как советские стальные армады наносили фланговые удары по прорвавшимся немецким войскам, командующий 1-й танковой группой, несмотря на это, продолжил развивать успех в оперативную глубину. Таким образом, основные силы генерал-полковника Клейста 25 июня ворвались в Дубно, пройдя с боями за три дня почти 150 километров, не встретив практически никакого сопротивления и не потеряв ни одной боевой машины. А на следующий день, то есть 26 июня, острие танкового клина Клейста «уперлось» уже в Острог, который находится в 60 километрах восточнее Дубно.

Что касается наших танкистов, то вот каким образом командир танкового батальона в составе 15-го механизированного корпуса Захар Карпович Слюсаренко описывает бессмысленные приказы высших советских военных начальников, которые привели и к потере времени, и к потере наступательного потенциала, и к потере огромного количества боевой техники [70]:

«Наша 10-я танковая дивизия под командованием генерала С.Я. Огурцова стояла тогда от Радзехува¹ примерно в 70 километрах. 25 июня мой 1-й тяжелый танковый батальон получил приказ от командира полка подполковника Пролеева форсированным маршем следовать в район Брод, где якобы появились фашистские танки, выйти на рубеж и обеспечить развертывание полка. Нам предстояло пройти около 60 километров. Средняя скорость КВ 20—25 километров в час. Дорога песчаная, день жаркий... В таких условиях не реже чем через час работы двигателя необходимо промывать масляные фильтры.

¹ Названия Радзехув, а также Радзехов проходят в некоторых исторических документах. Официально же этот поселок называется Радехов (Львовской области).

Приказ, разумеется, мы выполнили, но какой ценой! Более половины машин застряли в пути из-за технических неисправностей. Высланная же мною вперед разведка вернулась с сообщением, что противника в Бродях и в их окрестностях не обнаружено.

Не успели мы, как говорится, дух перевести, получили новый приказ — немедленно вернуться обратно, в прежний район обороны, идти в авангарде нашего полка форсированным маршем. На подготовку отводилось три часа.

Что за черт! Я ведь еще не успел подтянуть сюда оставшие в пути машины! Однако приказ есть приказ. Но на рассвете 26 июня в пяти километрах от Топорува — команда: “Стоп!” Новый приказ: идти в авангарде полка в район Радзехува, так как там уже два дня ведут тяжелые бои с танковой группой Клейста 10-й механизированный и 20-й танковый полки нашей дивизии.

Итак, благодаря «мудрому» руководству будущего «маршала победы», которого прислал в помощь Юго-Западному фронту также «мудрый» Сталин, батальон Слюсаренко двое суток «катался» без всякой пользы между Радехов и Броды и потерял более половины своих танков, даже не повредив при этом ни одной единственной машины противника. Как можно после такого унижительного разгрома шести советских механизированных корпусов вследствие бездарного руководства советскими войсками оценить «полководческий талант» Жукова и «продуманность» кадровых решений Сталина?

Несмотря на такие чудовищные (и унижительные для любого генерала, но не для «маршала победы») потери, Жуков не только не смог разгромить, но даже остановить малочисленную немецкую танковую группу, после чего он, не дождавшись, когда догорят последние советские танки, преспокойно уехал в Москву. И все же нашелся один человек, который

не смог вынести такого позора, и этим человеком оказался политработник, член военного совета Юго-Западного фронта Николай Николаевич Вашугин. Он не мог объяснить ни себе, ни своим подчиненным, почему буквально за пару дней была напрочь разгромлена казавшаяся непобедимой советская стальная армада в четыре тысячи танков, которой руководил посланник «великого и любимого» товарища Сталина. Вашугин искренне верил в безупречность решений и полководческий талант «вождя народов», поэтому он не смог смириться с обнажившейся бездарностью Верховного главнокомандующего и застрелился на следующий день после отъезда Жукова.

Для понимания главного принципа применения танковых ударных соединений, о котором Жуков, Тимошенко, Конев и другие советские военные начальники сталинского толка имели весьма смутное представление, и несоблюдение которого привело к описанному результату, весьма поучительно выглядит инструктаж, который получил командующий 8-й британской армией в Северной Африке генерал Ритчи [77]:

«Командующий британскими вооруженными силами на Ближнем и Среднем Востоке генерал Окинлек предложил Ритчи использовать бронетанковые дивизии массированно, как “бронированный кулак” в борьбе с танковыми соединениями немецко-итальянских войск... Кроме того, Окинлек требовал, чтобы Ритчи не нарушал организационной целостности ни одной из бронетанковых дивизий. “Их обучали действовать как дивизии, — указывал он в своем письме от 20 мая, — и я полагаю, что как дивизии они и должны сражаться”. Ритчи, однако, не последовал этому разумному требованию. 27 мая и в последующие дни его бронетанковые бригады вводились в бой, как правило, поочередно одна за другой, а штаб корпуса и штабы дивизий потеряли управле-

ние своими соединениями, что во многом и предопределило успех немецко-итальянских войск».

В советских вооруженных силах в июне 1941 года могли бы быть командиры, которые не только бы давали подобные разумные указания по применению бронетанковых соединений, но и в отличие от генерала Ритчи их бы еще и правильно исполняли. Однако всех их Сталин уничтожил еще в 1937 и 1938 годах, и управлять советскими войсками остались только Жуков, Тимошенко и Конев, которые провалили все без исключения операции начального периода Великой Отечественной войны.

Особое «восхищение» вызывает назидательный тон Жукова в пресловутых «Воспоминаниях и размышлениях» в адрес историков (точнее — «нашей исторической литературы»), которые «как-то лишь в общих чертах касаются этого величайшего приграничного сражения начального периода войны с фашистской Германией» [7]. Лицемерие этого назидания состоит в том, что наша историческая литература потому так поверхностно и освещала это действительно величайшее приграничное сражение, чтобы не показывать дурь его главного организатора и того, кто его послал в качестве помощника на Юго-Западный фронт.

Однако Жуков в своих размышлениях переходит всякую допустимую грань приличия, заявляя, что «в результате именно этих действий наших войск на Украине был сорван в самом начале вражеский план стремительного прорыва к Киеву» [7].

И это Жуков пишет, лучше нас всех зная, какой разгром немцы учинили нашим войскам под Киевом. Именно под Киевом была разгромлена самая крупная в истории войн группировка войск, советских войск, и именно под Киевом в плен к немцам попало самое большое в истории войн число военнопленных, советских военнопленных. А первопричина

этого немыслимого разгрома лежит в том, что направленный Ставкой на Юго-Западный фронт «помощник» оставил М.П. Кирпоноса (командующего Юго-Западным фронтом) совершенно без бронетанковой техники и без всяких надежд на удержание фронта.

При изучении материалов этого танкового сражения создается впечатление, что Жуков в ту пору даже не знал таких военных терминов (не говоря уже о понимании их содержания), как «тщательное планирование операции», «организация взаимодействия», «оказание помощи подчиненным войскам», «создание ударных группировок», «огневая поддержка удара». Таким образом, Сталин назначил на должность начальника Генерального штаба человека, который не отличался ни талантом, ни способностями, ни умением, ни даже желанием работать на новой должности. Опыт его предыдущей работы наглядно демонстрировал, что Жуков в любой работе всегда и везде создавал солдафонскую атмосферу. Он не в состоянии был не только понять, но даже выслушать своих подчиненных, а тем более учесть их мнение, что особенно важно для руководителя такого ранга. История подтвердила эту ошибку: уже в июле 1941 года Жуков был снят с должности начальника Генерального штаба.

Описанная история с назначением Жукова на должность начальника Генерального штаба и его последующим освобождением — это не случайная небрежность Сталина, а принцип его работы, основанный на поверхностном, неквалифицированном, непрофессиональном подходе к решению всех без исключения вопросов, за исключением одного — казни людей. Поверхностный характер сталинской кадровой политики особенно ярко демонстрирует история с генералом Андреем Власовым. Именно Сталин содействовал служебному росту Власова, и именно он создал вокруг Власова ореол спасителя Москвы и направил его

с повышением на должность заместителя командующего Волховским фронтом.

Оценивая степень неадекватности восприятия Сталиным нарастающей угрозы со стороны Германии, а также соответствие реальной военно-политической обстановке принимаемых им усилий по подготовке вооруженных сил страны к грядущей войне, нельзя не сослаться на воспоминания наиболее приближенных к Сталину членов Политбюро. Через неделю после начала войны они в конце концов сами приехали к Сталину на дачу и увидели его полностью разбитым и подавленным. Тем не менее они стали «уговаривать» Сталина создать систему управления страной военного времени, да и начать хоть что-то делать, чтобы остановить стремительное продвижение немецких войск. Как едко заметил по этому поводу А.И. Микоян: «Ведь, по сути дела, он сам должен был нас созвать» [4].

Та же абсурдная ситуация сложилась и накануне войны, когда Жуков и Тимошенко убедили Сталина принять их и стали «уговаривать» его подписать директиву, требующую от войск встретить противника во всеоружии. Можно ли себе представить, чтобы к премьер-министру Великобритании Уинстону Черчиллю пришли бы руководители военного ведомства и стали бы его уговаривать принять меры к отражению предстоящих воздушных налетов фашистской Германии. Как известно, Черчилль своевременно предпринял целый комплекс эффективных мер оборонного характера в масштабах государства, и система ПВО Великобритании¹ оказалась в идеальном состоянии, когда Геринг начал налеты на бри-

¹ Официальное название на русском языке — Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии с 1921 года, после разделения Ирландии на два государства. На английском языке — United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. Почему в то время применялся термин «Англия», остается полной загадкой.

танские острова в июле 1940 года¹. Еще до начала битвы за Британию, а именно 18 июня 1940 года, выступая в палате общин, Черчилль заявил [9]:

«Я ожидаю, что вот-вот начнется Битва за Британию. От этой битвы зависит выживание христианской цивилизации. Злоба и мощь врага должны скоро обрушиться на нас. Давайте соберем силы при исполнении своих обязанностей...»

Битва за Британию была той воздушной схваткой, к которой Великобритания была готова, а Германия — нет. Общий замысел операции по завоеванию превосходства в воздухе в битве за Британию базировался на устаревших представлениях времен Первой мировой войны и не учитывал возросшие возможности средств ПВО, особенно что касается Великобритании. Действительно, к лету 1940 года британская ПВО стала самой совершенной в мире. Это был поистине триумф технических достижений и организационных усилий². На передовой линии британской системы ПВО располагались радиолокационные станции (далее РЛС) дальнего обнаружения, которые заблаговременно определяли координаты, удаление и курс самолетов противника³. Эта информа-

¹ По большому счету подготовка к этой битве началась еще с середины 30-х годов (разумеется, прошлого столетия), когда стали отчетливо вырисовываться претензии нацистов на мировое господство.

² Многие британские летчики, мягко говоря, недолюбливали эту организационно-техническую систему по той причине, что в результате технического прогресса в 1940 году романтический образ летчика-охотника канул в лету, а им приходилось действовать по четкому плану и строгим инструкциям.

³ Достижения британцев в радиолокационной технике, основанные, кстати говоря, на разработках советских ученых М.А. Бонч-Бруевича, Н.Ф. Алексеева и Д.Е. Малярова, позволили снизить вес и габариты РЛС и впервые в истории начать их установку на крупные боевые корабли королевских военно-морских сил (ВМС) и даже на самолеты (королевских ВВС).

ция с РЛС немедленно передавалась в единый «центр оперативного управления ПВО», в котором она преобразовывалась в трехмерную графическую форму. Такая «технология» позволяла наглядно представить всю картину развивающихся событий и оперативно принимать адекватные решение по эффективному отражению воздушного налета. Гибкость управления достигалась за счет того, что все воздушное пространство на юге и востоке Британских островов было поделено на четыре зоны ответственности по количеству авиационных объединений королевских ВВС. Командующему истребительной авиацией Хью Даудингу даже удалось решить проблему опознавания «свой — чужой» путем установки на британские самолеты радиоустройств, передававших на РЛС сигнал опознавания¹. Читатель может сам оценить разницу в научно-техническом прогрессе в условиях демократии и в тюремных «шарашках», через которые прошли все выдающиеся советские авиационные конструкторы.

Черчилль распорядился провести на виду у немцев серию крупномасштабных учений и тренировок для достижения необходимого уровня боеготовности системы ПВО и лично принял участие в них (в качестве наблюдателя). Особое внимание в ходе этих учений уделялось практической отработке действий всех сил и средств, входящих в созданную систему ПВО, и проверке уровня их взаимодействия. Он сделал это без оглядки на то, что по этому поводу подумают нацисты, продемонстрировав решительность, политическую волю и готовность сражаться с фашизмом до конца. Таким образом, в результате сделанной Черчиллем правильной оценки

¹ Читатель может понять значимость такой в меры уже в то время по тому факту, что знаменитый итальянский маршал Итало Бальбо, бывший министр авиации Италии и генерал-губернатор Ливии, погиб в результате того, что самолет, на котором он летел, по ошибке сбили собственные зенитки в районе города Тобрук.

исходной информации и благодаря заблаговременной подготовке системы ПВО страны, ее целенаправленному совершенствованию и своевременному приведению в необходимую степень боевой готовности немцы в воздушной войне с Великобританией потерпели полное фиаско.

Уникальные возможности радиолокации и ее роль в обеспечении высокой боевой готовности в полной мере осознали и советские военные начальники, но случилось это не в июне 1941 года, а в мае 1944 года [51]:

«26 мая немцы произвели массированный налет на гавань Усть-Луга и катера в Лужской губе. В нем участвовали 54 самолета типа Ju-87 и два десятка “фокке-вульфов”¹. Подход самолетов противника был своевременно обнаружен расчетом РЛС “Редут”². Поднятые по тревоге истребители 10-го гвардейского иап (истребительного авиационного полка) сумели расстроить боевой порядок немцев и не допустить прицельного бомбометания. Поэтому, несмотря на численность нападавших, эффективность налета была довольно скромной».

Трудно даже представить, что бы «натворила» немецкая авиационная группировка в составе около 80 самолетов, если бы ее не удалось обнаружить своевременно, — достаточно вспомнить, как 22 июня 1941 года немцы уничтожили всю авиацию ЗапОВО. Вот это и есть яркий показатель синерге-

¹ Очевидно, имеется в виду FW-190, однако неясно, в каком варианте — истребителя или штурмовика.

² Первый советский импульсный радиолокатор дальнего обнаружения, который был создан летом 1941 года. Дальность обнаружения воздушных целей превышала 200 километров, то есть вполне достаточная, чтобы заблаговременно перехватить тихоходные штурмовики Ju-87. Однако, как и любое техническое устройство, эта станция могла эффективно решать возложенные на нее задачи не самостоятельно, а только в составе организационно-технической системы, как это и было сделано в Великобритании к лету 1939 года.

тического эффекта дальнего радиолокационного обнаружения и боевой готовности войск ПВО.

Чтобы понять, почему советские силы и средства ПВО ни при каких обстоятельствах не могли поступить точно таким же образом 22 июня 1941 года, даже будучи своевременно приведенными в полную боевую готовность, нужно разобрать ситуацию с массированным ударом немецкой авиации по Кронштадту 21 сентября 1941 года, то есть уже через три месяца после начала войны¹. Как свидетельствует старший оператор РЛС «Редут»² Г.И. Гельфенштейн, он с помощью вверенных ему технических средств заблаговременно обнаружил три ударные авиационные группировки противника общей численностью 220—230 самолетов, направлявшихся на Кронштадт, и своевременно доложил об этом на командный пункт (КП) ПВО КБФ. Даже не будучи экспертом в военном деле, можно легко понять, что налет авиационной группировки численностью более 200 самолетов — это очень и очень серьезно, однако вот такая была реакция на стремительное развитие ситуации [55]:

«До этого в моей практике уже не единожды были случаи, когда нашим данным не доверяли...

Вот и теперь чувствую, что там, на КП ПВО КБФ, донесения принимаются как-то слишком бесстрастно. Нет никакой взволнованности, озабоченности, нет никаких к нам вопросов, и мы не слышим звуков сирен “Воздушной тревоги”».

¹ Кронштадт был серьезным препятствием для группы армий «Север» (под командованием генерал-фельдмаршала фон Лееба), так как располагавшаяся там мощная морская артиллерия наносила чувствительные удары по немецким войскам и сковывала их маневр.

² РЛС дислоцировалась на «Ораниенбаумском пяточке» в деревне Большая Ижорка и имела прямую телефонную связь с командным пунктом ПВО КБФ.

Хотелось бы особо подчеркнуть, что и командующий Ленинградским фронтом, которым в ту пору был «маршал победы», и все высокопоставленные военные начальники, если они хоть что-то смысли в военном деле, должны были в деталях изучить опыт битвы за Британию и понять новаторские идеи британцев в области радиолокации, сделать для себя необходимые выводы и соответствующим образом готовить вверенные им силы и средства ПВО. Причем для этого им вовсе не требовалось испрашивать разрешения у товарища Сталина — нужно было только исполнять свой долг. На дворе осень 1941-го, а не лето 1939-го, а эти деятели не доверяют возможностям радиолокации (или даже не понимают, о чем идет речь), не знают технических характеристик стоящих на вооружении отечественных РЛС и не предпринимают никаких мер по совершенствованию системы ПВО. В своих «Воспоминаниях и размышлениях» Жуков так оценивает результаты этого налета немецкой авиации на Кронштадт 21.09.1941 [7]:

«Но интенсивный огонь зенитной артиллерии и решительные атаки советских истребителей сорвали замысел врага: существенный ущерб флоту нанесен не был».

И больше ни одного слова о событии, которое можно было бы назвать эпохальным с точки зрения успешного внедрения в нашей стране в военное дело новейших технологий, методов и средств. Не умаляя заслуг советских зенитчиков и летчиков, которые отразили массированный налет немцев на Кронштадт, нужно все же признать, что важнейшим условием их успешных действий стало своевременное приведение имеющихся сил и средств в полную боеготовность, а также получение целеуказания и целенаведения от расчета упомянутой РЛС «Редут». У Жукова же нет ни одного упоминания об РЛС «Редут», и это означает, что он не обладал даже элементарными представлениями в военно-технической обла-

сти, поэтому ничего не понял в той битве за Кронштадт, а все задачи мог решать только кровью солдат, и не более того. Соответственно, по этому значимому для развития средств ПВО случаю не были подготовлены никакие аналитические материалы, которые можно было использовать для изучения, внедрения и распространения передового опыта.

Приведенная «маршалом победы» лаконичная фраза о битве за Кронштадт отражает уровень его «правдивости» и «компетентности». Действительно, как следует из исторических материалов, в систему ПВО Кронштадта в те три сентябрьских дня входили целых шесть морально устаревших и отживших свой век истребителей И-15 «Чато» и И-153 «Чайка»¹. Безусловно, они могли (как утверждает Жуков) провести *«решительные атаки»* (в решительную атаку можно пойти даже без оружия), однако вызывает серьезные сомнения его заявление, что эти убогие бипланы (полуторапланы) были в состоянии *«сорвать замысел врага»*.

Еще раз хочется напомнить читателю, что именно Жуков с 11 сентября 1941 года возглавил Ленинградский фронт, и, таким образом, именно он отвечал и за оборону Кронштадта, где были сосредоточены основные силы артиллерии Ленинградского фронта, роль которых выполняла корабельная артиллерия Краснознаменного Балтийского флота. Так вот, несмотря на высокую похвалу со стороны «маршала победы» в адрес советских зенитчиков и истребителей и вопреки его утверждению, что *«существенный ущерб флоту на-*

¹ И-15 создан в 1933 году, и, конечно, назвать его истребителем в 1941 году можно было только с иронией (или сарказмом). И-153 появился в 1938 году как развитие И-15. Однако ключевые отличия заключались лишь в убирающемся шасси и бронеспинке для летчика. Во всем остальном он мало отличался от И-15, то есть он не мог догнать даже немецкий штурмовик Ju.87.

несен не был», потери советского военно-морского флота все же были ощутимыми. В частности, в результате тех налетов был потерян линкор «Марат». Учитывая же, что в Советском Союзе в ту пору имелось только три линкора, то выглядит очень странным, что такой крупный военный начальник, как маршал Жуков, этой потере не заметил, либо признал ее *«несущественной»*. Были и другие значимые потери: затонули эсминец «Стерегущий» и подводная лодка М-74, лег на дно сторожевой корабль «Вихрь», полностью выведен из строя (хоть и не затонул) крейсер «Киров»¹, поврежден линкор «Октябрьская революция» (уже второй линкор).

Маршал Жуков не пишет об этом в своих мемуарах, однако после такого унижительного разгрома он как командующий Ленинградским фронтом все же сделал самые серьезные выводы о роли и значении ПВО для защиты сил флота и его артиллерии. В частности, уже 24 сентября (1941 года) на аэродром Бычье Поле, расположенный в западной части острова, был переброшен 71-й истребительный авиационный полк, а на следующий день на Котлин перебазировался 6-й зенитный артиллерийский полк, что должно было, по замыслу советского командования, серьезно повысить потенциал Кронштадта в борьбе с воздушными налетами.

Тем не менее 27 сентября немцы предприняли еще один успешный налет на Кронштадт, в котором участвовали в общей сложности 42 самолета. На сей раз основной удар они нанесли по линкору «Октябрьская революция» и легкому крейсеру «Максим Горький». В результате полученных повреждений линкор «Октябрьская революция» потерял

¹ На крейсере выгнуло всю верхнюю палубу, сместились фундаменты орудий, прогнулись внутренние переборки, во многих местах разорвало трубопроводы и крепления. Передвигаться «Киров» мог лишь с помощью буксиров, и отремонтировать его в условиях войны и блокады уже не представлялось возможным.

способность самостоятельно передвигаться. Затем в конце октября его перевели для ремонта на Балтийский завод в Ленинград, и впоследствии линкор уже больше никогда не выходил в море — то есть фактически Советский Союз в результате неоднократных налетов немецкой ударной авиации потерял второй линкор из трех имевшихся.

Из приведенного описания вытекает, что уж этот налет не мог быть неожиданностью для ПВО Кронштадта, то есть никакая боеготовность не могла стать причиной потери второго линкора. Кроме того, система ПВО Кронштадта была существенно усилена, а средств для отражения удара немецкой авиации 27 сентября было уже немало. Тем не менее потери немцев составили только три самолета: один штурмовик Ju.87 («Штука») и два истребителя Vf.109 («Мессершмитт»).

Когда говорят, что налет немецкой авиации на Кронштадт оказался неудачным (или даже провалился), имеют в виду в первую очередь соотношение выделенных немцами ресурсов для выполнения этой задачи к советским потерям и соотношение немецких и советских потерь. Однако и тут трудно найти основания для столь смелой похвалы в адрес советских «зенитчиков и летчиков», которую высказал «маршал победы». Как известно, в налете 21—23 сентября в течение трех дней приняло участие около 560 немецких самолетов, из которых немцы потеряли только 37 единиц, — вряд ли такие потери сопоставимы даже с потопленным линкором «Марат» и выведенным из строя крейсером «Киров». Признавая заслуги защитников Кронштадта, имеют в виду и колоссальные потери американцев в декабре 1941 года в результате налета японской авиации на Пёрл-Харбор. Действительно, в этом налете приняли участие 274 ударных (с бомбами или торпедами) японских самолетов «Mitsubishi-Zero» (140 в первом налете и 134 — во втором), то есть в два раза меньше, чем при налете на Кронштадт. Но при этом американцы наряду

с прочим потеряли все свои восемь линкоров — четыре были потоплены, а еще четыре серьезно повреждены.

Однако нельзя забывать, что в налете на Пёрл-Харбор американцы полностью проигнорировали раннее радиолокационное предупреждение о подлете крупной авиационной группировки, и любой мало-мальски знающий специалист легко объяснит роль и значение этого «пустяка», который привел к потере американцами своего флота на Тихом океане.

Такой низкий уровень оперативного мышления у «маршала победы», его узкий военно-технический кругозор и неумение понять глубинный смысл происходящих в инженерной сфере событий стали косвенной причиной второй по значимости после 22.06.1941 трагедии в истории ВВС, которая произошла также 22 июня, но уже 1944 года, о которой поклонники Сталина и Жукова по понятным причинам предпочитают помалкивать.

Как известно, в рамках совместных челночных операций советских и американских ВВС под кодовым названием «Неистовый Джо»¹ три аэродрома Полтавского авиационного узла были выделены для базирования, размещения личного состава, подготовки и выполнения заданий американской стратегической авиации. Эти авиабазы служили аэродромами посадки для американских бомбардировщиков В-17 после выполнения ударов по немецким экономическим и военным объектам, и с них же они взлетали для решения последующих задач² [68].

¹ Англ. Frantic Joe.

² Основные авиабазы американских бомбардировщиков располагались на территории Италии и Великобритании. Такие челночные полеты позволяли, во-первых, брать на борт максимально возможную бомбовую нагрузку, а во-вторых, практически на всем маршруте использовать истребители прикрытия, базировавшиеся с обоих фронтов.

В частности, на одном из аэродромов разместилась 559-я база ВВС США, которой командовал полковник Дэйвид Ланкастер. Несмотря на то что авиабаза находилась достаточно близко от линии фронта и обслуживала стратегическую ударную авиацию, выполнявшую ответственные задания по уничтожению военно-экономического потенциала фашистской Германии, не было предпринято никаких мер по ее противовоздушному обеспечению, а об оборудовании авиабазы радиолокационными станциями раннего предупреждения и говорить не приходится.

Так долго продолжаться не могло, и 22.06.1944 (то есть через три года, а не через три месяца после начала войны) 4-й корпус легиона «Кондор»¹ под командованием Рудольфа Майстера в результате массированного авиационного налета уничтожил находящуюся здесь авиационную группировку. Немецкие летчики сожгли 44 бомбардировщика В-17, а 25 вывели из строя, а также уничтожили около трех десятков советских и американских истребителей. Конечно, были значительные разрушения аэродромной инфраструктуры, а также немалые потери личного состава, материалов и имущества.

Хотелось бы обратить внимание читателя, что налет немецкой ударной группировки длился более часа и немцы при этом не понесли абсолютно никаких потерь: не потеряли ни одного самолета и даже ни одного раненого. Историки считают, что в Полтаве американская стратегическая авиация понесла самые большие потери на земле за всю Вторую мировую войну. В итоге после девяти месяцев трудных переговоров и доставки в Советский Союз всего необходимого, стоившего миллионы долларов (долларов того времени) и немалых усилий, события одной ночи поставили под сомнение целесообразность всех

¹ Тот самый легион, который стер с лица земли испанский город Герника 26 апреля 1937 года.

предпринятых мер. И мы опять приходим к ключевому положению войны: воюют не танки, не самолеты и не РЛС, а воюют люди — военные начальники, командиры и экипажи.

Возвращаясь к впечатляющей победе британцев в битве за Британию, хотелось бы отметить, что королевские ВВС в этой битве оказались в явном численном меньшинстве. Всего в их составе к началу битвы имелось 896 истребителей, в том числе [47]:

Hurricane	565
Spitfire	239
Defiant	22
Blenheim	78
Итого	896

Им противостояло 1542 немецких истребителя, в том числе 1226 — «Мессершмитт Bf-109» и 319 — «Мессершмитт Bf-110». Кроме того, в налетах на Британские острова принимали участие в общей численности более двух тысяч немецких бомбардировщиков, борьба с которыми и была главной задачей британской системы ПВО. Несмотря на такое подавляющее численное превосходство немцев, благодаря усилиям Черчилля и грамотному применению радиолокационных технологий асы королевских ВВС с первых же дней боев показали свое превосходство над немецкими летчиками и смогли остановить авиационные группировки Геринга. Так, за первые десять дней битвы за Британию немецкие ВВС потеряли 367 самолетов, тогда как потери британцев составили 183 машины, и такая тенденция сохранилась на весь период сражения¹.

¹ Хотелось бы напомнить читателю, что только ЗаПОВО в течение первых часов 22 июня 1941 года потерял более 800 самолетов, тогда как потери немцев составили несколько машин, — потрясающий контраст.

Сравнение потерь по материальной части (то есть по самолетам) уже впечатляет, но в данном случае большие потери немцев не являются решающим условием бесперспективности попыток Гитлера (точнее — Геринга) победить в этой воздушной схватке. Ключевым моментом здесь выступают потери личного, а точнее — летного состава. Ведь каждый сбитый самолет для немцев означал и неизбежную потерю его экипажа, неважно, гибель или пленение. Восполнить же потерю одного летчика (или штурмана), по понятным причинам, это не одно и то же, что восполнить потерю одного пехотинца.

У британцев же ситуация совершенно иная. Да, экипажи королевских ВВС в некоторых случаях все же погибали, но так как британские летчики сражались над своей территорией, то большинство экипажей подбитых машин удавалось спасти. Практически все раненые британские летчики через некоторое время возвращались в строй, то есть общая убыль летного состава королевских ВВС была на два порядка меньше, чем у немцев. Таким образом, при таком соотношении потерь летного состава перспектива оставить свои ВВС без экипажей никак не улыбалась ни Гитлеру, ни Герингу.

Можно привести еще один фактор, который трудно объяснить с рациональной точки зрения, но который неуклонно усиливал превосходство королевских ВВС над ведомством Геринга. Дело в том, что по непонятным причинам авиационная промышленность фашистской Германии в 1939 и 1940 годах работала в режиме мирного времени, то есть в одну смену [86]. В результате объем выпуска боевых самолетов, в том числе и истребителей, был относительно невелик. В частности, в августе 1940 года немецкая авиационная промышленность выпустила только 160 истребителей Вф.109 («Мессершмитт-109»), что не покрывало и половины потери немцев в битве за Британию. Великобритания же благода-

ря усилиям Черчилля только в этом месяце поставила для королевских ВВС 546 «Харрикейнов» и «Спитфайеров» (см. данные на с. 177), то есть почти в 3,5 раза больше, чем получили немцы.

К сожалению, Черчилль был главой другого государства и никак не мог повлиять на то, чтобы подобную систему ПВО создали и в Советском Союзе, хотя для этого не было абсолютно никаких препятствий. Оценивая ход подготовки Великобритании к отражению нацистской агрессии, приходится признать Черчилля как образец политической дальновзоркости, стратегического мышления и государственного подхода к делу. Его же твердая позиция по отношению к нацистам, а не мелкобуржуазная, как у Сталина, заслуживает глубочайшего уважения. В отличие от Сталина, который не только ни разу не избирался, но фактически Страну Советов превратил в абсолютную, причем феодальную монархию, Черчилль пришел к власти в результате демократических выборов не для того, чтобы силой репрессий и путем физического истребления своих оппонентов безраздельно до самой смерти править страной, попирая все нормы, правила и законы, а чтобы не дать врагу вступить на ее территорию.

Не Жуков и Тимошенко должны были просить Сталина, чтобы тот «разрешил» привести приграничные войска в (полную) боевую готовность — термин «разрешить» здесь просто неуместен: они же, в конце концов, у него не на свидание отпрашивались. Главу государства, находящегося в здравом уме, в большей степени, чем других, должна заботить судьба страны, и в этой ситуации Сталину самому следовало потребовать (то есть приказать, а не разрешить) в самой жесткой форме и от Жукова, и от Тимошенко, а также от многих других руководителей принять незамедлительные и самые решительные меры к отражению предстоящего вторжения фашистской Германии на территорию СССР. Такая преступная

безответственность со стороны руководителя государства, который сосредоточил в своих руках все рычаги государственного и военного управления, ограничив и Тимошенко, и Жукова в некоторых необходимых им полномочиях, наталкивает на мысль о предательстве на более высоком уровне, чем на уровне командующего военным округом, как об этом фантазируют наиболее экстравагантные сталинисты.

Совершенно абсурдными и смехотворными выглядят попытки некоторых историков выставить Сталина в лучшем свете, опираясь на ряд мероприятий, предпринятых им накануне 22 июня 1941 года, по сбору разведывательных данных о вероятном противнике. Самым сильным аргументом в этих попытках, видимо, должна стать срочная воздушная разведка вдоль всей линии границы в зоне ответственности ЗапОВО которую провели ВВС ЗапОВО 18 июня 1941 года во взаимодействии с пограничными войсками по личному приказу Сталина. Однако Сталин в полученных разведывательных сведениях искал совсем не то, что обывателям пытаются навязать сторонники массовых репрессий, голода в самой богатой в мире пашнями стране и рьяные защитники запланированной оккупации немецкими войсками значительной территории СССР. Сталину нужны были доказательства того, что Германия не нападет на СССР.

Такая детская наивность со стороны «вождя народа», которая привела его к отстаиванию интересов враждебного государства, развязавшего мировую войну, не вписывается в ту суровую действительность. В понимании наивной веры Сталина в искренность намерений Гитлера ключевую роль играют как минимум два важнейших очевидных фактора.

Во-первых, Сталин заключил с Гитлером секретный договор о разделе Европы, по которому Гитлер позволил Сталину захватить огромные территории, включая почти половину Польши и все страны Прибалтики. Кроме того, Гитлер отдал

на растерзание Советскому Союзу нейтральную Финляндию и пообещал Сталину, что Германия при таком дележе не нападет на Советский Союз. Во-вторых, Гитлер сфальсифицировал документы по делу Тухачевского и предоставил их Сталину, то есть оказал Сталину неоценимую помощь в его борьбе за власть, в ходе которой по ложным и поддельным обвинениям были физически устранены и действительные, и мнимые противники «вождя народов»¹. Кому же при «таком раскладе» должен был Сталин доверять больше: Гитлеру или своему наркому обороны?

Конечно, ждать от Сталина той решительности, которую проявил Черчилль, а тем более дальновидных решений, не приходится, но неужели Сталин, вероломно истребив всех соратников Ленина, не понимал, что договор с мерзавцем гроша ломаного не стоит, и Гитлер его нарушит, не колеблясь ни секунды, как только появится возможность извлечь из этого максимальную пользу. В понимании этой пропитанной кровью проблемы имеются и сугубо идеологические аспекты, которые непосредственно связаны с предметом данного исследования и которые здесь необходимо осветить хотя бы вкратце. Некоторые историки (в том числе, как ни странно, и Олег Сергеевич Смыслов [63]) утверждают, что Сталин прочитал фундаментальный труд Гитлера «Майн Кампф»² и получил хорошее представление о стратегических целях и задачах нацистов. Конечно, форму-

¹ Здесь, правда, необходимо заметить, что Гитлер в большей степени, чем Сталин, был заинтересован в устранении Тухачевского и других талантливых советских руководителей и военных начальников. Однако Сталин, ослепленный пылом истребления потенциальных конкурентов, этого просто не мог понять.

² Транслитерация от немецкого «Mein Kampf», то есть «моя борьба». Первый перевод этого «труда» был сделан именно на русский язык по личному указанию Сталина, причем с выплатой гонорара автору.

лизовать внешнюю политику, основываясь на литературной страпне отбывающего срок заключенного, было бы глупо, однако этот заключенный в данном конкретном случае был главой самого агрессивного (если не считать Советский Союз) государства в мире и в своей деятельности неуклонно следовал идейным установкам, изложенным в «Майн Кампф». Верится с трудом, что Сталин «осилил» объемную книгу в 600 с лишним страниц, но кто-то же из его окружения все же должен был это сделать, чтобы понять, с кем Советский Союз подписывает ключевое для СССР, Европы, да и для всего мира соглашение. В частности, в главе XIV «Восточная ориентация и восточная политика» упомянутого «труда» находим следующие ключевые установки Гитлера [64]:

«Не будем говорить о подлинных намерениях новых владык России. Нам достаточно того факта, что Россия, лишившаяся своего верховного германского слоя¹, уже тем самым перестала иметь какое бы то ни было значение как возможный союзник немецкой нации в освободительной борьбе. С чисто военной точки зрения война Германии — России против Западной Европы (а вернее сказать в этом случае — против всего остального мира) была бы настоящей катастрофой для нас.

Уже один факт заключения союза между Германией и Россией означал бы неизбежность будущей войны, исход которой заранее предрешен. Такая война могла бы означать только конец Германии. К этому, однако, надо еще прибавить следующее.

1. Современные владыки России совершенно не помышляют о заключении честного союза с Германией, а тем более о его выполнении, если бы они его заключили.

¹ Речь идет о тех выходцах из Германии, которые составляли значительный слой российской интеллигенции до революционных событий 1917 года.

Нельзя ведь забывать и того факта, что правители современной России это — запятнавшие себя кровью низкие преступники, это — накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо только знала история.

Кто же заключает союз с таким партнером, единственный интерес которого сводится только к тому, чтобы уничтожить другого партнера? И кто, прежде всего, спрашиваем мы, заключает союз с субъектами, для которых святость договоров — пустой звук, ибо субъекты эти ничего общего не имеют с честью и истиной, а являются на этом свете только представителями лжи, обмана, воровства, грабежа, разбоя».

Прочитав эти идеологические установки фюрера, нельзя не признать, что, во-первых, Гитлер хорошо уяснил для себя подлинную суть сталинского режима¹. Во-вторых, совершенно очевидно, что ни о каком союзе Германии и СССР речи быть не может. Любое же соглашение на эту тему станет лишь фиговым листком, которым Гитлер попытается хоть как-то прикрыть масштабную деятельность фашистской Германии, направленную на уничтожение первой в мире Страны Советов, и не более того. Наконец, в-третьих, цитируемое «литературное творение» наглядно демонстрирует моральный облик вождя нацистов, его идеологическое и политическое кредо. Можно сколько угодно перечитывать труды истори-

¹ В ту пору Гитлер имел в виду большевистский режим, но это мало что меняет, учитывая, что Сталин как верный последователь дела Ленина неуклонно претворял в жизнь идеи большевизма.

ков сталинского толка, но никто из них не привел ни одного аргумента в пользу того, что позиция Гитлера в отношении России (то есть Советского Союза) к 1939 году изменилась на противоположную со времени его отсидки в тюрьме и написания программы нацистской партии. Поэтому у Сталина не было абсолютно никаких объективных оснований рассчитывать на честные отношения с Гитлером, то есть в данном случае на честный дележ Европы (если так можно выразиться), если уж Сталин действительно прочел «Майн Кампф» и уяснил принципиальные установки нацистов.

Разве Сталину мало было примера «Мюнхенского соглашения» от 30.09.1938, который Гитлер буквально растоптал, нарушив все взятые им перед Великобританией и Францией обязательства. Почему Сталин решил, что Гитлер может обмануть только Великобританию и Францию, а с ним он поступит «по-джентльменски»? Предвидя критику со стороны сталинских поклонников, приходится признать, что первое должностное лицо в государстве не обязательно должно быть специалистом во всех без исключения вопросах, в том числе и в области дипломатии и международных отношений. Но ведь ближайший соратник Сталина, то есть Вячеслав Молотов, все же был наркомом иностранных дел, и уж он-то должен был знать, что договоры соблюдаются до тех пор, пока они выгодны.

В противном случае, почему после оценки результатов воздушной разведки 18 июня Сталин не собрал немедленно Политбюро, не вызвал руководителей военного ведомства и оборонных отраслей промышленности и не обсудил коллегиально этот важнейший вопрос с тем, чтобы принять исключительно ответственное для всей страны решение? Почему же Сталин этого не сделал, особенно если принять во внимание, что, согласно Арсену Мартиросяну [2], результаты воздушной разведки (как, впрочем, и другие разведыватель-

ные данные¹⁾ неоспоримо свидетельствовали о неминуемом и очень скором начале войны? А ведь он собрал Политбюро только тогда, когда война уже «громохала» по территории Советского Союза, многие советские города подверглись бомбовым ударам фашистской авиации, погибли тысячи советских людей, в том числе и мирных граждан. При этом, несмотря на такое масштабное вторжение, Сталин был уверен, что Гитлер об этом ничего не знает, и еще надеялся, что все как-то обойдется мирным путем, фактически запретив нашим войскам давать отпор врагу.

В представлении Сталина некоторые «резвые» немецкие генералы вопреки воле и указаниям своего фюрера могли на свой страх и риск организовать провокацию против СССР и для этого самостоятельно сосредоточить миллионы солдат, тысячи самолетов, танков и орудий, а также привлечь для обеспечения такой «провокации» десятки и даже сотни железнодорожных составов с боеприпасами, топливом и другими материальными средствами. Можно ли было найти в мире хоть одного идиота, который бы поверил в подобные «вольности»²⁾ со стороны немецких (а не нигерийских) генералов в условиях существовавшей в то время в Германии жесточайшей диктатуры и абсолютной власти Гитлера. Что за чушь и бред, что за школьная логика единоличного хозяина огромной страны, возомнившего себя безошибочным провидцем и безупречным руководителем!

Поражает воображение и позиция, которую занял ближайший соратник Сталина Вячеслав Молотов после того, как по-

¹ Среди историков практически нет расхождений по поводу того, что разведывательное сообщество Советского Союза свою задачу выполнило и довольно точно определило масштабы и сроки вторжения фашистской Германии.

² Речь идет даже не о «вольностях», а о возможностях самостоятельно привлечь для столь масштабной провокации колоссальные ресурсы.

сол Германии вручил ему официальную ноту об объявлении войны. Он не нашел ничего лучшего, как стал оправдываться и уверять посла в том, что Советский Союз ни разу не нарушил условий действующих между СССР и Германией соглашений. Каким же ничтожеством нужно быть, чтобы опуститься до такого! Вся эта кучка «деятелей» во главе с «вождем народов» поставила советский народ на колени перед немецким фашизмом и за это еще жалобно оправдывается перед Гитлером.

Создается впечатление, что в те годы Сталин возомнил себя творцом и повелителем всего, что существует на Земле, воплощением государства и центром вселенной. Его абсолютно не волновали исключительно такие важные для страны, народа и даже для государства факторы, как гибель более 27 миллионов советских людей, потеря половины национального богатства, нечеловеческие медицинские опыты фашистских «врачей» над русскими, украинцами и белорусами, чудовищные демографические перекосы, которые сложились в нашей стране в результате войны и, наконец, невероятные страдания всего советского народа. Но он был очень обеспокоен более абстрактными вещами, которые касались его лично: например, обязательствами перед нацистами, которые помогли ему расширить границы советской империи. Поэтому поставки сырья в Германию из СССР осуществлялись непрерывно и неукоснительно в строгом соответствии с достигнутыми договоренностями вплоть до начала войны — просто невероятный случай в истории человечества.

Сталина очень волновала собственная репутация дальновидного и безошибочного политика, твердого руководителя, провидца и вообще знатока всего и вся. Что значило для него согласиться с доводами военных и приступить к немедленному полномасштабному развертыванию войск и выполне-

нию планов прикрытия государственной границы? Все это значило проявить слабость и признать собственные ошибки и близорукость, особенно в сделанных им стратегических оценках возможностей Германии и амбиций Гитлера, перспектив развития военно-политической ситуации в Европе и в мире. Наконец, это означало продемонстрировать всем, что Тимошенко и Жуков лучше «вождя народов» знают и понимают военно-политическую обстановку, глубже него разбираются в стратегических вопросах. При этом нельзя забывать, что, согласно Е.А. Щаденко, Сталин был единственным человеком в нашей стране, который мог, имел право и занимался вопросами стратегии, и он в это сам верил. Ради всех этих мнимых и никчемных ценностей Сталин принес в жертву более 27 миллионов жизней только в нашей стране. Вот такую замечательную услугу лидер мирового коммунистического движения оказал международному империализму, руководствуясь только своей прихотью.

Невозможно говорить без эмоций о высших партийных и государственных руководителях Советской страны той эпохи, об их беспечности и бездеятельности в тот исключительно опасный для страны период. Трудно понять членов Политбюро, которые преспокойно пошли по домам спать в то время, когда война уже стояла на пороге страны, понимая, что через несколько часов на территорию их родины ворвутся орды захватчиков. Разве им было неизвестно, что на границе с СССР Гитлер сосредоточил группировку войск, по разным оценкам, от четырех до четырех с половиной миллионов человек, такую группировку, которую по численности и мощи не знала история человечества? Неужели они думали, что эта сверхмощная армия собралась на границе с Советским Союзом, чтобы им белыми флажками помахать?

Приведенное в эпиграфе крылатое выражение Клаузевица нельзя воспринимать буквально: скажем, бросить советские

соединения через границу на группировки немецких войск. Для успешного наступления необходимо соблюсти целый ряд значимых условий: определить направления главных ударов, сформировать ударные группировки и создать многократный перевес сил на участках прорыва, организовать тесное взаимодействие между родами войск, частями и соединениями. Вряд ли все это было возможно для того уровня управления войсками в советских вооруженных силах с военными начальниками того времени. Однако преднамеренный переход к обороне в ряде случаев дает еще больший эффект, чем наступление. В данном случае речь идет о создании на выявленных направлениях главных ударов немцев глубоко эшелонированной обороны, предусматривающей в первую очередь борьбу с танковыми ударными группировками, как это и предполагает действовавший в то время полевой устав ПУ-39.

Кроме того, ситуация в ночь с 21 на 22 июня была исключительно благоприятной для нанесения массированных артиллерийских и авиационных ударов по скоплениям немецких войск и техники в приграничной полосе. Для того чтобы средствами воздушной разведки выявить их дислокацию и подготовить исходные данные для артиллерии и ВВС, ЗапОВО даже не требовалось пересекать линию фронта. И вот эту уникальную возможность Сталин, Тимошенко и Жуков упустили.

НИ ДВА, НИ ПОЛТОРА

Мы про взрывы, про пожары
Сочиняли ноту ТАСС,
Но примчались санитары
И зафиксировали нас.

В. Высоцкий

Настала пора понять, что требовал в тот период от советских войск их Верховный главнокомандующий, что он делал и что ждали войска от своего Верховного главнокомандующего.

Во-первых, в условиях непосредственной подготовки Германии к войне с СССР, что было ясно всем, кроме Сталина, войска ждали от своего Верховного главнокомандующего решительных и целенаправленных мер по отражению предстоящей агрессии. Конечно, сюда следует отнести оперативную разведку противника, в том числе и воздушную, которую в ту грозную пору необходимо было проводить не раз в два года, а два раза в день. Причем решение на проведение подобных мероприятий должно быть в компетенции не выше командующего военным округом, а лучше по распоряжению командующего армией. Организация постоянной воздушной разведки позволила бы выявить опасную динамику в происходящих в приграничной зоне событиях, уточнить состав ударных группировок противника и их дислокацию, а также определить вероятные направления (главных) ударов и даже точное время вторжения.

Все эти рассуждения — не благие пожелания постороннего, а совершенно конкретные и исключительно обязательные к исполнению требования боевых уставов того времени. В частности, в Полевом уставе РККА¹ (ПУ-39), который появился на свет в 1939 году и определял боевые действия уровня полк — дивизия — корпус, все эти мероприятия в статье 385 формализованы следующим образом [40]:

«385. Разведка в обороне должна определить силу, состав основной группировки и направление главного удара противника. Еще на подходе воздушная и наземная разведка должна обнаружить колонны противника и, неотступно следя за ними, установить район сосредоточения и развертывания их.

В период сосредоточения противника главное внимание всех видов разведки должно быть уделено обнаружению группировки артиллерии и танков.

В дальнейшем разведка уточняет район огневых позиций артиллерии, выжидательные позиции танков, позиции химических частей (минометных), основную группировку пехоты, а также расположение или подход мотомеханизированных и конных частей».

Конечно, здесь встает закономерный вопрос: а каким это образом командир корпуса или дивизии (о командире полка речь вообще не идет) мог организовать воздушную разведку, если ни у того ни у другого в распоряжении не было ни одной авиационной части? Не будем строго судить разработчиков этого важнейшего для сухопутных сил боевого документа: видимо, они исходили из того, что этот устав станет настольной книгой командующего военным округом и его заместителей. Именно они, зная ситуацию в зоне от-

¹ РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия, основная составляющая вооруженных сил СССР.

ветственности военного округа, должны были организовать воздушную разведку, в том числе и в интересах конкретных тактических соединений.

В той войне нельзя было достичь стратегической внезапности, так как невозможно было скрыть сосредоточение колоссальных группировок войск численностью несколько миллионов человек, а также каким-то образом спрятать невероятно огромное количество вооружения, боевой и иной техники: десятки тысяч единиц танков, самолетов и орудий, сотни тысяч транспортных единиц. Совершенно очевидно, что об этом очень хорошо знали в Кремле и с не меньшим рвением, чем Гитлер, готовились к войне. Это подтверждается хотя бы объемами выпуска вооружения и боевой техники в Советском Союзе, а также «бурной» деятельностью по созданию в советских вооруженных силах 29 механизированных корпусов (вместо имевшихся до 1939 года четырех) со штатной численностью чуть более одной тысячи танков в каждом¹.

Однако именно в тех условиях, когда в приграничной зоне были сосредоточены крупные группировки советских войск, тем более было важно не дать противнику преимущество тактической внезапности, то есть нанести первые удары внезапно, уничтожить приграничные группировки, выйти на оперативный простор и благодаря этому захватить стратеги-

¹ В 1940 году механизированный корпус организационно состоял из двух танковых дивизий, одной моторизованной дивизии, мотоциклетного полка, а также частей и подразделений обеспечения. Штатное расписание механизированного корпуса предусматривало 36 080 человек личного состава, 1031 танк, 268 броневедомостей, 100 полевых орудий, 36 противотанковых и 36 зенитных орудий, 186 минометов. То есть каждое такое соединение в два с лишним раза превосходило по своей мощи самую сильную танковую группу Гудериана — а всего у Гитлера было только четыре, а не 29 танковых групп.

ческую инициативу. Читатель не должен забывать, что, по оценкам самих же немцев, Германия не располагала ресурсами к длительной войне на истощение и не готовилась к такой войне. Весь расчет делался на быстрый разгром основных советских сил уже на самом раннем этапе войны. Достижение тактической внезапности позволило Гитлеру фактически уничтожить всю западную группировку советских войск и поставило нашу страну на грань катастрофы. Трудно поверить, что все эти очевидные планы были непонятны высшим военным начальникам в Советском Союзе и что они не изучали опыт войны в Западной Европе. И действительно, открываем Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 года, внимательно читаем заключительную речь народного комиссара обороны Союза ССР Героя и Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко и находим в ней следующие выводы [61]:

«Прежде всего, важно отметить, что массированное применение таких средств, как танки и пикирующие бомбардировщики, в сочетании с моторизованными и мотоциклетными войсками, во взаимодействии с парашютными и посадочными десантами и массовой авиацией, — обеспечило, помимо прочих причин, высокий темп и силу современного оперативного наступления.

Наступательные операции во время войны 1914—1918 гг. захлебывались только потому, что темпы наступления и темпы подхода оперативных резервов обороны были одинаковы. Обороняющийся при прорыве всегда успевал организовать новое сопротивление в глубине.

Немецкие танковые дивизии в 1939—1940 гг. упредили подтягивание этих резервов. И в том, что они первыми бросались вперед, сами создавали проходы в оборонительных полосах противника и сами развивали прорыв, есть свой определенный смысл.

Не случайно немцы применили новое построение для прорыва с танковыми дивизиями впереди. Их к этому принудила безнадежность попыток прорыва в войну 1914—1918 гг. Они правильно учли, что сила и успех современного наступления — в высоком темпе и непрерывности наступления».

Нет никаких сомнений в том, что нарком обороны, к тому же маршал и Герой Советского Союза, правильно понял суть современной (того времени) механизированной (танковой) войны, и главное, он уяснил для себя, что немцы эту суть не только хорошо знают, но и блестяще применяют на практике. Обращает на себя внимание глубина анализа действий немецких войск, особенно в смысле соотношения темпов наступления у нападающей стороны и темпов подхода резервов у обороняющейся стороны — нарушение этого баланса в пользу наступающей стороны является залогом успеха в «молниеносной войне». И это понимание Тимошенко, как главный военный начальник (если не считать будущего генералиссимуса), довел до всего руководящего состава РККА. Можно почитать и остальные великолепные доклады, написанные в том же духе, которые были сделаны на этом совещании и которые на деле оказались пустой болтовней, не имеющей абсолютно ничего общего с планами и тем более с практическими мероприятиями по подготовке страны к отражению предстоящей агрессии.

Если руководящий состав РККА прекрасно понимал, каким образом будет протекать будущая война, то почему не было предпринято абсолютно никаких мер, чтобы не допустить *«высокого темпа и силу современного оперативного наступления»* немецких войск 22 июня 1941 года? И это вовсе не наглая клевета в адрес Тимошенко, Жукова и, конечно, Сталина. Достаточно взглянуть на планы стратегического развертывания того времени, и мы, к ужасу, обнаруживаем в них некий «начальный период войны» продолжительно-

стью 15—20 дней, после чего в войну якобы должны вступить основные силы советских вооруженных сил.

С какой же целью было проведено упомянутое совещание руководящего состава РККА — чтобы пообщаться, поболтать, продемонстрировать блестящие теоретические знания оперативного искусства, сделать доклады, выпить бокал шампанского и напоследок выбросить все эти доклады и выступления в чулан? О каком «начальном периоде войны продолжительностью 15—20 дней» можно говорить, если все основные оперативные задачи немцы в Польше решили менее, чем за 15 дней? Достаточно вспомнить — а Тимошенко должен был это помнить лучше нас, — что Советский Союз приступил к оккупации суверенной Польши 17 сентября (1939 года), то есть на 17-й день войны, когда разгром польских вооруженных сил был уже делом решенным. В этой связи уместно напомнить читателям, что Минск, который находился на удалении 325 километров от границы, был захвачен немцами 28 июня (1941 года), то есть на 7-й день войны. Таким образом, история нам убедительно демонстрирует, что оккупация всей территории Белоруссии в течение первых двух недель войны была буквально запланирована советскими стратегами.

К решительным мерам необходимо отнести и жесткое пресечение любых попыток нарушения воздушного пространства СССР и несанкционированного пересечения государственной границы разведывательно-диверсионными группами. Подобная бескомпромиссная позиция наряду с прочим служит отличным средством демонстрации силы, пусть даже на уровне блефа, и заставляет задуматься потенциального агрессора о целесообразности планируемого вторжения.

Войска ждали от «вождя народов» и эффективных мер по подготовке к войне театра военных действий, например, минирования мостов, через которые 22 июня немецкие

войска беспрепятственно ворвались на территорию СССР, постановку в приграничной полосе на выявленных предвзительно направлениях продвижения немецких механизированных соединений противотанковых и противопехотных заграждений, оборудование и освоение долговременных защищенных огневых точек, развертывание значительных сил и средств ПВО для отражения массированных ударов противника с воздуха.

Народы великой страны искренне верили, что их Верховный главнокомандующий, вождь и «большой ученый» был хорошо осведомлен о тактике применения немцами войск в ходе разгрома Польши и Франции, понимал, какую роль в современной войне играют танки, и делал из этого правильные выводы, готовясь к войне с Германией. То есть вся страна была уверена, что опыт побед нацистов в Европе Сталин учитывал в ходе военного строительства, организации оперативной подготовки и боевой выучки советских войск. И действительно народы советской страны не обманулись в своих ожиданиях, о чем свидетельствует уже упомянутый Полевой устав РККА, или ПУ-39. Если его внимательно изучить, то легко видеть, что борьбе с танками и механизированными соединениями в нем уделено наибольшее внимание. Так, из 34 статей в разделе «Оборона» 17, то есть 50 % от общего количества статей в этом разделе, в той или иной мере посвящены противотанковой проблематике. Глубину понимания советскими военными начальниками роли и значения противотанковой обороны наглядно демонстрирует, например, статья 381 ПУ-39 [40]:

«381. Особое внимание должно быть уделено созданию системы противотанковых препятствий как перед передним краем, так и по всей глубине.

На участках, лишенных естественных препятствий, должны быть созданы искусственные противотанковые препят-

ствия — минные поля, надолбы, полосы малозаметных препятствий (МЗП), рвы и т.д.

Необходимо стремиться создавать “противотанковые мешки” из противотанковых районов и рубежей, для того, чтобы танки противника, прорвавшись в промежуток между двумя противотанковыми районами, встречались огнем с третьего и уничтожались в “мешке”.

Создавая систему противотанковых препятствий, необходимо учитывать, что противотанковые препятствия могут сыграть свою роль лишь в том случае, если находятся под действительным огнем артиллерии, ведущей огонь прямой наводкой».

Изложенные положения по оборудованию местности в противотанковом отношении органически дополняются статьями Полевого устава РККА 390-й и 391-й, посвященных действиям артиллерии и танков, соответственно [40]:

«390. ...

Противотанковая артиллерия является основным средством борьбы с танками как перед передним краем, так и в глубине оборонительной полосы. Ее группировка определяется степенью танкодоступности отдельных участков оборонительной полосы.

В распоряжении командира дивизии полезно иметь подвижный резерв противотанковых орудий (и противотанковых мин) для использования их на направлении главной танковой атаки противника.

391. ...

Танки должны входить в систему противотанковой обороны как одно из решающих активных средств. Основными задачами танков в обороне являются:

а) разгром противника, ворвавшегося в оборонительную полосу, и в первую очередь его танков».

Приведенные великолепные формулировки, идеально вписывающиеся в теорию и практику танковой войны (того времени), вызывают не только уважение, но и восхищение и даже умиление глубиной проработки противотанковой проблематики в Советском Союзе. Однако, уважаемый читатель, вы что-нибудь слышали, чтобы в июне (или даже в июле) 1941 года ударные танковые и механизированные соединения фашистов натолкнулись на *«(непреодолимые) искусственные противотанковые препятствия, минные поля, надолбы, МЗП, рвы и т.д.»*, как это требует ПУ-39? Хочется спросить, на каких направлениях и в каких дивизиях были применены *«подвижные резервы противотанковых орудий (и противотанковых мин) для использования на направлениях главной танковой атаки противника»*, а также понять, в каком именно месте советские танки разгромили ворвавшегося в нашу оборонительную полосу противника, в частности его танки.

Может быть, все это было на самом деле благодаря безупречному политическому чутью, стратегическому предвидению и неутомимым усилиям «мудрого» Сталина: и оборонительные полосы, и подвижные артиллерийские резервы, и танки, как решающее средство противотанковой обороны, а наши выдающиеся военные начальники, как это неизменно утверждают советские историки, по каким-то причинам забыли об этом написать в своих мемуарах? Речь даже не идет о «противотанковых мешках»: с ними, судя по всему, произошло то же самое, что и с «глубокой наступательной операцией» товарища Жукова. Оценивая ситуацию в июне 1941 года, приходится признать, что не зря утверждают философы, будто бы все в мире развивается по спирали. Так и хочется произнести знаменитую фразу графа Льва Николаевича Толстого: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по

ним ходить»¹, — как одну из характеристик войны столетней давности, но которая во многом повторилась и в 1941 году.

При подготовке к предстоящей войне следовало по большому счету провести переброску войск на угрожаемые направления², которые, как уже отмечалось, выше должны были определить соответствующие руководители на основании данных разведки, в том числе и регулярной воздушной. Одним из важнейших составляющих такой переброски, отвечающей духу предстоящей войны, должно было стать сосредоточение истребительно-противотанковых частей и подразделений на танкоопасных направлениях, которые обычно не проходят по лесам и болотам. То есть эти направления должны были определить уже названные «выдающиеся» военные начальники, а также командующие военными округами, исходя из разведывательных данных, анализа театра войны и характера предстоящих боевых действий. Читатель может еще раз взглянуть на карты, представленные на картах 2 и 3, чтобы самому убедиться в двух очевидных фактах. Во-первых, советские войска в больших количествах находились там, где они не особенно были нужны с точки зрения отражения немецкой агрессии, а во-вторых, их оперативное построение даже не предполагало организованную эшелонированную оборону.

¹ Как известно, Л.Н. Толстой принимал участие в боевых действиях на Кавказе и при обороне Севастополя и показал себя хорошим офицером. Он имел большие шансы сделать неплохую военную карьеру, однако, видя бездарность штабных генералов, на свою беду сочинил саркастическое стихотворение с упомянутыми словами, которое быстро распространилось в солдатской среде. Эта «выходка» и поставила крест на его военной карьере.

² Отнюдь не у самой границы, а на таком удалении от нее, которое бы обеспечивало эффективный маневр силами и средствами и своевременную переброску резервов.

Действительно, ошибка с выбором направлений главных ударов немцев и недостатки в оперативном построении советских войск отмечаются во многих исторических материалах, что не может не вызвать крайнего удивления, так как эта проблема является краеугольной в оперативном искусстве. Вот что о значении правильного выбора направлений главных ударов пишет майор (не полковник, не генерал и тем более не генералиссимус) В.М. Кравцов в 1942 году при анализе результатов Торопецкой операции¹ [31]:

«Высокий темп операции при прорыве на главном направлении был достигнут благодаря правильному выбору направления главного удара. Наличие дорог на этом направлении обеспечило возможность применения здесь большого количества артиллерии и танков, что, в свою очередь, содействовало быстрому разгрому противника».

Начало войны убедительно продемонстрировало, что отмеченные майором Кравцовым прописные истины относительно выбора и значения направлений главного удара очень хорошо усвоили и немецкие генералы, а также фельдмаршалы. Что же помешало советским маршалам, а тем более будущему генералиссимусу изучить самое простое пособие по этой проблеме, а также более внимательно проанализировать состав группировок немецких войск на западной границе, чтобы не ошибиться с определением направлений главных ударов немцев?

По мере нарастания угрозы войны войска ждали правильной оценки момента ее развязывания, а также конкретной,

¹ Операцию провела 4-я ударная армия. Командующий армией генерал-полковника А.И. Еременко лично руководил штурмом города Торопец, был тяжело ранен, но, несмотря на это, 23 суток командовал вверенными ему войсками с носилок до самого конца операции. Автором этой исключительно удачной операции считается Б.М. Шапошников, который после смещения Жукова с июля 1941 года в очередной раз занял пост начальника Генерального штаба.

однозначной и своевременной команды встретить противника с оружием в руках, чтобы хотя бы не дать немецким войскам продвинуться в глубь территории Советского Союза.

Говоря строгим военным языком, страна ждала от своего руководителя государства таких мер, которые бы создавали наиболее благоприятные условия своим войскам для вступления в войну и максимально неблагоприятные условия войскам противника. Еще неизвестно, рискнул бы Гитлер на войну с СССР, если бы он увидел твердую и жесткую позицию советского руководства.

Что же было предписано делать войскам? Во-первых, под страхом расстрела было категорически запрещено пресекать попытки немцев по нарушению государственной границы. Так, всех летчиков, а также самолеты вместе с разведывательной аппаратурой и зафиксированными данными воздушной разведки в случае посадки самолетов на территории СССР немедленно возвращали немецкой стороне. Не пострадал ни один немецкий диверсант, пересекший границу и задержанный советскими пограничниками, хотя уставы и наставления требовали от пограничных войск открывать огонь по нарушителям. На недоуменные вопросы наркома обороны по поводу наглых нарушений фашистами советской границы Сталин отвечал, что Гитлер просил не обращать внимания на подобные инциденты, так как по неопытности летчики нарушают советское воздушное пространство непреднамеренно (заходя в него на глубину до 300 километров).

Вызывает крайнее удивление, что ни один нарушитель не предстал перед судом, как это случилось с летчиком Фрэнсисом Гэри Пауэрсом, самолет которого сбили советские зенитчики 01.05.1960. Такая твердая позиция Никиты Сергеевича Хрущева, в отличие от слюнтяйской Сталина, вызывает исключительное уважение, несмотря на многие сделанные Хрущевым ошибки экономического характера.

Вряд ли в мировой истории можно найти хоть одного руководителя государства, который так как Сталин целенаправленно бы содействовал вероятному противнику в его действиях по подготовке к предстоящей агрессии против своей же страны.

Если верить Арсену Мартиросяну, который приводит воспоминания какого-то летчика Архипенко¹, то «за день до начала войны в войска пришла шифровка, разрешающая сбивать» самолеты-нарушители [3]. Можно только восхищаться «прозорливости» и «своевременности» принимаемых Верховным главнокомандованием страны решений: фашисты месяцами беспрепятственно изучали нашу оборону, а когда эта работа была уже завершена², «вождь народов» разрешил сбивать самолеты-нарушители. Хотелось бы еще раз обратить внимание читателя на «манеру» управления войсками: вместо ясного и понятного любому военному приказа войскам «разрешалось» применять оружие по нарушителям. Это означало, что можно было их и не сбивать, позволяя нарушителям заходить в воздушное пространство СССР, что собственно и произошло утром 22 июня.

¹ Возможно, речь идет о Герое Советского Союза Федоре Федоровиче Архипенко, который встретил войну в Киевском (а не Западном) Особом военном округе. В своей книге «Записки летчика-истребителя» Федор Архипенко дает довольно впечатляющую картину уничтожения немцами советской авиации на своем аэродроме в первый день войны: «Противодействовать ударам бомбардировщиков мы не могли: летный состав находился в Ковеле у своих близких, а зенитной артиллерии возле аэродрома не было» [25].

² В сентябре 1940 года Гитлер отдал распоряжение о проведении систематической воздушной разведки приграничной территории Советского Союза на глубину до 300 километров. К началу войны немецкие самолеты выполнили примерно 600 (шестьсот, а не шесть или шестьдесят) разведывательных полетов над территорией СССР, не потеряв не только ни одного самолета, но и ни одного фотоснимка.

Какие могут быть претензии к командующему ЗапОВО, к командующему ВВС ЗапОВО, к командирам и летчикам? Разве они получили приказ, а не разрешение сбивать нарушителей? Можно ли найти Верховного главнокомандующего в самой захудалой «банановой» республике, который бы дошел до такого маразма и слабоумия, чтобы вместо приказов направлять в войска двусмысленные разрешения.

Одно из наиболее «замечательных» деяний сталинского режима в предвоенный период, которое нанесло серьезный ущерб боеготовности советских войск и о котором предпочитают помалкивать хвалители мракобесия, состоит в том, что руководители страны буквально закапывали деньги в землю и выбрасывали их (деньги) в воду. По первому пункту речь идет о строительстве укрепленных районов на новой (западной) границе. Эта грандиозная стройка советской «китайской стены» стала ярчайшим показателем скудости военной мысли (или предельного конформизма) у советских высших руководителей, отсутствия у них стратегического кругозора и способности адекватно оценивать объективную и совершенно доступную, то есть открытую информацию. Война в Европе убедительно показала, что стационарные оборонительные сооружения перестали играть значимую роль в современных условиях (условиях того времени). Нельзя отрицать определенную роль укрепленных районов в повышении боевой готовности войск, если их создание базируется на научно обоснованных принципах, в противном случае это лишь бессмысленная трата ресурсов. В частности, Манштейн при планировании строительства пограничных укреплений в Западно-Рейнской области¹ еще в 1936 году

¹ Планирование этих работ началось еще до восстановления суверенитета Германии над демилитаризованной областью, то есть ввода туда войск в одностороннем порядке в нарушение Версальских соглашений.

усомнился в целесообразности этой работы, по крайней мере в том, что эти сооружения должны быть ресурсоемкими и многочисленными. Вот что он по этому поводу отмечал в своем дневнике [37]:

«...укрепления имеют смысл лишь в том случае, когда они защищают от огня всех калибров. Сам по себе этот принцип совершенно верен. Но в большинстве случаев его реализация приводит к возведению огромных бункеров из бетона и железа, военная ценность которых слабо соотносится с материальными затратами на их строительство. Кроме того, опыт учит нас, что даже самая сильная оборона в итоге преодолевается улучшением средств нападения».

Это обоснованное предсказание сбылось через четыре года, и быстрый разгром Франции в 1940 году продемонстрировал практическую бесполезность линии «Мажино», за которой французы рассчитывали «отсидеться» неограниченное время. Такая судьба этой, считавшейся неприступной, оборонительной системы сооружений позволяла сделать логический вывод, что имеющиеся у советской власти ограниченные ресурсы предпочтительно направить на решение более значимых в современной войне проблем, например, на создание эффективной системы ПВО, совершенствование учебного процесса в военных учебных заведениях и на укрепление их материально-технической базы. Безусловно, эти ресурсы в нашей стране были крайне нужны для боевой выучки войск и оперативной подготовки штабов, а также для освоения новой боевой техники в условиях масштабного перевооружения войск.

Чтобы понять, какое бедственное положение в этих ключевых для полномасштабной войны областях сложилось в советских вооруженных силах к маю 1940 года, то есть за год до начала войны, и как необходимы были дополнительные ресурсы для модернизации образовательного процесса в во-

енных учебных заведениях, достаточно прочесть несколько строк из акта передачи Наркомата обороны от Ворошилова Тимошенко в 1940 году [45]:

«СОСТОЯНИЕ КАДРОВ. Некомплект начсостава в армии составляет 21 % к штатной численности.

Установлено, что ежегодные выпуски из военных училищ за последнее десятилетие едва покрывали естественную убыль, не создавая резервов для обеспечения роста армии и образования запасов¹.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно, вследствие недоброкачества программ, неорганизованности занятий, недостаточности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки.

Недостатком программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях является: проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным»².

¹ Нужно понимать, что передача дел происходила после завершения советской агрессии против Финляндии, когда стало совершенно ясно, какое значение в современной войне имеет качество личного состава вооруженных сил, и в первую очередь командного. Поэтому оставить без внимания довольно высокий для мирного времени некомплект начальников и командиров в армии Тимошенко никак не мог, особенно в преддверии войны с таким сильным противником, как фашистская Германия. Обратите внимание, как Тимошенко дипломатично определяет причину сложившегося положения дел. Из акта следует, что в течение десяти лет подряд (а не двух-трех) выпуск из военных учебных заведений не покрывал потребности армии, и этого никто не замечал за эти же десять лет, пока не пришла смена наркомов обороны.

² Для полной ясности следует отметить, что полевые занятия требуют значительно больших ресурсов, чем какие-либо другие, особенно обычные в классах по школьному образцу. То есть для их проведения требуются полигоны с необходимым оснащением, современная

Бедственное состояние образовательного процесса в советских военных учебных заведениях и его несоответствие требованиям современной войны (того времени), в первую очередь из-за нехватки средств, буквально через год заметил даже Верховный главнокомандующий, о чем он и объявил в своей речи перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года [60]:

«Наши военные школы еще отстают от армии. Обучаются ониещенастаройтехнике. Вотмнеговорили, в Артиллерийской академии обучают на трехдюймовой пушке¹.

боевая техника, горюче-смазочные материалы, оружие, боеприпасы и различное снаряжение. То же самое касается и военно-инженерных дисциплин: даже не приходится сравнивать ресурсоемкость занятий по марксистско-ленинской философии и замене авиационного двигателя.

¹ Эта речь убедительно демонстрирует дилетантство вождя и его смутное представление о состоянии дел с техническим оснащением советских вооруженных сил. Как известно, войска были «поголовно» вооружены трехлинейной (калибра 7,62 мм) винтовкой Мосина образца 1891 года, которую советской власти «подарил» царский режим, которая прослужила Красной армии до конца Второй мировой войны и которой так не хватало в начале Великой Отечественной войны. Именно с этой винтовкой советские бойцы воевали с финнами, которые в основном уже были вооружены автоматическим стрелковым оружием. Что касается русской трехдюймовой пушки образца 1902 года, то она признана лучшим орудием Первой мировой войны. Прошла несколько модернизаций, в том числе и в 1930 году, и выпускалась до 1937 года, когда на вооружение РККА была принята дивизионная пушка Ф-22 калибра 76,2 мм (то есть тоже трехдюймовая). Русская трехдюймовая пушка образца 1902/30 гг. оказалась весьма эффективным средством в борьбе с легкими немецкими танками Pz.I, Pz.II, Pz.35 и Pz.38, которые составляли основу немецких танковых войск в 1941 году. Из-за отсутствия в боекомплекте бронебойного снаряда в качестве такового применялась шрапнель — снаряд пробивал броню танка, после чего взрывался, не оставляя никаких шансов экипажу танка.

Так, товарищи артиллеристы? (Обращается к артиллеристам.)

Военная школа отстала от армии. Военно-воздушная академия обучает еще на старых машинах И-14, И-16, И-153, СБ. Обучать на старой технике нельзя. Обучать на старой технике — это значит выпускать отстающих людей. Этому отставанию способствуют также программы. Ведь чтоб обучать новому и по-новому, надо изменить программу, но для этого надо много работать. Куда легче учить по старым программам, меньше забот и хлопот. Наши военные школы должны и могут перестроить свое обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны. Наши военные школы отстают, это отставание закономерно¹. Его нужно ликвидировать».

Сейчас трудно определить, когда именно Сталин сделал для себя такое феноменальное открытие по поводу низкого уровня подготовки в советских военных учебных заведениях, но он об этом открытии почему-то решил рассказать выпускникам академий за 47 дней до начала войны. Это совершенно бессмысленная болтовня, которая никакого отношения к выпускникам военных академий не имеет, тем более, что в речи Сталина нет даже намека на меры по ликвидации упомянутого отставания, как будто бы он для советских вооруженных сил был посторонним наблюдателем, а не Верховным главнокомандующим. Вместо этих пустых рассуждений об образовательном процессе молодых командиров, начальников и инженеров в условиях надвигающейся

¹ Трудно комментировать такое странное признание «вождя». Безусловно, если не финансировать образовательный процесс, не обеспечивать его кадрами, оборудованием и другими средствами, не уделять ему должного внимания, то отставание станет закономерным. Но тогда главными виновниками этого отставания «военных школ» становятся Тимошенко и Сталин.

на страну смертельной опасности необходимо было нацелить на всестороннюю подготовку к отражению предстоящей агрессии, подготовку с полной отдачей всех духовных и физических сил — однако Сталин даже этого не сделал. Обсуждать же материально-техническую базу советских военных учебных заведений и переработку существующих учебных планов, а также выделение на это необходимых ресурсов Верховному главнокомандующему следовало совсем с другими людьми и совершенно в другом месте, не говоря уже о том, что начинать работу по модернизации учебного процесса надо было хотя бы за несколько лет, а не за 47 дней до начала войны.

Создается впечатление, как будто все эти значимые события с колоссальными и необоснованными затратами на оборонительные линии происходили не в Европе, а где-нибудь на Марсе, и информация о них была недоступна проводникам марксистско-ленинской идеологии, а также «выдающимся» военным начальникам и теоретикам, как о них отзываются многие историки. Общесистемные проблемы со стационарными оборонительными сооружениями в нашей стране усугублялись к тому же еще и русской спецификой, вытекавшей из слепого выполнения приказов высокопоставленных, но некомпетентных руководителей. Начать нужно с того, что по «непонятым причинам» главная полоса обороны создавалась практически по линии государственной границы. Глубокое предполье, за которое ратовали многие военные (настоящие) ученые и руководители, в том числе и советские, на значительных участках не было заблаговременно создано и занято войсками. В результате этого с началом войны немецкая артиллерия имела возможность поражать главную полосу обороны советских войск на всю ее глубину, а у советских войск, находившихся в глубине, не было времени для выдвижения и занятия своих полос обороны.

Собственно строительство укрепленных районов было бы еще полбеды, но Сталин пошел значительно дальше: он не закончил строительство и оборудование новых укрепленных районов (или УРов), но тем не менее разоружил оборонительные сооружения на старой границе (которая была до оккупации Польши). Как признается Жуков в своих «Воспоминаниях и размышлениях»: [7]

«В феврале—марте 1941 года на Главном военном совете Красной армии дважды обсуждалось, как быстрее закончить строительство новых УРов и их вооружение. Ввиду разногласий, возникших на Главном военном совете, вопрос (по УРам) был доложен И.В. Сталину. Согласившись с мнением Г.И. Кулика, Б.М. Шапошникова, А.А. Жданова, он приказал снять часть артиллерийского вооружения с второстепенных участков и перебросить его на западное и юго-западное направления, временно приспособив эту конструктивно устаревшую артиллерию для новых сооружений.

Но тут случился казус: разоружить-то до начала войны часть УРов успели, а вот поставить это вооружение на новых УРах уже не хватило времени».

Говоря строгим юридическим языком того времени, наличие саботажа со стороны главы Советского государства в особо крупных размерах, направленный на подрыв боевой готовности вооруженных сил СССР на огромном пространстве вдоль западных границ страны, за который по тем временам был положен расстрел. Причем значительный ущерб был нанесен как в военной, так и в экономической сферах.

Чтобы понять масштабы экономического ущерба на создание оборонительной линии, которая оказалась абсолютно бесполезной для боевой готовности советских войск в июне 1941 года (фактически деньги действительно были бездарно зарыты в землю), достаточно привести следующие факты [39]. Для организации и руководства работами по строи-

тельству укрепленных районов на новой границе, а именно вдоль «линии разграничения германской и советской сфер интересов в Восточной Европе», было создано несколько управлений начальника строительства и 138 строительных участков. В целях обеспечения рабочей силой было сформировано 84 строительных батальона, 25 отдельных строительных рот, 17 автомобильных батальонов. Кроме того, на строительство привлекались 160 инженерных и саперных батальонов приграничных военных округов и 41 батальон из внутренних округов, то есть всего 201 батальон. Наконец, вместе с этими инженерными частями с весны 1941 года в строительстве участвовало 17 820 вольнонаемных рабочих.

Таким образом, Сталин якобы в угоду боевой готовности не только расходовал огромные финансовые и материальные ресурсы, но и на протяжении длительного времени отвлекал от боевой подготовки личный состав вооруженных сил, особенно инженерные части и подразделения. По разным оценкам, от 200 до 300 тысяч военнослужащих постоянно трудились на сооружении укрепленных районов, даже ни разу не потренировавшись в стрельбе из вверенного им оружия, не говоря уже о каких-то там специальных и тем более тактических занятиях. Здесь уместно отметить, что инженерные части и подразделения считаются высокотехнологичными войсками, что, кстати говоря, подтверждается следующим фрагментом из уже упомянутого ПУ-39 [40]:

«382. При оборудовании оборонительной полосы в инженерном отношении командиры войсковых частей и подразделений организуют и руководят оборонительными работами и несут полную ответственность за маскировку и выполнение в срок работ по укреплению своего участка и района. Инженерные части, как правило, используются для выполнения сложных и ответственных работ полкового и дивизи-

онного значения и для руководства инженерными работами других родов войск».

К сложным работам, наряду с прочим, относятся устройство важнейших командных и наблюдательных пунктов, убежищ, противотанковых препятствий, установка прожекторов, обеспечение войск водой, постройка полевых дорог, необходимых для боевого и хозяйственного снабжения войск. Совершенно очевидно, что никто, кроме инженерных войск, эти работы выполнить не в состоянии. Сложность же этих работ определяется многими факторами, в том числе и таким сугубо военным, который сформулирован в том же ПУ-39:

«Все инженерные работы производятся в условиях тщательной маскировки как самого процесса работ, так и возводимых построек. Маскировка в целом проверяется контрольными снимками с земли и воздуха».

Для того чтобы инженерные войска были способны выполнять все возлагаемые на них сложные и ответственные работы, они, во-первых, комплектуются наиболее квалифицированными кадрами, с высоким уровнем умственного развития и хорошей физической подготовкой. Во-вторых, эффективность их деятельности определяется оснащением техникой, инструментом, оборудованием и расходными материалами. Наконец, в-третьих, для успешного решения поставленных перед инженерными частями задач они должны постоянно проводить тренировки, повышать свою квалификацию, отрабатывать взаимодействие с другими родами войск. Судя же по историческим материалам, многие инженерные части и подразделения вместо всего этого занимались совершенно бессмысленной и ненужной работой в качестве чернорабочих на строительстве укрепленных районов.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что отдельные советские руководители пришли к пониманию бесперспективности спорадического, слепого и бездумного под-

хода к расходованию таких колоссальных ресурсов на ненужные укрепленные районы. В частности, начальник Главного военно-инженерного управления генерал-майор инженерных войск Аркадий Федорович Хренов впервые (впервые в СССР, но не в Европе) обратил внимание на тот факт, что при планировании и создании укрепленных районов не учитывались два принципиальных фактора. Во-первых, каким силам противника должен противостоять укрепленный район, а во-вторых, кто, как и какими средствами должен вести бой в укрепленном районе. Исходя из этого понимания, он 12.10.1940 представил соответствующий доклад на имя начальника Генерального штаба, в котором, наряду с прочим, отмечал [39]:

«Изучение и обследование состояния укрепления наших границ показало, что система военно-инженерной подготовки ТВД (театра военных действий) недостаточно уяснена как по форме, так и по содержанию, что отсутствует единство взглядов по этому вопросу и в то же время наблюдается шаблонность приемов и форм укрепления границ... Главным же и основным недостатком укрепления наших границ является то, что вооруженная сила нашей страны, полевые войска, остается необеспеченной, а ТВД — неподготовленным для действий полевых войск».

Неизвестно, как отреагировал начальник Генерального штаба на эти исключительно весомые с военной и экономической точек зрения выводы самого авторитетного специалиста в СССР в военно-инженерной области и дошла ли эта информация до высших партийных руководителей страны, но работы по созданию укрепленных районов, на радость немцам, шли полным ходом до самого начала войны.

Наконец, убедить читателя в исключительной глупости принимаемых высшими советскими партийными руководителями решений, по крайней мере в отношении инженерно-

го оборудования ТВД, должно и мнение современного специалиста, взявшегося за перо писателя, чтобы донести всю правду о той войне, принесшей такие страдания и лишения всему нашему народу [42]¹:

«*От автора.* Предвидя возражения читателей, которые станут перечислять артиллерийско-пулеметные батальоны УРов, их численность и вооружение, сразу скажу — да, были УРы и в них имелись гарнизоны и вооружение, хотя и не полностью. Но эти УРы не представляли собой сплошной труднопреодолимой оборонительной линии, полевые войска не могли опираться на них. Немцы же просто обходили их, часто даже не блокируя. А гарнизоны УРов не имели вооружения, которое позволяло бы им сражаться вне своих ДОТов². Так что серьезной роли в боях они играть не могли».

Что касается выбрасывания денег в воду, то Сталин, непонятно по каким соображениям, распорядился выделить колоссальные ресурсы на развитие военно-морского флота, в частности на строительство нескольких линейных кораблей. Здесь даже непонятно, как комментировать такое «дальновидное» решение, если в то время воевать планировали с Германией, а не с США. Читатель наверняка догадается, что все эти стройки с началом войны свернули, но ведь израсходованные ресурсы уже не вернуть. Для понимания масштабов бессмысленно израсходованных ресурсов достаточно привести данные по строительству суперлинкоров типа «Советский Союз». С проектным водоизмещением в 65 150 тонн они даже по современным меркам поражают

¹ Автор этих оценок и выводов Юрий Веремеев — ветеран советских инженерных войск и, безусловно, разбирается в инженерных вопросах не понаслышке уже с высоты достижений современной инженерной мысли.

² ДОТ — долговременная оборонительная точка на основе железобетонного укрытия.

воображение: длина 269 метров, ширина 39 метров, осадка девять метров. Основное вооружение: девять пушек калибра 407 мм (три трехорудийные башни) и 12 пушек калибра 152 мм. Первоначально планировали построить 15 таких боевых кораблей, но с учетом реалий в 1938 году было заложено только четыре линкора:

- «Советский Союз»;
- «Советская Россия»;
- «Советская Украина»;
- «Советская Белоруссия».

При их строительстве советская промышленность столкнулась с колоссальными трудностями, которые были обусловлены в основном низким уровнем развития многих отраслей. В итоге к началу войны не построили ни одного корабля. Наибольшую готовность имели только два корабля: 21 % и 18 %. 10 июля 1941 года было принято официальное решение о прекращении строительства этих линкоров.

Еще одна специфическая тема, которую за версту обходят историки сталинского толка, заключается в масштабном советско-нацистском сотрудничестве в экономической сфере, которое внесло существенный вклад в дело укрепления боеготовности нацистской военной машины. Реальная выгода от такого сотрудничества для СССР, особенно с точки зрения боевой готовности, была крайне сомнительна — оно рассматривалось сталинской верхушкой как один из способов «оттягивания» начала войны с Германией, но привело к совершенно противоположному результату. Из имеющихся материалов следует, что это сотрудничество было поставлено таким образом, что оно фактически сводилось к существенной экономической помощи нацистскому режиму со стороны Советского Союза и таким образом к нейтрализации усилий Великобритании, Франции и США по экономической блокаде фашистской Германии.

Удивительно то, что нацистские руководители не только не скрывали этого факта, но в значительной степени этим даже бахвалились. Так, нацистский посланник Карл Шнурре в одном из своих выступлений на страницах журнала «Дер Дойче Фольксвирт» в июне 1940 года подчеркнул, что «если Германии удалось прорвать английскую блокаду, то это было в значительной степени результатом экономических связей с СССР». Выступая на открытии выставки в Кёнигсберге (ныне Калининград) в августе 1940 года, он с удовлетворением отметил, что «давно уже превзойден миллиардный торговый оборот с СССР». Кроме прямых поставок из СССР Германия использовала Советский Союз и для закупок необходимого ей сырья в третьих странах, в том числе и для транспортировки по советской территории грузов, приобретенных в других странах, например каучука и сои из Индии.

Таким образом, Сталин «накачивал» ресурсами военную экономику Германии в интересах ее развития и подготовки к войне с Советским же Союзом. За период с сентября 1939 года по 22 июня 1941 года германская военная машина получила от Советского Союза следующее основное сырье (не считая лесоматериалов, меди, платины и многого другого) [32]:

- нефтепродуктов — 1 млн тонн на 95 млн германских марок;

- зерна — 1,6 млн тонн на 250 млн марок;
- хлопка — 111 тыс. тонн на 100 млн марок;
- жмыха — 36 тыс. тонн на 6,4 млн марок;
- льна — 10 тыс. тонн на 14,7 млн марок;
- никеля — 1,8 тыс. тонн на 8,1 млн марок;
- марганцевой руды — 185 тыс. тонн на 7,6 млн марок;
- хромовой руды — 23 тыс. тонн на 2 млн марок;
- фосфатов — 214 тыс. тонн на 6 млн марок.

Чтобы оценить объем и значение этих поставок и понять, много это или мало, целесообразно остановиться на наи-

более впечатляющем и понятном каждому человеку товаре, а именно на зерне, которого так не хватало во время войны населению нашей страны, особенно жителям Ленинграда. Если обратиться к самому знающему специалисту по продовольственному снабжению блокадного Ленинграда Дмитрию Васильевичу Павлову, который с начала блокады и до конца января 1942 года работал уполномоченным Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения Ленинграда, то он приводит такие данные по отпуску хлеба для жителей города (в граммах в сутки) [33]:

Категория карточек	июль	02.09	12.09	01.10	13.11	20.11	25.12
Рабочая карточка	800	600	500	400	250	350	400
Служащего карточка	600	400	300	200	125	200	300
Иждивенческая карточка	400	300	250	200	125	200	250
Детская карточка	400	300	300	200	125	200	250

Рассматривать норму в 250 граммов в сутки просто нецелесообразно, так как такое потребление неизбежно ведет как минимум к дистрофии, а в большинстве случаев — к смерти от голода. За основу расчета можно взять норму от 2 сентября, которая, хотя и не обильная, но в целом приемлема, то есть 600 граммов хлеба в сутки для рабочих, 400 — служащим, 300 — детям и иждивенцам. Как утверждает Д.В. Павлов, а не верить ему нет никаких оснований [33]:

«Расход муки даже после сокращения хлебного пайка (то есть 2 сентября 1941 года) оставался высоким — более 2 тысяч тонн в сутки».

При указанном расходе муки 1,6 миллиона тонн зерна (которое Сталин отдал Гитлеру для снабжения вермахта) хватило бы жителям блокадного Ленинграда на 800 суток, то есть на два с лишним года, практически на весь период блокады. Можно смело утверждать, что при таком, пусть

и скромном, обеспечении хлебом удалось бы избежать катастрофической смертности от голода в Ленинграде, которая даже по официальным данным составила около одного миллиона человек.

Может показаться, что зерно и хлеб, несмотря на решающую роль для блокадного Ленинграда, для Гитлера были слишком мелким вопросом. Однако, внимательно изучая продовольственную проблему, вдруг выясняем, что к началу Второй мировой войны общий импорт зерна в Германию составлял около двух миллионов тонн в год. Таким образом, за счет поставок из СССР нацисты покрывали 80 % своего зернового дефицита и благодаря этому смогли неплохо пополнить запасы зерна в закромах Германии, получив чуть ли не годовой объем его поставок из-за рубежа. Но даже при всем при этом размер пайка для боевых частей вермахта с началом войны составлял 750 граммов хлеба в день, то есть немногим более, чем для рабочих блокадного Ленинграда, и его время от времени продолжали сокращать. Так, 20 июня 1940 года, когда фашистская Германия была в зените своего могущества, паек в войсках вновь сократили, в том числе за счет уменьшения потребления хлеба на 100 граммов [33]. Таким образом, фашистская Германия испытывала серьезное негативное воздействие международной блокады и в продовольственной области, и преодолевать связанные с этим трудности нацистам активно помогал Сталин.

Наиболее ярко степень саботажа международных усилий по противодействию экспансии фашистской Германии со стороны сталинского режима характеризует речь Гитлера на совещании с высшим военным руководством страны 22 августа 1939 года, сразу же после того, как Гитлер получил заверение от Сталина подписать известный пакт о ненападении. В частности, Гитлер в своем выступлении отметил [66]:

«Нам терять нечего, мы можем только выиграть. Наше экономическое положение в результате ограничений таково, что мы сможем продержаться еще лишь несколько лет...

Нам нечего бояться блокады. Восток поставляет нам пшеницу, скот, уголь, свинец, цинк. Это огромная цель, которая требует огромных сил...

Эти жалкие черви Даладье и Чемберлен, а я их узнал в Мюнхене, окажутся слишком трусливыми, чтобы напасть [на нас]. Они не выйдут за рамки блокады. А у нас против этого — наша автаркия¹ и русское сырье».

Конечно, понимание сформулированных фюрером перспектив развития событий объективно вытекает из оценки реальной ситуации в мире и в Европе, а не из его речи. Слова Гитлера здесь приведены лишь для убедительной иллюстрации того, какое огромное значение нацистская верхушка придавала советской экономической помощи для укрепления военно-экономического потенциала Германии и ведения агрессивных войн. Упомянутое совещание было закрытым, его материалы совершенно секретны, и Гитлер мог выражаться предельно откровенно, без дипломатических излишеств и эвфемизмов. Таким образом, Сталин обеспечил Германии благоприятные условия для развязывания масштабной войны в Европе: он знал, что Польша будет разбита и поделена и советская экономическая помощь «потечет» в Германию по кратчайшему маршруту.

Советско-нацистское экономическое сотрудничество — это огромная тема, которая заслуживает отдельного исследования, в котором следует показать объем и структуру предоставленной Германии экономической помощи и ее «вклада» в последующий разгром советских войск в июне 1941 года.

¹ Экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний товарный оборот.

О директиве от 13 июня 1941 года, а также о Директиве № 1 написано много, и их тексты можно прочесть в десятках статей и книг, поэтому приводить эти документы здесь не имеет смысла, однако хотелось бы только отметить несколько принципиальных моментов. Если предположить (именно предположить, читая между строк), что главное предназначение Директивы № 1 состоит в том, чтобы привести войска западных военных округов в (полную) боевую готовность, то она совершенно никчемна. Действительно, все без исключения исторические материалы подтверждают, что эта директива пришла во многие соединения и части уже после начала войны или в лучшем случае к моменту вторжения вермахта на территорию СССР, когда она уже была не нужна. Поэтому с точки зрения подъема советских войск по тревоге немецкие самолеты и артиллерия оказались более «своевременными».

В истории с Директивой № 1 крайнее удивление вызывает сама постановка вопроса о принятии исключительно ответственного военно-политического решения, основывающегося, по утверждениям «маршала победы», на показаниях одного перебежчика. Именно это обстоятельство вынудило наркома обороны и начальника Генерального штаба подготовить проект директивы и представить ее на подпись Сталину. Неужели высшие должностные лица в системе военного управления в своей оценке районов, масштабов и сроков вторжения армады противника численностью более четырех миллионов человек основывались исключительно на сведениях одного перебежчика в ранге фельдфебеля?

Однако это лишь предположение, и если верить опять же Жукову, то Сталин суть важнейшего военного документа свел к тому, чтобы войска не поддавались на провокацию. Действительно, как бы историки сталинского толка ни пытались навязать читателю подразумеваемый смысл Директивы № 1, но она в первую очередь требует от командующих и командиров

«не давать волю чувствам», а, как и прежде, терпеть выходки немцев, но теперь уже в масштабах войны.

Кроме всего прочего, Директива № 1 содержит один, кажущийся на первый взгляд очевидным и понятным, но в действительности абсурдный пункт, который обходят молчанием все без исключения историки:

«б) перед рассветом 22 июня 1941 года рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно ее замаскировать».

Трудно обвинять в незнании предметной области Сталина, который, конечно, никогда в жизни не занимался перебазируванием крупных группировок авиации (да и небольших также). Но наличие указанного невыполнимого пункта в важнейшем оперативном документе означает, что Сталин поставил руководить оборонным ведомством страны людей, не имеющих ни малейшего представления о том, какие ресурсы и сколько времени необходимо, чтобы рассредоточить по полевым аэродромам около одной тысячи самолетов. Для этого необходимо как минимум вызвать на аэродромы базирования весь летный и инженерно-технический состав, а также службы обеспечения. На полевые аэродромы (аэродромы рассредоточения) перебросить группы руководства полетами и часть инженерно-технического состава и служб обеспечения с необходимым оборудованием для встречи прилетающих самолетов. Полевые аэродромы необходимо было распределить между авиационными частями и соединениями на уровне военных округов, а экипажам (а также наземным командам) поставить задачу таким образом, чтобы они точно знали маршрут перелета, последовательность взлета, порядок захода на посадку.

После посадки самолетов их необходимо заправить, снарядить, расставить на летном поле и замаскировать, а личный состав разместить и обеспечить всем необходимым в районе

базирования новых аэродромов. После чего необходимо организовать доставку оставшегося личного состава, оборудования и имущества (автомобильным транспортом) на аэродромы рассредоточения.

И это еще не все — ведь для ведения боевых действий самолетам необходимо вооружение. Это означает, что с аэродромов базирования необходимо каким-то образом доставить на аэродромы сосредоточения тысячи тонн бомб, снарядов и ракет. Возможен вариант, при котором первый боекомплект будет доставлен на аэродромы рассредоточения с близлежащих складов, но и это не намного облегчает задачу, так как в любом случае для доставки боекомплекта потребуется несколько сот единиц транспортных средств. Даже при идеальной организации перебазирования (рассредоточения) и наличии необходимого количества транспортных самолетов, автомобильного транспорта, горюче-смазочных материалов и маскировочных сетей сделать это очень трудно даже за сутки, а не то что за несколько минут до начала войны. То есть в Директиву № 1 «попало» требование, которое не могло быть выполнено в тех конкретных условиях и в те реальные временные рамки.

Нельзя обойти стороной также идеологические и воспитательные аспекты подготовки к предстоящей крупномасштабной войне, которые оказывают исключительно сильное влияние на боеготовность и боеспособность войск. Поэтому страна ждала от существующего режима целенаправленной работы по привитию в советских вооруженных силах чувства долга и ответственности за будущее страны, формированию у советских воинов доблести, отваги и презрения к смерти. Общество рассчитывало, что огромный идеологический аппарат Страны Советов будет направлен на воспитание ненависти к фашизму и расизму. Наконец, каждый советский человек полагал, что военно-политическое руководство

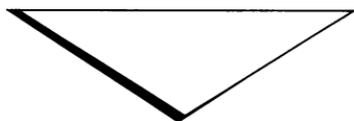
Советского Союза приложит все силы для консолидации общества, устранения или сведения к минимуму каких бы то ни было социальных, национальных, религиозных и иных противоречий, объединению всех слоев населения на борьбу с общим врагом.

Как же были реализованы эти фундаментальные идеологические и воспитательные принципы в Советском Союзе? Во-первых, воспитание в стране шло исключительно в направлении любви к «дорогому» товарищу Сталину, имея в виду, что Сталин и есть Родина, а без Сталина Родины быть и не может. Во-вторых, в идеологической сфере партийные чиновники уверяли весь советский народ, что и у нацизма, и у коммунизма единый враг, а именно капитализм и империализм Запада. И это означает, что обе господствующие партии имеют общие глобальные цели и задачи в борьбе с империализмом и поэтому должны объединить свои усилия. При этом оба режима (то есть обе партии) имели и сходные подходы к расовым и национальным проблемам: Гитлер физически истреблял евреев, цыган, людей с психическими и сексуальными отклонениями, а Сталин — целые национальные меньшинства, а также отдельные слои населения по классовому, этническому и религиозному принципу. Известно также, что Сталин выдал Гитлеру немцев-антифашистов, которые рассчитывали не только спастись от фашизма в Советском Союзе, но и включиться в активную борьбу с гитлеровским режимом вместе с советскими коммунистами.

Не нужно быть большим ученым, чтобы понять, что все эти, мягко говоря, неумные меры необразованных сталинских идеологов, которые дальше своего носа не видели, неизбежно вели к расколу советского общества, подрыву морального духа войск и к демонтажу фундаментальных устоев коммунизма.

В трагедии 22 июня исключительно феноменальной выглядит история с заявлением ТАСС от 14 июня 1941 года (первоначально было передано по радио 13 июня в 18.00), в котором сообщалось, что публикуемые за рубежом сообщения о приближающейся войне между СССР и Германией не имеют оснований. Сталин и Молотов не только заверили Гитлера в том, что тот может «спокойно» начинать войну — СССР не собирается давать отпор, — но и предостерегли весь советский народ от возможных действий против агрессора.

ГЕНИЙ ТАНКОВЫХ СРАЖЕНИЙ

В день завтрашний нельзя сегодня заглянуть,
Одна лишь мысль о нем сжимает мукой грудь.
Кто знает, много ль дней тебе прожить осталось,
Не трать их попусту, благоразумен будь.

Омар Хайям

Стратегические вопросы обороны страны, конечно же, лежали на Верховном главнокомандующем и на Генеральном Штабе. Однако командующий ЗапОВО, во-первых, должен был ясно осознавать, что в конечном итоге ответственность за оборону назначенного ему участка у западной границы лежит только на нем, а не на наркоме обороны, не на начальнике Генерального штаба и уж тем более не на Сталине. Во-вторых, ему все же должны быть в какой-то мере известны «прозорливость», «гениальность», а также мстительность «вождя народов», хотя тот и истребил почти всех, кто был хорошо осведомлен о его «талантах». В-третьих, Павлов должен был очень хорошо знать возможности вверенных ему войск округа и состояние их системы управления, чтобы оценить масштабы предстоящих последствий. Все эти обстоятельства должны были, несмотря на заверения из Москвы, заставить командующего ЗапОВО задуматься и сделать хотя бы то, что он мог «себе позволять» в то смутное время, но уж никак не отдаваться целиком и полностью театральному искусству накануне такого серьезного вторжения. Правда, для этого надо было в полной мере чувствовать себя командую-

щим крупного оперативно-стратегического объединения, на плечах которого лежит ответственность за судьбу огромной страны.

А вот насколько хорошо он это чувствовал, осознавал и был готов к решению такой грандиозной задачи — это большой вопрос. Последняя должность Павлова, которая позволила ему получить опыт управления войсками (а не частями), была командир танковой бригады в Испании в 1937 году. То есть речь идет о тактическом соединении ниже уровня дивизии и о решении тактических задач, причем даже не общевойсковых, а специфических, связанных с применением исключительно танков. Находясь же на должности начальника автобронетанкового управления РККА (далее АБТУ), он занимался совсем другими делами: формированием требований к автомобильной и бронетанковой технике, разработкой тактики применения бронетанковых частей и соединений, оснащением войск техникой. Не отрицая заслуг советских конструкторов и инженеров, мы должны отдать должное в том числе и генералу Павлову как начальнику АБТУ за то, что к началу Великой Отечественной войны был создан лучший танк Второй мировой войны Т-34¹ и к июню 1941 года на вооружении РККА имелось около тысячи таких танков, хотя части и соединения еще не успели в полной мере освоить тактику применения новой боевой машины.

¹ Некоторые специалисты отдают танку Т-34 только второе место после немецкого танка «Тигр». Вопрос этот весьма спорный, но даже второе место никак не умаляет заслуг Д.Г. Павлова. Ни в коей мере статья не преследует цель завуалировать роль инженерной мысли в создании танка Т-34 и принизить вклад в его разработку советских конструкторов (в том числе и редко упоминаемых А.Я. Дика, Н.В. Барыкова, А.В. Калоева), некоторые из которых буквально своей жизнью заплатились, чтобы этот танк стал символом разгрома немецко-фашизма.

Вполне возможно, что в этом месте любой специалист по бронетанковой технике выскажет критические замечания по поводу столь смелого утверждения о достоинствах танка Т-34 и о вкладе Павлова в его внедрение в войска и будет, безусловно, прав. Действительно, маленькая тесная башня не позволяла разместить в ней наводчика, функции которого выполнял командир экипажа, скверная короткоствольная пушка и отсутствие на танке радиостанции никак не могут считаться характеристиками лучшего танка. И все же Павлов объективно оценил значительное качественное улучшение этой боевой машины по сравнению с массовыми танками того времени типа БТ. Даже его первые серии по совокупности тактико-технических характеристик были сопоставимы с лучшим немецким танком начального периода войны Т-IV. Самое же главное состоит в том, что Павлов в конструкции Т-34 увидел значительный потенциал для модернизации, который, правда, был реализован только в 1944 году, уже в варианте Т-34/85. Ну и, наконец, самое главное, отражающее советскую специфику и сделавшее танк самым массовым во Второй мировой войне: он был дешев в производстве и прост в эксплуатации и ремонте.

И все же, признавая заслуги Павлова как выдающегося теоретика и умелого практика в области бронетанковых войск, приходится констатировать, что он обладал незначительным опытом управления войсками, а тем более таким крупным оперативно-стратегическим объединением, каковым в ту пору был ЗапОВО. Несмотря на сложные функции, возложенные на начальника АБТУ и решаемые им задачи, они были слишком далеки от специфики деятельности командующего военным округом и фронтом.

Судьба отвела Павлову ровно год с момента его назначения на должность командующего ЗапОВО в июне 1940 года, чтобы освоить управление столь сложным и крупным

оперативно-стратегическим объединением. Однако последующие события показали, что этого срока оказалось недостаточно. Некоторые историки, которые хорошо изучили биографию Павлова, утверждают, что уровень командующего военным округом не соответствовал его способностям и подготовке. В частности, Б. Соколов в своей книге «Красный колосс» приводит слова К.Е. Ворошилова: *«Был бы я наркомом, ни за что не поставил бы тебя на округ, сидел бы себе на АБТУ — глядишь, меньше вреда было бы»*.

Будучи блестящим специалистом в танковом деле, Павлов плохо понимал роль авиации, особенно в начальный период войны. В то время многие военные начальники (в том числе и Павлов), находясь под влиянием опыта войны в Испании, пребывали в состоянии заблуждения относительно возможностей советской военной авиации. Действительно, в испанской войне советские летчики на отживших свой век самолетах, лучшим из которых был И-16¹, успешно «конкурировали» с такими же устаревшими немецкими «хейнкелями» и итальянскими «фиатами». Однако немцы из испанской войны уроки извлекли быстро и совершили серьезный качественный скачок в совершенствовании боевой авиации, а в СССР это осознание пришло не

¹ Первый в мире серийный высокоскоростной моноплан с убирающимся шасси (посредством вращения лебедки летчиком вручную), созданный в ОКБ Поликарпова. По скоростным, маневренным и высотным характеристикам на момент создания превосходил все известные истребители, но к 1937 году уже явно устарел. Первый испытательный полет на прототипе И-16 выполнил Валерий Чкалов 30.12.1933. Летчики давали самолету отнюдь не лестные отзывы, так как машина имела неустойчивую аэродинамическую компоновку и была сложна в управлении даже для испытателей — что же говорить о строевых летчиках, особенно в условиях реального боя. Отсюда трудности в освоении и высокая аварийность в частях ВВС. Выпускался с 1934 вплоть до 1942 года. Максимальный объем выпуска в 1940 году — 2710 единиц.

сразу, не говоря уже о том, что этим исключительно серьезным делом в СССР занимались заключенные в тюремных камерах¹. Собственно говоря, первым истребителем, который по своим летно-техническим характеристикам приблизился к знаменитому Me-109, стал Ла-5, серийный выпуск которого начался только в июле 1942 года, то есть через год после начала войны.

Еще хуже обстояло дела с ПВО, хотя здесь главную негативную роль сыграли руководители страны. О Сталине речь не идет, особенно если учесть, что в Великобритании радиолокационные станции начали широко применяться начиная с 1939 года. Сталин же реальные шаги по созданию и развитию радиолокационной отрасли в СССР сделал только в 1943 году, после того, как адмирал Берг Аксель Иванович добился встречи с ним и доказал Сталину крайнюю необходимость развития радиолокации². В большей степени здесь вина руководителей оборонного ведомства, которые сами в этом, мягко говоря, плохо разбирались, опыт последних войн не изучали, военно-технической разведке внимания не уделяли и не давали дорогу талантливым командирам, конструкторам и ученым.

Крайне тяжелое состояние дел в ПВО характеризует хотя бы то, что руководители (главного) Управления ПВО менялись буквально как перчатки, причем большая их часть была расстреляна. Так, 2 декабря 1937 года командарм 2-го ранга А.И. Седякин (начальник управления с 25.01.1937) был аре-

¹ Эти коллективы советских авиационных конструкторов, созданные Лаврентием Берией из заключенных, назывались «шарашками».

² Еще один пример того, как узурпация власти служит тормозом прогрессу и развитию. Ведь радиолокацию надо было, и главное — можно было, развивать еще перед Великой Отечественной войной. То, что творилось в то время в стране, сейчас представляется как крайний абсурд, ведь еще в 1934 году впервые в мировой практике в СССР под руководством маршала Тухачевского прошли успешные испытания экспериментальной радарной установки, созданной по идеям молодого артиллериста Павла Ощепкова.

стован и на его место временно назначен И.Ф. Блажевич, которого тоже арестовали уже 18 февраля 1938 года. К исполнению обязанностей начальника Управления ПВО приступил начальник 2-го отдела полковник Г.М. Кобленц, а 13 ноября эту должность принял комдив Я.К. Поляков, прибывший с поста командира бригады ПВО. Однако 4 июня 1940 года Полякова перевели на Дальний Восток, и к руководству Управлением ПВО приступил генерал-майор М.Ф. Королев, который до этого назначения был командиром стрелкового корпуса, то есть к ПВО не имел никакого отношения. Но в ноябре 1940 года и он убыл к новому месту службы в Главное управление местной ПВО НКВД, и 21 декабря в руководство противовоздушной обороной страны вступил генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, командовавший стрелковым корпусом в войне с Финляндией, опять же человек, достаточно далекий от проблем борьбы с воздушными целями.

27 декабря 1940 года Управление ПВО было преобразовано в Главное управление ПВО Красной армии, вскоре после чего, а именно 14 февраля 1941 года, его начальник, генерал-лейтенант Д.Т. Козлов покинул свой пост. На эту должность был назначен генерал-лейтенант авиации Е.С. Птухин, а с марта 1941 его сменил генерал-полковник Г.М. Штерн, который 7 июня 1941 года по инициативе «маршала победы» Г. Жукова был арестован¹. С 14 июня по 19 июля 1941 года

¹ Поводом для ареста Штерна стал несанкционированный перелет немецкого самолета «Юнкерс-52» 15 мая 1941 года от самой западной границы СССР до Москвы с посадкой на Ходынском поле. Но главная причина состояла в том, что Штерн в свое время выявил, мягко говоря, некомпетентность Жукова в оперативных вопросах. Последний, став начальником Генерального штаба, сделал все, чтобы уничтожить талантливого полковника. Генерал Штерн был расстрелян 19 октября 1941 года в тюрьме под Куйбышевом без суда по личному указанию Л. Берии вместе с другими восемью генералами и шестнадцатью офицерами.

Главное управление ПВО страны возглавлял генерал-полковник артиллерии (впоследствии главный маршал артиллерии) Н.Н. Воронов.

Разве можно было в такой жуткой атмосфере паранойи, созданной Сталиным, и поставленного им на конвейер истребления командиров и начальников рассчитывать хотя бы на какие-то достижения в создании, освоении и внедрении средств ПВО, в совершенствовании системы управления войсками ПВО, методов и тактики их применения? Объективную, свободную от мнения историков и однозначно негативную оценку состояния ПВО в Советском Союзе находим в акте передачи дел от Ворошилова новому наркому обороны Тимошенко за год до начала войны [45]:

«Вопросы противовоздушной обороны войск и страны находятся в запущенном состоянии ввиду отсутствия твердой организации, руководства и ответственности за ее подготовку.

Руководство Наркомата Обороны работой местных пунктов ПВО неудовлетворительное и слабое. При существующем состоянии руководства и организации ПВО должная защита от воздушного нападения не обеспечивается».

Понятно, что один Павлов в масштабах своего округа вряд ли смог бы сделать «революцию» в течение того короткого срока, когда он возглавлял ЗапОВО. Однако, учитывая такое состояние дел в ПВО в масштабах страны, тем более непонятно, каким образом Павлов все же планировал обеспечить защиту от ударов с воздуха пусть не городов, а хотя бы аэродромов, войск, техники и складов с боеприпасами и топливом.

Судя по тому, как развивались события в ЗапОВО в первые дни войны, Павлов уделял далеко не первостепенное значение и вопросам устойчивой, непрерывной и оперативной связи, хотя связь в системе управления войсками уже давно

стала решающим фактором. Отвечающая всем условиям современной войны связь оказывает на ход и исход сражений даже большее влияние, чем, скажем, танки и пушки.

Павлов должен бы знать, что одна из ключевых причин разгрома советских войск под командованием Тухачевского польским маршалом Пилсудским в 1920 году заключается в потери связи с советской группировкой, прижатой к восточно-пруссской границе. В ту пору управление советскими войсками «держалось» на проводном телеграфе, и когда эта проводная телеграфная связь была нарушена, командующий (то есть Тухачевский) оказался без войск, так как не мог ни передавать приказы вверенным ему соединениям, ни получать от них сообщения. Соответственно, войска остались без командующего и без управления, то есть предоставлены самим себе. Через двадцать лет после провала этой попытки молодой советской власти «окончательно решить польский вопрос» ситуация со связью в советских вооруженных силах изменилась не намного, что в условиях войны создавало реальные предпосылки потери управления войсками в ЗаПОВО.

Весьма поучительна в этом отношении также история с конфискацией немцами чешских танков LT vz.35 в 1939 году, которую они осуществили с удивительной скоростью, буквально в течение одного месяца после вступления первого немецкого солдата на территорию Чехословакии. На всех конфискованных чешских танках (около 240 единиц), принятых на вооружение вермахта и получивших обозначение Pz.35(t), были проведены доработки в части установки на них радиостанций Fu 2 или Fu 5, работавших в дуплексном (телефонном) режиме, а также замены примитивной внутренней ламповой сигнализации полноценным внутританковым переговорным устройством.

Если же перенестись на два года вперед, то есть в 1941 год, то выяснится, что связь между советскими танками пред-

полагалось осуществлять преимущественно с помощью флажков¹. Внутри же танка командир передавал команды механику-водителю нажатием ногами на плечи последнего. Ситуация улучшилась лишь в 1943 году, то есть через два года после начала войны, когда на танк Т-34 стали устанавливать довольно современную радиостанцию 9Р и переговорные устройства ТПУ-3бис [43].

Углубляясь в теоретические основы применения танков, хорошо подкрепленные к 1941 году обширным практическим (в основном немецким) опытом, легко прийти к выводу, что эффективность применения танка как коллективного оружия зависит не столько от его броневых, ходовых или огневых характеристик, сколько от тактики применения танковых частей и подразделений, взаимодействия танков на поле боя и, конечно, от мастерства танковых экипажей, то есть опять же от взаимодействия четырех или пяти человек. Все эти ключевые показатели в свою очередь самым непосредственным образом определяются качеством связи между танками и между членами танкового экипажа в каждом танке. Если связь является решающим фактором для боевых действий танковых войск, то что говорить о многотысячных войсках военного округа.

Еще одним «идейным» заблуждением, распространенным в военно-политических кругах Советского Союза, в плену которого оказался и сам Павлов как главный идеолог танковых сражений, было преувеличение роли танков как средства огневого поражения по сравнению с артиллерией. Эти явно ошибочные взгляды влекли за собой несбалансированность технического оснащения частей и соединений и их боевой выучки, а также ошибки в тактике применения войск.

¹ На некоторых танках Т-34 устанавливали только радиоприемники, что, конечно, мало что меняло с точки зрения эффективности взаимодействия между танками на поле боя, не говоря уже о том, что даже это явление было крайне редким.

Наконец, вероятно, самая серьезная причина неудач вверенных Павлову войск состояла в том, что в ЗапОВО был плохо налажен контроль исполнения приказов и поручений, что не позволило провести ряд неотложных мероприятий в пределах компетенции командующего округом без формального приведения войск в полную боевую готовность. К таким мероприятиям можно отнести рассредоточение войск и техники (самолетов, танков) и их оперативная маскировка. Из официальных исторических исследований следует, что Павлову была присуща невысокая требовательность к своим подчиненным, и это, в свою очередь, «гарантировало», что большая часть поручений (то есть приказов) либо не выполнялась, либо выполнялась с нарушением сроков. Наиболее убедительно этот недостаток проявился с конномеханизированной группой Болдина, о чем речь пойдет ниже.

Особого внимания заслуживает странная любовь к театру, которая «вспыхнула» у командующего ЗапОВО именно накануне вторжения фашистской Германии на территорию СССР. Давайте посмотрим, какова была ситуация в ЗапОВО за несколько часов до начала войны, в тот момент, когда его командующий собирался на представление «Свадьба в Малиновке» [41]:

«Однако, памятуя звонок Климовских¹, он (то есть Павлов) перед театром захватил в штаб.

Командующий 3-й армией Кузнецов сообщал, что вдоль границы у дороги Августов — Сейни немцы сняли проводочные заграждения. В лесу в том направлении отчетливо слышен гул множества двигателей.

¹ Генерал-майор Климовских Владимир Ефимович, начальник штаба ЗапОВО, добивался принятия неотложных мер по подготовке к предстоящей агрессии.

Разведка доносила, что к субботе двадцать первого июня (то есть 1941 года) немецкие войска сосредоточились на восточно-прусском, млавском, варшавском и демблинском направлениях.

Не надо было читать документы, он (то есть Павлов) и по памяти помнил, что в районе южнее Сувалок установлена тяжелая и зенитная артиллерия. Там же сосредоточены тяжелые и средние танки. Разведкой обнаружено много самолетов».

Трудно представить, чтобы командир (а тем более командующий) в здравом уме, в такой напряженный момент, располагая убедительными данными о непосредственной подготовке фашистов к вторжению в его зоне ответственности буквально в ближайшие часы, наслаждался бы театральным представлением вместо того, чтобы немедленно собрать своих заместителей и весь штаб, рассмотреть варианты развития событий, проверить систему управления войсками, сориентировать руководителей служб, отвечающих за материально-техническое обеспечение и доставку боеприпасов. Многие исторические материалы убедительно подтверждают, что за несколько часов до нападения на СССР немецкие диверсионные группы вывели из строя линии проводной связи. Элементарная попытка связаться с подчиненными объединениями и соединениями по этим каналам тут же бы выявила эту проблему и еще раз прояснила масштабы предстоящей катастрофы.

Довольно впечатляющую характеристику Павлову и оценку степени его вины в разгроме войск ЗапОВО в июне 1941 года дал генерал-полковник Сандалов Леонид Михайлович, который в ту тяжелую пору был начальником штаба 4-й армии в составе ЗапОВО¹. В письме начальнику военно-научного

¹ После ареста 8 июля 1941 года командующего 4-й армией генерала А.А. Коробкова полковник Сандалов временно исполнял обязанности командующего армией и показал себя в этом качестве с самой лучшей стороны.

управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генералу армии В.В. Курасову он, во-первых, отметил, что в общем комплексе причин разгрома войск ЗапОВО вина командования округа незначительна. Во-вторых, Л.М. Сандалов подчеркивает, что низкий уровень управления войсками ЗапОВО (который все же имел место) объясняется крайне неудачным составом командования округа «и в первую очередь несоответствием своей должности самого командующего войсками округа». Недостаток образования и нехватку опыта у командующего могли бы компенсировать «сильные» заместители, но, например, командующий ВВС округа генерал И.И. Копец до командировки в Испанию (то есть перед назначением на последнюю должность) командовал эскадрильей, а командующий артиллерией округа генерал Н.А. Клич работал преподавателем сначала в артиллерийском училище, а затем в академии.

На основании всех этих объективных фактов генерал Сандалов делает очевидный вывод, что основная вина за разгром вверенных Павлову войск ложится на тех, кто назначил всех этих должностных лиц и утвердил такой состав командования ЗапОВО. Л.М. Сандалов в своем письме дипломатично никого конкретно не называет, однако доподлинно известно, что Сталин лично назначал или непосредственно участвовал в назначении более двух тысяч партийных, хозяйственных и военных руководителей. Не надо быть Гегелем, чтобы догадаться, кто назначил и утвердил такой состав командования ЗапОВО.

Давая характеристику генералу Павлову, нельзя не сослаться на оценки одной таинственной личности, которая сыграла если не решающую роль в разгроме ЗапОВО, то как минимум значимую, и при этом избежала сталинской кары. Речь идет о генерал-лейтенанте Иване Васильевиче Болдине — первом заместителе командующего ЗапОВО, ко-

торый своими действиями или, точнее, бездействием подписал смертный приговор Герою Советского Союза, командующему ЗапОВО генералу Дмитрию Григорьевичу Павлову. До своего назначения Иван Болдин командовал войсками Калининского военного округа, в сентябре 1939-го участвовал в «освободительном» походе в Западную Белоруссию и Польшу. Командовал конно-механизированной группой в составе стрелкового, двух кавалерийских и танкового корпусов. Позднее возглавлял советскую военную миссию на переговорах с руководством прибалтийских государств о вводе советских войск и их размещении на территории Латвии и Литвы. В 1940 году сформировал и возглавил Одесский военный округ, но в сентябре этого же года был переведен на должность заместителя командующего ЗапОВО (видимо, для усиления). То есть генерал Болдин был один из самых опытных военных начальников в СССР, несомненно, самый опытный в ЗапОВО, и, казалось бы, что именно он должен был проявить себя с лучшей стороны в ту суровую пору.

Нужно полагать, что именно в силу указанного полководческого и боевого опыта Болдин сделал все возможное, чтобы с началом войны как можно быстрее отойти от решения принципиальных вопросов управления войсками округа. Для этого он 22 июня в обход командующего ЗапОВО по телефону добился от наркома обороны разрешения уехать из Минска в Белосток (видимо, чтобы быть подальше от гнева Москвы) и, не мешкая ни секунды, покинул штаб округа. Однако вечером того же дня (22 июня) он по телефону получил от Павлова задачу (то есть связь все-таки работала) возглавить конно-механизированную группу (далее КМГ) и организовать контрудар в направлении Гродно — Меркине — Алитус вдоль западного берега реки Неман с целью разгрома вражеских войск, наступавших из Сувалкского выступа.

Задача, которую Болдину поставил командующий ЗапОВО, была в оперативном плане абсолютно верной и предельно гениальной, что, несмотря на существующую критику в адрес генерала Павлова, демонстрирует его оперативную грамотность и умение проявлять разумную инициативу. С оперативной точки зрения Болдин должен был перерезать линии коммуникации 3-й танковой группы Германа Гота, нарушить ее связь и снабжение и, таким образом, создать все необходимые условия для окружения и уничтожения прорвавшихся за Неман немецких соединений. В конечном итоге успешное и своевременное решение сформулированной Павловым задачи должно было остановить продвижение немецких ударных группировок в направлении на Вильнюс и, конечно, спасти от разгрома войска двух западных военных округов, а также от расстрела командование ЗапОВО.

Казалось бы, нужно как можно точнее и быстрее реализовать этот блестящий замысел, однако вот каким образом опытный генерал, первый заместитель командующего крупнейшим в Советском Союзе военным округом (а не «зеленый» лейтенант, командир взвода) описывает свою реакцию на поставленную задачу в оставленных им мемуарах под названием «Страницы жизни» [28]:

«Отойдя от аппарата, я подумал: как далек Павлов от действительности! У нас было мало сил, чтобы контратаковать противника. Все части, из которых Павлов приказал создать ударную группу, уже были втянуты в ожесточенные оборонительные бои и, конечно, имели большие потери. Снимать их — значило ослаблять оборону, но что делать? Приказ есть приказ!»

Приведенные сетования «боевого» генерала могут раздражать кого угодно, довести до слез самого черствого критика и заставить поверить в искренность и правдивость слов первого заместителя командующего ЗапОВО. И все же для

пущей убедительности следует рассмотреть, а какие же силы должны были составить эту КМГ и в каком состоянии они в то время находились. Для решения вполне внятной и своевременной задачи Болдину были переданы три крупных соединения: 6-й и 13-й механизированные корпуса, 6-й кавалерийский корпус, а также 124-й гаубичный артиллерийский полк резерва Верховного главного командования.

Для того чтобы понять ударную силу выделенной Болдину группы, достаточно рассмотреть ее две основные составляющие: танки и артиллерию. Всего Болдину было вверено примерно 1640 танков (1310 в 6-м и 330 в 13-м механизированных корпусах), то есть значительно больше, чем было в двух танковых группах (2-й и 3-й) вермахта вместе взятых. Причем в составе этой стальной армады имелось почти 550 танков, новейших модификаций: 420 — Т-34 и 126 — КВ. Кроме того, в состав группы Болдина было выделено чуть более 150 пушечных броневедомостей БА-10¹, вооруженных пушками калибра 45 мм, то есть каждый такой броневедомость значительно превосходил по огневой мощи немецкие танки Pz.-I, Pz.-II, Pz.-38 (t) и Pz.-III с пушкой калибра 37 мм². Если к этой чудовищной силе добавить более сотни стволов полевой артиллерии, а также 48 тяжелых орудий в составе 124-го гаубичного артиллерийского полка, то складывается исключительно мощная и при этом высококомбинированная группировка, о которой Гитлер мог только мечтать

¹ Лобовая броня БА-10 выполнялась из листов брони толщиной 10 мм, а бортовая бронировка корпуса имела толщину 8—9 мм. При боевой массе в 5,14 тонны он по шоссе развивал скорость в 53 км/час.

² Именно эти танки составляли в тот период основу бронетанковой мощи фашистской Германии — их общая доля превышала 60 % от общей численности танков во 2-й и 3-й немецких танковых группах.

и которой было под силу не то что перерезать линии коммуникаций какой-то там танковой группы, а впору в течение одной недели до Берлина идти.

Уникальность сложившейся ситуации состояла еще и в том, что главные удары немцы, как известно, наносили по двум направлениям: Сувалки — Вильнюс и Брест — Минск¹, а все переданные в распоряжение Болдина соединения и части находились в выступе между Сувалки и Брест. Поэтому говорить об ожесточенных боях, в которые, якобы были втянуты приданные в состав КМГ соединения и части, а тем более о больших потерях, никак не приходится — на каких же простаков рассчитывал Болдин, сочиняя свои мемуары, неясно.

В интересах точности и научности необходимо также четко обозначить, а какие же силы противостояли этой стальной армаде, поддержанной сокрушительной лавиной артиллерийского огня. Так как к утру 23 июня основные силы немцев, наступающих на направлении Сувалки — Алитус, уже переправились через Неман и двинулись в направлении на Вильнюс, то на пути КМГ Болдина оказались лишь две пехотные дивизии: 162-я и 256-я. При таком соотношении сил стереть с лица земли обе эти дивизии можно было без единого выстрела, просто раздавив их личный состав и технику танками. У немцев не было ни единого шанса не то что противостоять Болдину, а просто выжить, так как из имевшихся у них в распоряжении противотанковых средств самым сильным было пушка калибра 37 мм, которая ни при каких условиях не могла пробить броню танка Т-34, а тем более КВ.

Предвидя глубину анализа некоторых дотошных знатоков военного дела, которые знают, что не все мосты в СССР вы-

¹ Кстати сказать, Тимошенко и Жуков даже не отметили в Директиве № 3 самый сильный удар немцев в направлении Брест — Минск, что не может не вызвать «восхищение» глубиной их «анализа» и знанием обстановки.

держивали вес танка Т-34, и тем более КВ¹, приходится все же внести еще одно важное уточнение, раскрывающее природные, климатические и географические условия, в которых должна была действовать КМГ Болдина и которые теоретически могли бы помешать командиру группы выполнить поставленную задачу. Во-первых, сразу же необходимо зафиксировать, что в то время в полосе контрудара КМГ не было ни землетрясений, ни наводнений, ни тем более торнадо или цунами. Во-вторых, во всей этой полосе, вплоть до Алитуса, не имелось ни одной водной преграды, а местность была ровной и слабо-лесистой. В целом, с точки зрения природно-географических и климатических условий войска Германа Гота испытывали существенно большие трудности, чем КМГ Болдина.

Что же произошло в действительности и как генерал Болдин выполнил предельно ясный и относительно простой приказ командующего ЗапОВО, который, кстати говоря, в части касающейся дублировал Директиву № 3, подписанную наркомом обороны Тимошенко и начальником Генерального штаба Жуковым и согласованную до последней запятой с будущим генералиссимусом². В частности, пункт 3 в) директивы требовал [27]:

«Армиям Западного фронта, сдерживая противника на варшавском направлении, нанести мощный контрудар си-

¹ Боевая масса танка Т-34 достигала 32 тонны, а КВ — около 48 тонн, то есть большинство мостов в сельской местности СССР действительно не могли выдержать вес этих боевых машин.

² Читать этот «серьезный» документ без слез нельзя. Например, первый пункт директивы гласит: «Противник, нанеся удары из сувалкинского выступа... понеся большие потери, достиг небольших успехов...» Конечно, слова «противник, понеся *большие потери*, достиг *небольших успехов*» Тимошенко и Жуков, скорее всего, написали не сами, а по указанию Сталина. Тем не менее поражает воображение, какой чепухой занимались руководители такого высокого ранга в тот момент, когда нужно было спасти страну и ее вооруженные силы.

лами не менее двух мехкорпусов и авиации во фланг и тыл сувалкинской группировки противника, уничтожить ее совместно с Северо-Западным фронтом и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки. Граница слева — прежняя».

На самом деле, несмотря на требования Директивы № 3, гениальность замысла ее реализации, формализованного в приказе командующего ЗапОВО, и наличие более чем достаточных для этого сил и средств, не произошло абсолютно ничего. Ни в каких документах, мемуарах и воспоминаниях нет ни одного упоминания о действиях такой колоссальной группировки почти в 1800 единиц бронетехники, которую нельзя было не заметить даже с Луны.

Согласно немецким источникам, которые каким-то чудом обнаружил Марк Солонин [29], в полосе контрудара КМГ Болдина (район Кузницы) отмечались спорадические стычки с малочисленными советскими подразделениями. По данным этого источника, с советской стороны они носили явно неорганизованный, случайный характер, и при этом, как следует из приведенного отчета, советские потери были незначительными. В частности, 4-й зенитный полк 256-й немецкой пехотной дивизии, выполнявший в том числе и задачу по борьбе с танками противника, за период 22—27 июня подбил 31 советский танк. Здесь, правда, приходится признать, что в состав этого полка специально для противодействия советским танками была придана батарея из четырех зенитных орудий калибра 88 миллиметров, которые, конечно, могли успешно бороться с любыми советским танками. Вполне возможно, что с помощью этих пушек немцам удалось за пять дней боев подбить три десятка советских танков, которые теоретически могли входить в КМГ Болдина. Но если это, предположим, и так, то куда же Болдин спрятал остальные 1770 единиц? Остается еще один, чрезвычайно важный вопрос — где были в это время советские танки

Т-34 и КВ, которых немцы не могли не заметить, так как эти чудо-боевые машины должны были буквально раздавить их «ударной силой орудийных башен и быстротой, и натиском огня»?¹ Например, Герман Гот, описывая развитие событий под Минском 03 июля (а не 23 июня), обратил на это событие особое внимание [24]:

«На автостраде под Борисовом русские предприняли 3 июля мощную, поддержанную авиацией и танками контратаку, направленную против образованного там плацдарма. Здесь впервые появились танки Т-34».

Единственным вразумительным объяснением тому, что произошло (точнее, не произошло), может быть лишь то, что к 23 июня 1941 года в район Белосток — Гродно — Алитус переместился Бермудский треугольник и поглотил без следа всю эту армаду советских танков и артиллерии. В этой связи исключительное значение представляет объяснение этой «трагедии» самого генерала Болдина, тем более, что из руководства ЗапОВО только его не расстреляли². Вот как он оценивает ситуацию того времени [28]:

«Много лет спустя, уже после войны, мне стало известно, что Павлов давал моей несуществующей ударной группе одно боевое распоряжение за другим, совершенно не интересуясь, доходят ли они до меня, не подумав о том, реальны ли они в той обстановке, какая сложилась на Западном фронте».

Из этого удивительного признания следует, что к моменту, когда Павлов вечером 22 июня ставил по телефону Болдину задачу (как сам это признает Болдин), вся КМГ прекратила свое

¹ Марш советских танкистов — известная советская песня. Написана в 1938 году, музыка братьев Покрасс, стихи Б. Ласкина. Впервые прозвучала в фильме «Трактористы».

² Не расстреляли и командующего ВВС ЗапОВО генерала Копеца, который 22 июня сам застрелился, узнав, что вся авиация ЗапОВО уничтожена в один день.

существование, даже не родившись. Однако буквально через два абзаца все в тех же «Страницах жизни» читаем [28]:

«На КП прибыл командир 6-го механизированного корпуса генерал-майор М.Г. Хацкилевич¹. Он-то мне и нужен! Ставлю перед ним задачу — с наступлением темноты сдать частям 10-й армии занимаемый рубеж обороны по восточному берегу Царева и к утру сосредоточиться в лесу в десяти километрах северо-восточное Белостока».

Значит, версия об исчезновении КМГ в Бермудском треугольнике отпадает, по крайней мере в отношении 6-го механизированного корпуса, и у Болдина была в распоряжении ударная сила как минимум в 1310 танков, половина из которых Т-34 и КВ, как он сам это признает [28]:

«Личный состав корпуса был превосходно обучен, половину танкового парка составляли машины Т-34 и КВ. Возглавлявший корпус генерал-майор М.Г. Хацкилевич был грамотным командиром, человеком редкого обаяния, огромной силы воли и большой скромности».

Читатель может самостоятельно перечитать «шедевральное» творение Ивана Болдина, чтобы убедиться, что оно не содержит ни цифр, ни данных о состоянии и дислокации своих сил и войск противника, и этот факт порождает сомнения либо в компетентности первого заместителя командующего ЗапОВО, либо в его полном преднамеренном бездействии. По крайней мере, он не приводит никаких конкретных данных о потерях 6-го механизированного корпуса, а значит, нужно полагать, что с этим соединением все было в порядке. К тому же по ударной и огневой мощи один только этот корпус значительно превосходил обе немецкие танковые группы (2-ю и 3-ю) вместе взятые. Таким об-

¹ Судя по изложению, эта встреча произошла совершенно случайно, а не потому, что Болдин вызвал командира 6-го механизированного корпуса для того, чтобы уяснить обстановку и поставить задачу в рамках предстоящих действий КМГ.

разом, если «исчезли» 13-й механизированный и 6-й кавалерийский корпуса, задачу все же надо выполнять, «хотя бы» силами 6-го механизированного корпуса, особенно учитывая «редкое обаяние» его командира, как об этом с особым чувством пишет Болдин. Более того, по его же свидетельству, к рассвету (видимо, следующего дня, то есть 23 июня) [28]:

«Штабы 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов обосновались на новом месте в лесу в пятнадцати километрах северо-восточнее Белостока. Этот живописный лесной уголок стал и моим командным пунктом».

Неожиданно выясняется, что и 6-й кавалерийский корпус не исчез в Бермудском треугольнике, а все штабы (кроме 13-го механизированного корпуса¹) оказались вместе в премилом «живописном лесном уголке», и тем более пора действовать, а не любоваться красотами окружавшей Болдина природы. И как раз на этом благоприятном для контрудара месте генерал Болдин, не переставая восхищаться окружающей природой, вдруг пишет [28]:

«Время уходит, а мне так и не удается выполнить приказ Павлова о создании ударной конно-механизированной группы».

¹ По имеющимся скудным данным, штаб 13-го механизированного корпуса находился в 15 километрах юго-западнее Бельска. Командир корпуса генерал-майор Ахлостин Петр Николаевич (который, кстати говоря, вступил в должность только в конце мая 1941 года) к моменту начала войны еще не возвратился со штабных учений, которые проходили в Белостоке (нашли время проводить штабные учения). Все распоряжения по боевой тревоге в этот период отдавал его заместитель генерал-майор Иванов В.И. Сам командир корпуса прибыл в свой штаб только к середине дня 22 июня (1941 года). С самого начала боевых действий корпус потерял связь со штабом 10-й армии и с командованием ЗапОВО и вынужден был действовать самостоятельно по усмотрению его командира. Да и управление соединениями и частями корпуса осуществлялось преимущественно посредством мотоциклетной связи, так как все остальные средства связи с началом боевых действий были потеряны.

Уважаемый читатель, вы понимаете что-нибудь из «Страниц жизни»: под боком у Ивана Болдина мощная механизированная группировка во главе с ее «обаятельным» командиром, в состав которой входят самые лучшие для того времени танки, а он (то есть Болдин) никак не может создать КМГ? Несмотря на то, что кроме Болдина и некоторые другие авторы приводят пафосные фразы типа *«силы были неравны»* или *«10-я армия вступила в неравное сражение с превосходящим противником»*, это объединение не сыграло сколь-нибудь значительной роли в отражении агрессии, в том числе и благодаря «кураторству» заместителя командующего ЗапОВО генерала Болдина. 10-я армия в конечном итоге была окружена, перестала существовать как оперативное объединение, и ее разрозненные части самостоятельно выходили из окружения. Вышел из окружения совершенно невредимым и сам Болдин. Что касается «неравного сражения», то подобных «жалоб» скорее нужно было ожидать от немцев, учитывая, что в составе 10-й армии имелось примерно 1800 единиц бронетехники, а у немцев в полосе ответственности этой армии танков не было вообще. Однако ни одному историку не удалось обнаружить подобных сетований со стороны немцев.

«Шедевр» Болдина производит исключительно тяжелое впечатление, но он еще раз подтверждает прописную истину, что воюют не танки и не пушки, а командиры, соединения, части, экипажи, расчеты, офицеры и солдаты. Решающим фактором для успешного выполнения поставленной задачи и достижения победы выступают не оружие и боевая техника, а люди, их подготовка, выучка, сплоченность, боевой дух, верность воинскому долгу и морально-психологическое состояние, высокая требовательность, инициатива и решительность командиров. Как следует из имеющихся материалов, нет никаких оснований усомниться в наличии у Болдина значительных сил и средств для успешного выполнения возложенной на него за-

дачи или заподозрить командиров выделенных в состав КМГ частей и соединений в неумении управлять своими войсками. Однако есть все основания заподозрить генерала Болдина в трусости, преднамеренном саботаже приказов наркома обороны, начальника Генерального штаба и командующего ЗапОВО, а также в действиях по созданию врагу наиболее благоприятных условий для разгрома советских войск. Отдавая боевой приказ о создании КМГ, командующий ЗапОВО полагал, что имеет дело с боевым генералом и преданным Родине человеком, а не с паршивым ефрейтором, а тем более с саботажником, но действительность оказалась иной.

Можно понять возможную обиду Болдина за то, что его, опытного военного начальника и командующего Одесским военным округом, поставили на вторую роль в ЗапОВО, что и отмечается в исторической литературе [41]:

«Болдин так и не смирился с тем, что он, старший по возрасту и по опыту, как он полагает, вынужден подчиниться “испанскому выскочке” (то есть Павлову), хотя сам ранее командовал округом. Дмитрий Григорьевич несколько раз хотел сказать ему, что военная судьба переменчива. Но прежде чем это желание свершилось, Болдин ему надоел».

Приведенные в повествованиях современных писателей факты свидетельствуют, что эта обида носила характер внутреннего (не выходящего на публику) конфликта между Болдиным и Павловым, как будто в этом назначении Болдина виноват Дмитрий Григорьевич. При этом Болдин свою обиду поставил выше воинского долга, чести офицера и интересов государства. К тому же он был единственным советским военным начальником, который «вылил ушат грязи» на голову казненного генерала Дмитрия Григорьевича Павлова.

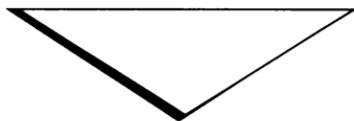
Еще одна исключительно важная деталь в действиях Болдина состоит в том, что он сбежал из штаба ЗапОВО не в гущу сражений, как и надо было сделать боевому генералу,

а в самое тихое и безопасное место в тех конкретных условиях, а именно в Белосток, в штаб 10-й армии, как будто бы ему кто-то заранее сообщил, что там он как минимум несколько дней будет в безопасности. И действительно, если взглянуть на карту, представленную на рис. 6, то становится ясно, что этот район в соответствии с немецкими планами вторжения оказался в стороне от активных боевых действий. Кроме того, дальнейшее бездействие Болдина с формированием КМГ наталкивает на мысль, что он получал необходимые инструкции, что делать, а чего не делать с неправильной стороны фронта.

Вот какую зловещую роль в судьбе Павлова сыграл его первый заместитель. Плохо Дмитрий Григорьевич разбирался в людях, не тому человеку он доверил столь ответственное для судьбы нашей страны и для него лично задание.

Последнюю точку в судьбе Павлова, безусловно, поставили нарком обороны Тимошенко и начальник Генерального штаба Жуков. Ни в коем случае не снимая вины с Павлова за трагедию 22 июня, даже учитывая несоответствие его уровня компетенций должности командующего ЗапОВО, все же не вызывает сомнений, что весьма значимую роль в этой трагедии сыграли оба указанных должностных лица. Ответственность за неправильное решение оперативно-стратегических вопросов, ошибочный прогноз и оценку ситуации, безусловно, лежит на них, и, по-хорошему, вину за последствия в первую очередь нужно было возложить на них обоих. Однако нарком обороны и начальник Генерального штаба, спасая свою шкуру (а как еще иначе можно это квалифицировать), поставили дело так, что всю ответственность за трагедию 22 июня они возложили на командующего ЗапОВО, генерала Павлова и его заместителей, за исключением первого заместителя генерала Болдина, который в первый же день войны, как уже известно, сбежал из штаба округа.

ПОВТОРЕНИЕ — МАТЬ УЧЕНЫЯ (и сестра занудства)

Самое верное средство ошибаться — это считать себя непогрешимым.

П. Бауст

Теперь, после подробного рассмотрения важнейших составляющих боевой готовности, можно с высоты новых знаний переосмыслить основную и общеизвестную причину трагедии 22 июня, которая заключается в том, что Сталин в результате грубых стратегических просчетов запретил приводить войска в (полную) боевую готовность и предпринимать иные действия, которые Гитлер мог бы расценить как провокационные. И вот эта трагедия почти без изменений повторилась на Брянском фронте (на воронежском направлении) тоже в июне, но 1942 года. То есть похожие события на Брянском фронте произошли ровно через год после начала войны, когда роль боевой готовности была уже слишком очевидна, когда самому последнему профану стало понятно значение объективной оценки стратегической ситуации и когда советские командиры и начальники (а также бойцы) получили приличный боевой опыт.

Как известно, 28 марта (1942 года) Гитлер принял предложения к плану летней кампании 1942 года, основная идея которого (плана) состояла в стремительном прорыве немецких войск на Кавказ и к Волге в районе Сталинграда. Основной удар по этому плану, который получил название «Блау»,

должна была наносить специально создаваемая для этого группа армий «Вейхс» в стык 40-й и 13-й армий Брянского фронта в направлении на Воронеж. Готовясь к этой стратегической операции, немцы на глазах у советских командиров и начальников всех уровней и рангов в течение трех месяцев подряд проводили следующий комплекс масштабных (то есть вполне заметных и очевидных) мероприятий:

- переброска большого количества войск боевой техники, вооружения, боеприпасов, оборудования и материально-технических средств в районы сосредоточения и на направления (главных) ударов;

- пополнение «потрепанных» в предыдущих боях соединений, включенных в ударные группировки, личным составом, оружием, боевой техникой и вооружением¹;

- систематическая рекогносцировка местности и разведка советской обороны, в том числе и разведка боем.

Кроме того, Верховное главное командование фашистской Германии в короткие сроки изменило систему управления войсками с учетом целей и задач предстоящей операции, в частности создало две группы армий (кроме группы армий «Вейхс»):

- группу армий «А» в составе 17-й полевой армии и 1-й танковой армии под командованием генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа для наступления на Кавказ;

¹ Экономические и мобилизационные возможности фашистской Германии не позволяли в течение весны 1942 года полностью восстановить боеспособность всех привлекаемых к летней кампании соединений. Поэтому имеющиеся ограниченные ресурсы в спешном порядке были направлены преимущественно на те ударные группировки, которые должны были действовать на южном крыле Восточного фронта. Из имеющихся документальных материалов следует, что советское военно-политическое руководство имело общее представление об этой экономической и мобилизационной проблеме Германии, но правильных выводов из этого опять не сделало.

▪ группу армий «Б» в составе 2-й и 6-й полевых армий и 4-й танковой армии под командованием генерал-фельдмаршала Федора фон Бока для прорыва к Волге.

В течение этих трех месяцев подготовки к наступлению немецкие штабы систематически занимались тщательным планированием, то есть изготавливали сотни килограмм (или даже тонны) секретных и совершенно секретных документов.

В отличие от плана «Барбаросса», судьба на этот раз была более благосклонной к советскому командованию, и некоторые ключевые документы по предстоящему масштабному наступлению немцев попали в руки разведки Юго-Западного направления¹ 19 июня 1942 года, то есть все же за 10 дней до его (наступления) начала. Таким образом, и у Сталина, и у командования Юго-Западным направлением, и у командующего Брянским фронтом были все исходные данные, чтобы хотя бы не допустить каких-либо «сюрпризов» со стороны Гитлера. И все же, несмотря на все эти исключительно благоприятные факторы, произошло следующее:

Во-первых, немцы на узком участке Брянского фронта ухитрились, так же как и в июне 1941 года, «незаметно» создать сильную ударную группировку в составе 22 дивизий, в том числе четырех танковых и трех моторизованных.

Во-вторых, удар, который нанесла группа армий «Вейхс» в полосе ответственности Брянского фронта, оказался для советского командования таким же неожиданным, как это случилось в том самом июне 1941 года. К исходу первого дня наступления немцы прорвали нашу оборону на глубину до 12 километров, а на вторые сутки продвинулись до 35 километров на ширине фронта в 40 километров.

¹ В Юго-Западное направление, которое возглавлял бывший нарком обороны маршал Тимошенко, входили Брянский, Юго-Западный и Южный фронты.

В-третьих, вся имеющаяся у Брянского фронта стальная устрашающая армада в более чем 1600 танков в этом сражении оказалась совершенно бесполезной и беспомощной, точно так же, как это произошло год назад, то есть в июне 1941 года.

В-четвертых, наступление немцев развивалось столь же стремительно, как и год назад, и они таки дошли до Волги и до Кавказа, то есть, так же как и в 1941 году, продвинулись далеко на восток и оккупировали обширные территории Страны Советов.

Как такое могло случиться в июне 1942 года, кто именно мог помешать советским войскам дать достойный отпор противнику? И этот вопрос вполне уместен, так как у Брянского фронта были все возможности не только для оказания достойного отпора группе армий «Вейхс», но и для ее полного разгрома. Действительно, к середине июня (1942 года) Брянский фронт оказался одним из самых боеспособных на всем советско-германском фронте, так как в его составе имелось пять общевойсковых армий (61, 3, 48, 13 и 40-я), одна танковая (5-я) и одна воздушная (2-я) армия. Кроме того, он располагал самыми сильными из всех советских фронтов резервами, а именно двумя кавалерийскими корпусами (7 и 8-м), четырьмя стрелковыми дивизиями, четырьмя танковыми корпусами¹ (1, 3, 4 и 16-м) и четырьмя отдельными танковыми бригадами (14, 115, 116, 170-й).

Если брать основную ударную силу той войны — танки, то в распоряжении у генерала Голикова (командующего Брянским фронтом) имелось чуть более 1600 танков, что, несомненно, позволяло ему «справиться» практически с любой

¹ По некоторым данным, два танковых корпуса из состава 5-й танковой армии также находились в резерве у командующего Брянским фронтом, но эта деталь общую картину не меняет.

немецкой ударной группировкой. По крайней мере, Гитлер вряд ли мог набрать такое количество танков в 1942 году на всем Восточном фронте.

Наиболее ярким показателем драматизма событий, развернувшихся на воронежском направлении в июне 1942 года, стало одно из распоряжений Сталина, которое он лично передал командующему Брянским фронтом 30 июня (1942 года). Не скрывая раздражения, Сталин напомнил генералу Голикову о подавляющем превосходстве Брянского фронта перед немцами в бронетанковой технике и о необходимости разумно использовать это превосходство [79]:

«Запомните хорошенько. У вас теперь на фронте более 1000 танков, а у противника нет и 500 танков.

Это первое, и второе: на фронте действия трех танковых дивизий противника у вас собралось более 500 танков, а у противника 300—350 танков самое большое.

Все теперь зависит от вашего умения использовать свои силы и управлять ими по-человечески. Поняли?»

Более того, выяснилось, что на направлении главного удара в районе Горшечное у немцев действовала только одна танковая дивизия и две моторизованные, а не три танковые, как это сказано в распоряжении Сталина. То есть примерно сто немецких танков буквально раздавили советскую стальную лавину в 500 танков, которые при этом по своим тактико-техническим характеристикам явно превосходили устаревшие немецкие машины. До какого же уровня бездарности нужно дойти, чтобы через год после начала войны потерпеть такое унижительное поражение?

В попытках найти причины поражения Брянского фронта сразу же нужно отбросить в сторону различные фантастические гипотезы типа «виноваты Черчилль и Рузвельт, помешало землетрясение или цунами», а ответ на этот вопрос нужно искать в следующих оценках объективной реальности.

1. В результате грубых стратегических просчетов Ставки удар немцев летом 1942 года ожидался в полосе Западного фронта в направлении на Москву. Соответственно, Ставка именно с этих позиций ориентировала деятельность фронтов, определяла их структуру, состав и вооружение, планировала подготовку войск. Хуже всего было то, что с учетом общей неверной стратегической оценки, навязанной Ставкой, в том числе и Брянскому фронту, предпочтение при подготовке летней кампании 1942 года отдавалось не объективным разведывательным данным, а тем, которые совпадали с мнением Ставки. То есть опять полностью копировался пагубный, угоднический, а точнее — холуйский подход июня 1941 года, и, таким образом, рушились последние связи между стратегическим планированием и реальной стратегической ситуацией.

2. Ни один командующий фронтом, в том числе и Брянским фронтом, не мог без разрешения Ставки перемещать сколь угодно значительные силы и средства. Не могли командующие, по своему усмотрению, исходя из реальной обстановки, создавать фронтовые резервы, определять оперативное построение войск фронта. Поэтому, даже если согласиться с мнением некоторых историков, что генерал Голиков (командующий Брянским фронтом) правильно понимал и оценивал ситуацию и перспективы ее развития, он тем не менее вынужден был организовывать деятельность вверенных ему войск в духе ошибочных стратегических воззрений Ставки. Таким образом, стратегические просчеты Ставки трансформировались в грубые ошибки и на оперативном уровне и далее переносились на тактический.

3. Ни Ставка, ни командующий Юго-Западным направлением¹ (в состав которого входил и Брянский фронт) по каким-

¹ У командующего Юго-Западным направлением маршала Тимошенко сложились далеко не теплые отношения с генералом Голиковым еще с тех времен, когда последний руководил Главным разведывательным управлением Генерального штаба и докладывал Сталину

то причинам не информировали руководство Брянского фронта о катастрофической ситуации под Харьковом¹, о внезапных ударах «невесть откуда взявшейся» крупной группировки немецких войск, об окружении и уничтожении трех советских армий (6, 9 и 57-й) в Барвенковском выступе. Тем самым у командующего Брянским фронтом создавалась иллюзия благополучия на южном крыле вверенного ему фронта и он не имел целостного представления о развитии ситуации на всем Юго-Западном направлении с тем, чтобы активно и настойчиво влиять на стратегическое планирование, исходя из более реальной, чем у Ставки, оценки противостоящего противника.

4. После успешного контрнаступления под Москвой Ставка пребывала в состоянии полной эйфории и самонадеянно планировала изгнать захватчиков с территории нашей Родины к концу 1942 года [58]. Поэтому вместо подготовки прочной обороны на участках предполагаемых ударов, что было особенно важно для Юго-Западного направления, Ставка ставила войскам наступательные задачи, тем самым намеренно снижая их оборонительный потенциал и при этом еще «расхолаживая» личный состав войск.

К чему в конечном итоге привели все эти стратегические просчеты и ошибки?

разведывательную информацию, минуя и начальника Генерального штаба, и наркома обороны (то есть Тимошенко). Интриги Голикова против Тимошенко сыграли свою роль в расформировании Юго-Западного направления и в отстранении Тимошенко от должности.

¹ Сталин разрешил операцию по освобождению Харькова в мае 1942 года на основании хвастливых обещаний Хрущева и Тимошенко, не удосужившись лично вникнуть в расстановку сил на этом стратегическом направлении. В результате этой авантюры потери советских войск только пленными составили 240 тысяч человек, что существенно облегчило немцам реализацию плана «Блау» по наступлению на Кавказ и к Волге.

Во-первых, несмотря на то, что командование Брянским фронтом уделяло достаточное внимание обороне [77]:

«Более слабой оказалась оборона в полосе 40-й армии, где не были еще так развиты инженерные сооружения, а тактическая плотность войск была меньшей, чем в других армиях».

То есть самой слабой оборона Брянского фронта оказалась именно на направлении главного удара группы армий «Вейхс», что и предопределило успех ее наступления на воронежском направлении.

Во-вторых, значительные резервы Брянского фронта были сконцентрированы на его правом фланге, то есть достаточно далеко (более 100 км) от направлений главных ударов немцев, и не могли быть своевременно введены в действие. Особый перекося согласно воззрениям Ставки был сделан в пользу правого фланга 61-й армии, примыкавшей к Западному фронту, и где Ставка ожидала активных действий с немецкой стороны. Суть перекося состояла в том, что эта армия была самой многочисленной и самой сильной на Брянском фронте. При этом она занимала самую узкую полосу по фронту, не более 70 километров. Остальные, менее сильные, армии Брянского фронта отвечали за участки фронта протяженностью 100—120 километров, то есть минимум в полтора раза больше, чем 61-я армия. Кроме того, в ее составе имелась достаточно мощная танковая группировка почти в 300 единиц, в том числе 45 КВ и 66 Т-34. В тылу 61-й армии кроме бронетанковых соединений располагался хорошо укомплектованный и абсолютно «свежий» 7-й кавалерийский корпус [77].

С учетом же фронтовых резервов, на правом фланге Брянского фронта, там, где от немцев никакой опасности не исходило, была сосредоточена мощная танковая группировка численностью более 1000 боевых машин, которая в той войне была способна решать оперативные задачи любого масштаба.

В-третьих, продвижение немецкой ударной группировки, в которой насчитывалось около 800 танков, на относительно узком участке обороны могла остановить или хотя бы задержать наша противотанковая артиллерия, однако [77]:

«Из-за стратегических ошибок Ставки и тактических просчетов командармов плотность противотанковой артиллерии в полосах 15-й стрелковой дивизии 13-й армии, 121-й и 160-й стрелковых дивизий 40-й армии, оборонявшихся на стыке этих армий и испытавших самый мощный удар противника, не превышала 3—4 орудий на 1 км фронта. Артиллерийских противотанковых резервов в дивизиях не было».

Не вызывает сомнений, что никакой героизм не в состоянии остановить стальную лавину в 800 танков, если у него (героизма) в распоряжении имеется лишь несколько противотанковых пушек, а о резервах он (героизм) может только мечтать.

В-четвертых, прикрытие нашей обороны с воздуха практически отсутствовало, так как [77]:

«Штатные артиллерийские батареи стрелковых дивизий почти не имели орудий и зенитных пулеметов, а большинство зенитных частей усиления использовались для прикрытия тыловых объектов. Наша авиация качественно и количественно значительно уступала противнику и также не могла обеспечить надежного прикрытия своих войск».

В результате такого отношения к ПВО немцы перед началом наступления массированными авиационными ударами подавили даже те незначительные противотанковые артиллерийские средства 40-й армии, которые могли бы хоть как-то задержать немецкие танки.

Народная мудрость гласит, что у каждой ошибки есть конкретная фамилия, и нам остается понять, кто же скрывается за этой вездесущей, вечно ошибающейся и ничего не разбирающейся в стратегических вопросах Ставке [77]:

«Так просчеты Ставки и лично И.В. Сталина предопределили логику событий в сражении на воронежском направлении».

И тут выясняется, что Ставка — это и есть тот самый «мудрый» Сталин, благодаря усилиям которого три советских западных военных округа были наголову разгромлены немцами в июне 1941 года и который создал наиболее благоприятные условия Гитлеру для разгрома войск Брянского фронта (а также Юго-Западного фронта) уже в июне 1942 года. Никакая боевая готовность, подготовка войск, талант и умелые действия командиров и военных начальников не в состоянии компенсировать столь чудовищное деградирующее влияние бездарного вождя, который облек себя в образ Ставки.

Конечно, вину Сталина хотя бы частично можно было бы переложить на некоторых советских военных начальников, тем более, что весомые основания для этого имеются. В частности, некомпетентность командующего 40-й армии генерала М.А. Парсегова как военного начальника видна невооруженным глазом [77]:

«Стрелковые дивизии первого эшелона 40-й армии располагались почти равномерно. Второй эшелон армии (одна стрелковая дивизия и две стрелковые бригады) находились в 40—60 км от переднего края. Части генерала М.А. Парсегова не подготовили оборонительных рубежей ни в тактической, ни в оперативной глубине, артиллерийские противотанковые резервы и противотанковые резервы не создавались вовсе».

Сам же командующий 40-й армией вместе со своим штабом находился в глубоком тылу своих войск. Ни он, ни его заместители ни разу не побывали в стрелковых дивизиях, а задачи соединениям ставили только по карте, имея смутное представление о реальной обстановке на передовой. И вот при всем при этом генерал Парсегов перед самым наступлением немцев на вопрос командующего Брянским фронтом

«Как оцениваете свою оборону?» хвастливо заявил: «Мышь не проскочит».

Тут даже неспециалисту ясно, что генерал явно несет какую-то чушь. Не хочется проводить параллели с немецкими генералами (а также фельдмаршалами), которые с переднего края «не вылезали», и все же для ясности придется привести короткую выдержку, которая характеризуют стиль работы немецких военных начальников [81]:

«Роммель же, как и Гудериан, старался всегда находиться на передовой, чтобы четко представлять себе картину боя, учитывать все возможное и необходимое, — и успех сопутствовал ему. Предпосылкой успеха такой роли военачальника являлось то, что он непосредственно на месте получал необходимую информацию и мог лично отдавать приказы своим полковым командирам в соответствии с меняющейся обстановкой. Роммель сам был острием копья, занесенного для удара».

Итак, в отличие от Эрвина Роммеля (а также Гудериана и многих других немецких военных начальников) у командующего 40-й армией, судя по всему, даже и мысли не возникло лично вникнуть в суть оперативной обстановки и хотя бы в первом приближении понять перспективы ее развития. После такого угнетающего описания «достоинств» командующего 40-й армией у непосвященного читателя неизбежно возникнет образ злобного врага народа, который «свалился с луны» и делает все возможное, чтобы помешать «добродушному и доверчивому» товарищу Сталину громить ненавистного врага.

В этой связи хотелось бы сразу предостеречь всех тех, у которых, возможно, сложилось такое ошибочное представление. Генерал Парсегов не с луны свалился, и его на должность командующего 40-й армией назначил не Черчилль, не Рузвельт и даже не Гитлер, а именно тот самый «добродушный и доверчивый» товарищ Сталин. Во-вторых, чита-

тель должен знать, что Парсегов Михаил Артемьевич — настоящий боевой (а не паркетный) генерал и звание Героя Советского Союза он получил заслуженно за личную доблесть, проявленную в ходе советской агрессии против Финляндии в 1939—1940 годах. В-третьих, нужно признать, что Парсегов — великолепный специалист, но в артиллерийском деле, что не одно и то же, как быть хорошим общевойсковым командиром. За всю свою блестящую карьеру (до назначения на должность командующего 40-й армией) он ни одной минуты не занимался общевойсковыми вопросами, тем более на уровне крупного оперативного объединения.

Не виноват Парсегов в том, что Сталин назначил его на должность командующего армией. Сталин, Ворошилов, Молотов, Берия и все прочие сталинские палачи в свое время физически истребили всех знающих, талантливых и способных военных начальников, а когда вопреки их эйфорическим обещаниям война все же ворвалась в наш дом, пришлось хоть кого-то ставить на высшие военные посты. К несчастью для Парсегова, который, кстати говоря, был назначен на эту должность в конце апреля 1942 года, то есть за два месяца до начала немецкого наступления на воронежском направлении, он не смог за этот короткий период превратиться из отличного артиллериста хотя бы в посредственного общевойскового начальника.

В оправдание Парсегова нужно сразу признать, что, скорее всего, и Господь Бог не смог бы за два месяца освоить такую сложную должность, а не то что смертный человек. И вот ожидаемый результат: 3 июля (1942 года) Сталин отстранил Парсегова от должности и как полностью бесперспективного военного начальника отправил его на Дальний Восток руководить там артиллерией. Тем самым Сталин расписался в своей некомпетентности в кадровых вопросах, не говоря уже о военных.

ЭКОНОМИМ КРОХАМИ, А ПРОМАТЫВАЕМ ВОРОХАМИ

Иногда кратчайший путь на юг лежит по дороге, ведущей на север.

Китайская мудрость

В соответствии с целями исследования осталось определить, насколько адекватно Гитлер и Сталин оценили военнополитическую обстановку того времени, основываясь на имеющихся у них исключительно объективных и достоверных данных. Сейчас не вызывает сомнений тот факт, что оба фатально ошиблись, поэтому главное в таком анализе состоит в том, чтобы выявить эти ошибки и вскрыть причины их возникновения.

Так как в любой сложной деятельности (а руководство государством — это, безусловно, самый сложный вид деятельности) ошибки и просчеты неизбежны, то в приведенном анализе речь идет о фатальных с точки зрения проблемы 22 июня ошибках. Там, где уместно, отмечаются и иные существенные просчеты, но которые все же не были решающими в смысле предмета исследования.

НАЧАЛО КОНЦА (ошибка Гитлера)

Идя на бой, готовься к пораженью,
Нет лавров у судьбы победу увенчать.
Молчат оракулы и ложь те откровенья,
Что пифии должны нам прорицать.

Джеймс Томсон.

Город жуткой тьмы¹

Как бы мы ни относились к общефилософским законам развития природы и общества, которые открыли и сформулировали сотни лет тому назад великие мыслители, но феномен 22 июня еще раз подтверждает их объективный характер и неотвратимость действия. Главная ошибка нацистской верхушки при оценке объективных данных с военно-политической точки зрения состояла в том, что не был принят во внимание один из основных законов философии, а именно закон перехода количества в качество, хотя Гитлер располагал всей необходимой информацией, чтобы предвидеть результаты его действия по двум направлениям.

Во-первых, суть молниеносной войны заключается в достижении тактической внезапности, быстром прорыве обороны противника и стремительном продвижении танковых (механизированных) соединений, не считаясь с потерями и невзирая на открытые фланги. Успешный прорыв и быстрое продвижение необходимо немедленно использовать для окру-

¹ Перевод с английского. В оригинале:
To sense that every struggle brings defeat
Because Fate holds no prize to crown success;
That all the oracles are dumb or cheat
Because they have no secret to express.

James Thomson. The City of Dreadful Night. 1882.

жения войск противника концентрическими ударами с целью последующего расчленения и уничтожения окруженных группировок. Краеугольным моментом в этом кратком и внятном изложении является обязательное сочетание тактической внезапности и быстрого продвижения ударных группировок — без тактической внезапности невозможен эффективный прорыв обороны и, соответственно, последующее быстрое продвижение ударных группировок. В этой связи крупнейший идеолог танковой войны Гудериан считал, что артиллерийская подготовка только вредит достижению внезапности и поэтому в случае реализации принципов танковой войны ее проводить нецелесообразно [26]. В то же время он придавал большое значение авиационной поддержке ударным танковым группировкам при прорыве обороны и их последующем продвижении в глубь обороны противника.

В качестве основы для разработки теории молниеносной войны служили исследования австрийского генерала Эймансбергера, который ввел термин «танковая война» в одноименной книге, изданной в Мюнхене в 1934 году. В своих исследованиях он исходил из огромных масштабов будущей войны, в которой примут участие массовые армии, вооруженные большим количеством танков, авиации, артиллерии и других боевых средств. Однако, обосновывая общевойсковой характер и значительные масштабы будущих войн, а также необходимость развития всех родов войск, Эймансбергер считал ключевым и решающим родом сухопутных сил танки. Все прочие рода войск, по его мнению, должны были лишь содействовать танкам и использовать их достижения. Только танк способен противостоять силе современного огня, преодолеть его и привести к решающей победе. Пехоту он рассматривал как второстепенный и маломощный род войск, в задачу которого могло входить лишь пленение противника, уцелевшего после наступления танковых войск.

Корни стратегии танковой войны лежат в Первой мировой войне, когда на поле боя наряду с авиацией (и, конечно, артиллерией) впервые появились танки и сразу проявились их уникальные боевые возможности. Благодаря талантливой организации боевых действий со стороны немецких военных начальников, учитывающей реальные условия боевого применения и особенности оперативной обстановки, стратегия танковой войны прекрасно себя оправдала в «ухоженной» Западной Европе на относительно небольших территориях при оккупации Германией Польши и Франции в 1939—1940 годах. Забегая далеко вперед, приходится признать оперативную грамотность Гудерина и его способность стратегического предвидения. Через несколько десятков лет эту тактику буквально так, как она была изложена в 30-х годах (прошлого столетия), блестяще и с ошеломляющим успехом применил Израиль в 1967 году в ходе так называемой шестидневной войны с Египтом на Синайском полуострове. При этом Египет, как наверняка догадается читатель, имел значительное численное преимущество перед Израилем и располагал лучшей боевой техникой советского производства¹, но тем не менее потерпел сокрушительное поражение.

Однако, как известно, самые «красивые» стратегические планы остаются лишь бумагой, если их реализация не подкреплена материально-техническим обеспечением (далее МТО), в первую очередь боеприпасами, горюче-смазочными

¹ На вооружении египетской армии стояли лучшие по тем временам советские танки Т-55 (мощная броневая защита и пушка калибра 100 мм), а Израиль располагал устаревшими машинами Второй мировой войны, а также небольшим количеством американских танков М-48 (или «Патон 48») разработки 1950 года с пушкой калибра 90 мм. Однако в любой войне, а тем более в танковой, решающую роль играет не качество боевой техники (в данном случае танков), а качество командиров и экипажей.

материалами и продовольствием. И это требование наиболее актуально для танковой войны в связи с высокими темпами продвижения ударных группировок и существенным усложнением решения задач МТО, что обусловлено растягиванием линий снабжения, не говоря уже об условиях местности. И в этом случае, как, впрочем, и во всех других, количественные характеристики танковой войны могли достигаться только в пределах некоторого круга качественных условий. Диалектический подход неизбежно наталкивал на мысль, что в целом правильная идея молниеносной войны может разбиться вдребезги о «мелкие, но острые камешки» некоторых уникальных геополитических факторов, отличных от тех, которые характерны для Западной Европы.

Философское противоречие между быстрыми темпами продвижения ударных группировок и отставанием служб МТО начало проявляться уже в ходе вторжения Германии во Францию. Достаточно вспомнить, что из-за нехватки боеприпасов и топлива для наступающей бронетанковой техники Роммель в ходе своего рейда при «прощупывании» обороны противника вынужден был остановить свою 7-ю танковую дивизию в 50 километрах за линией фронта — дистанция малосущественная для бескрайних просторов СССР. Да и Израиль столь блистательной победы над Египтом в июне 1967 года добился на территории, которая по площади не сравнима даже с зоной ответственности советских приграничных военных округов на границе с Германией. Фактически на Синайском полуострове не могло быть и речи о стратегической глубине обороны, так как она составляла не более 150 километров. Поэтому главные оперативные задачи в той шестидневной войне были решены израильскими танковыми группировками уже в первый день операции.

Таким образом, исходя из соотношения между глубиной обороны и возможностями по продвижению ударных тан-

ковых группировок, следовало ожидать, что фактор тактической внезапности нападения Германии на СССР при увеличении глубины фронта и растягивании линий снабжения на многие сотни километров¹ начнет постепенно «угасать» и на первый план выступят стратегические преимущества обороняющейся стороны. И действительно, в ходе вторжения Германии в Советский Союз по мере расширения линии фронта и увеличения его глубины, а также усложнения территории и ухудшения климатических условий ситуация начала качественно меняться. Так, для обеспечения действий 2-й танковой армии² Хайнца Гудериана по мере ее продвижения к Туле в сентябре — ноябре 1941 года немцам пришлось пойти на крайние меры, и топливо для танков они сбрасывали в бочках с транспортных самолетов, так как задачу снабжения ударных танковых группировок не удавалось решить успешно с помощью автоколонн. Достаточно почитать мемуары немецких танковых мастеров и командиров, которые знали ситуацию не понаслышке, чтобы увидеть, что по мере удаления от 22 июня 1941 года в их описаниях исчезают термины, характерные для молниеносной войны в целом и танковой в частности.

Весьма примечательна в этом плане оценка хода наступления второго дня (а не второго месяца), которую дает командующий 3-й танковой группы Герман Гот в своей знаменитой монографии «Танковые операции» [24]:

¹ Гитлер планировал дойти до Урала, и тогда протяженность линий снабжения составила бы несколько тысяч километров.

² 2-я танковая группа была переименована в армию 5 октября 1941 года, но новое название не добавило Гудериану ни одного лишнего танка и ни одного лишнего солдата. Вслед за этим 25 октября в армию была переименована 1-я танковая группа генерал-полковника Эвальда фон Клейста, а 3-я и 4-я танковые группы были переименованы в армии 1 января 1942 года.

«После огромного успеха, достигнутого в первый день наступления, события второго дня не оправдали ожиданий. Причина — не действия противника и не ошибки наших войск и командования, а трудности, связанные с условиями местности. Моторизованным соединениям предстояло в этот день продвигаться по холмистой песчаной местности, покрытой густым девственным лесом, по местности, где, пожалуй, еще не появлялась автомашина. Все обозначенные на карте шоссе, ведущие с запада на восток, оказались полевыми дорогами. Движение по ним (особенно автомашин французского производства) было почти невозможно. Машины, проходя по глубокому песку или преодолевая крутые подъемы, все время застревали и останавливали всю следующую за ними колонну, так как возможность объезда на лесных дорогах полностью исключалась. Колонны становились длиннее, продвижение медленнее. Даже слабое сопротивление противника, оказываемое головным подразделениям, вынуждало всю колонну останавливаться на длительное время, ибо о развертывании и думать было нечего».

Исключительно тяжелую картину развития событий в ходе наступления немецкой 2-й танковой армии на Тулу после того, как Гудериан 26.10.1941 отдал своим войскам соответствующий приказ, описывает Франц Куровски¹ на основании собранных им материалов² [19]:

¹ Франц Куровски (17.11.1923 — 28.05.2011) — видный немецкий писатель. В годы Второй мировой войны служил в Африканском корпусе под командованием Эрвина Роммеля. Автор многочисленных работ по теме Второй мировой войны.

² В книге собраны свидетельства и воспоминания лучших немецких танковых мастеров Курта Книспеля, Карла Николусси-Лека и Германа фон Оппельн-Брониковски, а также документальные материалы о боевых действиях с их участием.

«Установилась теплая погода, и проходившие машины превращали дорогу в грязное болото. Танки постоянно застревали в глубоких ямах, их приходилось вытаскивать... Немецкие танки стреляли sporadически, поскольку боеприпасов осталось мало. Из-за глубокой грязи смогли пробиться лишь немногие грузовики с припасами... Пройти не представлялось возможным, немецкие наступающие силы были слишком слабыми. Причина этой слабости была не в предшествовавшей обороне русских, решающим фактором стала глубокая, липкая грязь. Именно она затормозила все продвижение. Не хватало боеприпасов. Подбитые танки невозможно было отремонтировать, поскольку ремонтники не могли добраться до них... В итоге немногие оставшиеся танки встали из-за отсутствия горючего».

В приведенном описании также обращает на себя внимание тот факт, что его автор не жалуется на «упорное» сопротивление советских (в тексте русских) войск, которое без цифр и фактов представлено во многих ура-патриотических повествованиях. Суть происходившего состояла в том, что реальные технические характеристики бронетанковой и иной техники в тех конкретных природно-климатических и географических условиях не позволяли немецким танковым и механизированным группировкам продвигаться в принципе. В результате в ноябре 1941 года о молниеносной войне пришлось забыть напрочь, и ранним утром 06.12.1941 в 15 километрах южнее Тулы, в Ясной Поляне, генерал-полковник Гудериан принял решение прекратить наступление (без согласования с Гитлером)¹. Он был вынужден отвести передовые части 2-й танковой армии и перейти к обороне, чтобы сохранить основные силы своего объединения.

¹ За что и был вскоре отстранен от должности и отправлен в Германию.

Схожую оценку роли пространства и климата дают и представители других военных профессий (не танкисты). Так, сотрудник разведывательного отдела 8-го армейского корпуса, входившего в битве под Сталинградом в пресловутую 6-ю армию вермахта, Иоахим Видер проводит такую параллель между нашествием в Россию Наполеона в 1812 году и вторжением в СССР фашистской Германии [30]:

«Зловещее русское пространство еще раз поглотило сотни тысяч людей. Несмотря на трагический опыт Наполеона, снова были в ужасающем масштабе игнорированы элементарные факторы — географический и метеорологический. Современное суеверие, будто с помощью машин и моторов можно совершить невозможное и преодолеть опасности, которые таят в себе безграничные пространства, также способствовало нашей катастрофе».

Приведенные Видером довольно жесткие термины — «проигнорированы элементарные факторы — географический и метеорологический» — необходимо воспринимать исключительно применительно к высшим руководителям фашистской Германии и непосредственно к Гитлеру. Как было уже отмечено ранее, профессиональные военные при разработке планов вторжения эти «элементарные» факторы поставили чуть ли не на первое место. Дилетантское и легкомысленное отношение нацистской верхушки к исключительно сложным проблемам неопределенности исхода сражений стратегического масштаба и учета природно-климатических и географических условий подтверждает реакция Гитлера на доклад генерала Паулюса (заместителя начальника главного штаба сухопутных сил) о трудностях снабжения войск в зимних условиях [36]:

«Эту болтовню... я не намерен больше слушать. Никакой зимней кампании не будет. В этом отношении вы можете положиться на мое дипломатическое искусство. Нашей армии

нужно только нанести русским несколько хороших ударов... Тогда выяснится, что русский колосс стоит на глиняных ногах. Я категорически запрещаю говорить при мне о зимней кампании!»

Тем не менее, несмотря на заверения Гитлера, зимняя кампания все же наступила, и много написано на тему пагубного воздействия русских морозов на немецкую армию. Все эти аргументы сводятся примерно к следующей формулировке [38]:

«Однако германская и чехословацкая¹ бронетанковая техника оказалась совершенно не приспособленной к условиям эксплуатации в условиях низких температур...

Внедорожники, как и другие германские автомобили и танки, создавались для европейских условий (имеется в виду — для условий Западной Европы), и их эксплуатация в сорокаградусный мороз не предполагалась. Масла и дизельное топливо в условиях низких температур загустевали, а личный состав германской армии просто не имел опыта по оперативному «оживлению» замороженной техники».

Весьма показательна в этом отношении история со служебным автомобилем командующего Западным фронтом, то есть Г.К. Жукова. В конце 1941 года он сменил отечественный ГАЗ-61 на германский штабной «Хорьх»². Этот автомо-

¹ Хотелось бы еще раз напомнить читателю, что значительная (то есть более одной трети) часть танков в составе немецких ударных группировок была чешского производства. Все они имели слабое бронирование (лобовая броня 25 или 35 мм) и вооружение (пушку калибра 37 мм). Говорить об их готовности к эксплуатации при низких температурах вообще не приходится.

² Жуков понимал толк в роскошных автомобилях, а «Хорьх» в ту пору был, пожалуй, самым роскошным. Именно этот автомобиль предпочитали высшие нацистские чины, в частности Геринг, Гиммлер, Борман и Риббентроп. Хотелось бы обратить внимание читателя на тот факт, что «маршал победы», несмотря на свою «исключитель-

бил имел полный привод, отопление салона, антиобледенители лобового и заднего стекла и, конечно, очень мягкий ход. Однако в сорокаградусный мороз на фронте мотор «Хорьха» заглох, после чего в колонну сопровождения командующего фронтом стали брать и отечественный ГАЗ-61 [38].

Если говорить четким военным языком, то немецкая автобронетанковая техника никоим образом не отвечала условиям ведения войны даже на европейской части Советского Союза.

Влияние природно-климатических условий на боевые действия не имеет каких-либо национальных, этнических или партийных границ, и от бездорожья в равной степени страдали и советские войска, что убедительно подтверждает следующее описание хода переброски танковой бригады Катукова из Кубинки в район поселка Чисмены (под Волоколамском) в октябре 1941 года [48]¹:

«Танки и штабные машины с трудом пробирались по разбитым проселочным дорогам. Даже “тридцатьчетвертки” садились днищем на междуколейные бугры.

Это был тяжелейший марш. Танки, густо копя, надсадно ревели, выбираясь из глубоких колдобин».

Вероятно, многим читателям покажется банальным следующее утверждение, но климатические и природные условия в жизни человека всегда играли решающую роль, и это в пол-

ную» занятость государственными делами, вывоз из Германии несколько (не один и не два, а больше) автомобилей марки «Хорьх», видимо подаренных ему побежденными руководителями Третьего рейха. И это при том, что за мародерство в Германии был расстрелян не один десяток советских офицеров.

¹ Как утверждает Катук, он планировал перебросить бригаду по шоссе на дорогах через Москву (видимо, по Минскому и Волоколамскому шоссе), но некий генерал из штаба (Западного) фронта, должность и фамилию которого он в своих мемуарах не называет, потребовал организовать движение по проселочным дорогам напрямую от Кубинки до поселка Чисмены.

ной мере относится и к военной сфере. Для иллюстрации зависимости хода и исхода боя от природной среды и климата можно привести малоизвестный, но весьма поучительный исторический факт разгрома римской армии германскими племенами. Это уникальное событие произошло в сентябре девятого года нашей эры в Тевтобургском лесу (в западной части современной Германии). Три римских легиона общей численностью около 37 тысяч человек, которыми командовал Квинтилий Вар, были наголову разгромлены германскими племенами под руководством сына вождя херусков Арминия, который имел в своем распоряжении в четыре раза меньше сил, чем римский полководец¹.

Историки и специалисты объясняют это невиданное в истории Римской империи поражение двумя крайне неблагоприятными для римлян факторами природного характера. Во-первых, рельеф и иные условия местности лишали римлян их основного тактического преимущества, то есть согласованных действий подразделений в годах отработанных боевых порядках. Во-вторых, непогода, принявшая в то время крайние формы, сделала римское войско неповоротливым и небоеспособным: сильные ливни и бури, а также низкие температуры чрезвычайно затрудняли движение и действия римских легионов, промокшие щиты римлян потеряли свои боевые характеристики, грязь не давала возможности продвигаться воинам в тяжелых доспехах. В то же время легко вооруженные германцы перемещались быстро, что обеспечивало им преимущество в маневре

¹ Здесь необходимо пояснить, что римляне в ту пору широко практиковали призыв на службу в свои вооруженные силы мужчин из покоренных территорий. Таким образом, Арминий, будучи юношей, оказался в римской армии и получил хорошую военную подготовку. Однако не должно быть никаких сомнений в том, что по уровню боевой подготовки и опыту управления войсками он не мог равняться с профессиональным полководцем Квинтилием Варом.

силами. Римские легионы, идеально подготовленные к сражениям в хороших климатических условиях, на равнине при относительно статичном характере боя, оказались полностью не приспособленными к маневренным боевым действиям в непогоду на пересеченной и лесистой местности.

Ситуацию для Квинтилия Вара серьезно усугубляло и то, что его войско полностью лишилось «огневой» поддержки, так как намокшие от дождя луки римлян совершенно потеряли боеспособность. Дело в том, что для изготовления тетивы римского лука шли сухожилия животных. Такой лук был великолепным оружием в сухую погоду, но при воздействии влаги тетива полностью теряла упругость и лук превращался в бесполезную палку. Благодаря этому германцы могли с близкого расстояния безнаказанно забрасывать своих противников дротиками и легкими копьями, нанося им сильный урон.

В результате трехдневного сражения Римская империя впервые за всю свою историю потеряла 10 % своих вооруженных сил¹, и это сокрушительное поражение им нанесли находящиеся в численном меньшинстве неграмотные, необученные и слабо вооруженные крестьяне из германских племен, а не сильная, подготовленная и хорошо оснащенная армия, типа карфагенской². Двадцатый век и применение

¹ Оставшиеся в живых римские офицеры и сам Квинтилий Вар покончили жизнь самоубийством, чтобы не попасть в плен к германцам.

² Потери римлян в битве при Каннах (на юге Италии) в 216 году до н.э. оцениваются в 60 тысяч человек. Но это поражение римскому войску нанесла сильнейшая в мире армия, подготовленная, обученная и закаленная в боях под предводительством талантливого полководца Ганнибала, а не толпа безграмотных крестьян. Примененные в этой битве Ганнибалом двойные фланговые удары с последующим охватом и окружением группировки войск противника вошли в классику оперативного искусства.

для вооруженной борьбы танков, машин и самолетов только усилили влияние природно-климатических факторов на ход и исход сражения: сложные условия местности и непогода сводят на нет боевые возможности самолетов и танков, что подтверждают уже события межвоенного периода.

Перенесемся из Тевтобургского леса на южный фас Курской дуги в район Белгорода и посмотрим на ход планирования операции «Цитадель» глазами командующего (немецкой) 4-й танковой армией генерал-полковника Германа Гота [46]:

«Для развертывания сразу нескольких крупных бронетанковых соединений найти относительно ровный участок местности оказалось нелегко. Территория, на которой закрепились войска 6-й гв.(ардейской) А(рмии) генерал-лейтенанта И.М. Чистякова в конце марта, была сложной — равнина, пересеченная большим количеством глубоких оврагов и балок, со значительным числом сел и хуторов. Кроме того, на ее левом крыле, перед фронтом (немецких) 2-го тк¹ СС и правым флангом 48-го тк, находились долины рек Ворскла и ее притока Ворсклицы с болотистой поймой, а в центре, перед фронтом 48-го тк, притоки р.(еки) Пены. Таким образом, долины этих рек уже сами по себе являлись серьезным естественным препятствием для наступления (немецкой ударной группировки) с юга в направлении Курска».

Из этого нерадостного для немецких генералов описания следует, что местность на направлении главного удара Белгород — Обоянь — Курск при правильном, даже не очень масштабном инженерном укреплении станет непреодолимым противотанковым препятствием.

Завершая оценку влияния природно-климатических условий на боевую готовность вооружения и (боевой) техники,

¹ Тк — танковый корпус.

хотелось бы привести малоизвестный (даже «выдающимся» историкам), но исключительно впечатляющий факт, характеризующий пригодность британского танка «Матильда» к русским условиям [52]:

«8 декабря. Павлов. На всех Матильдах надо заменить пневматическую передачу¹ на механическую. Уже вышли из строя пневматические передачи на 13 танках. При низких температурах выйдут и остальные. Конструирование механической передачи никому пока не поручено и заказом не оформлено. Срочно добиться постановления ГКО² на разработку механической передачи и изготовление ее на 112-м заводе».

Нет сомнений, что применение пневматического усилителя управления трансмиссией — это не просто технический прогресс, — это серьезное улучшение технических характеристик боевой машины, но для соответствующих условий эксплуатации — не русских. Действительно, танк «Матильда» проектировался для действий в пустынной местности — на севере Африки, и, соответственно, его ходовая часть была не пригодна для действий в лесистой и тем более болотистой местности, особенно при отрицательных температурах, необязательно низких, и поэтому советские танкисты хлебнули с этим танком немало горя [56]:

«Наша 233-я танковая бригада 17 сентября (1943 года) была введена в бой на правом берегу реки Десны. Наступление на Рославль развивалось медленно. Во-первых, противник сопротивлялся отчаянно, а во-вторых, танки “Матильда” для действий в лесисто-болотистой местности оказались абсолютно непригодными. Эти машины предназначались для

¹ Речь идет о пневматическом усилителе управления трансмиссией.

² ГКО — Государственный Комитет Обороны — высший орган военного управления в СССР в годы войны.

использования в пустынях Африки. Какая “умная голова” в Москве решила их сюда направить — осталось загадкой. Дело в том, что у названного английского танка ходовая часть полностью закрыта фальшбортом¹ с рядом “окошек” небольшого размера в его верхней части. В пустыне через последние с траков свободно сыпался песок. В смоленских лесах и болотах за фальшборты набивалась грязь и корни деревьев. Гусеницу практически заклинивало. Даже мотор глох. Приходилось через каждые 4—5 километров останавливаться и очищать ходовую часть ломом и лопатой».

Уважаемый читатель, как вы себе представляете уровень боевой готовности танкового соединения, если через каждые 4—5 километров необходимо «останавливаться и очищать ходовую часть (танка) ломом и лопатой». А как же быть на поле боя, когда ходовую часть заклинит и танк потеряет ход? Хотелось бы предостеречь особенно патриотично настроенных граждан нашей страны от критики в адрес британцев. Они этот танк делали не для Советского Союза, а для себя, чтобы воевать с фашистами в Северной Африке, и там он (то есть танк) со своей задачей успешно справился. Сталин мог бы эту боевую машину и не брать, и не передавать в войска, но он брал потому, что танк «Матильда» по многим характеристикам оказался не хуже знаменитого советского КВ [57]:

«Пехотный танк Mk. II “Матильда” является образцом среднего танка тяжелого бронирования. По своим основным параметрам он в целом не уступает танку КВ и выгодно отличается от последнего меньшей массой и несколько лучшей безотказностью в работе трансмиссии.

В настоящее время рассматривается вопрос по перевооружению танка Mk. II “Матильда” отечественной 76-мм тан-

¹ Фальшборт обеспечивал защиту трансмиссии от повреждений, а также дополнительную броневую защиту экипажа танка.

ковой пушкой обр. 1941 г. для полного уравнивания его возможностей с возможностями танка КВ.

Вывод: Практику очернения танков союзников и распространения им обидных кличек “каракатица”, “шарманка” прекратить; заказ танков Мк. II “Матильда” продолжать».

Судя по отчету в адрес начальника Главного автобронетанкового управления РККА Якова Николаевича Федоренко, британский танк вполне пригоден к современной войне (того времени), особенно если учесть, что он в начальный период войны оказался практически неуязвимым для немецких пушек. Из отчета также следует, что танк «Матильда» пригоден к эксплуатации даже в суровых российских условиях, но, видимо, с учетом некоторых природных и климатических факторов. И это понимание мы действительно находим в том же не вызывающем сомнений источнике, а именно в записи от 17 декабря 1941 года [52]:

«Вывод: 3. “Матильды” задержать до марта (это ведь африканская машина)».

Совершенно очевидно, что в Главном автобронетанковом управлении РККА очень хорошо знали «африканское» предназначение танка «Матильда» как минимум с декабря 1941 года, а вот какой именно «умник» направил эти боевые машины британского производства в лесисто-болотистую местность России, выяснить так и не удалось.

Необходимость учета природно-климатических условий при планировании войны с Советским Союзом была тем более актуальна, что даже в европейской части СССР они по характеру серьезно отличались от среднестатистических для территории Польши, Франции и Бельгии. Соответствующим образом следовало пересмотреть требования к технике, вооружению и материально-техническому обеспечению войск. Гитлер не учел все эти, казалось бы, мало значимые для обывателя, но не для полководца обстоятельства, хотя вся необ-

ходимая для этого информация была открыта и вполне доступна.

Если же говорить о ширине фронта, то убедительную характеристику ее решающего негативного влияния на темпы продвижения танковых ударных группировок дает Герман Гот, описывая обстановку на начало июля 1941 года, то есть всего через две недели после начала войны [24]:

«Перед фронтом наступления группы армий “Север” обстановка к этому времени сложилась следующим образом. Танковый корпус, входивший в состав войск южного крыла, повернул на Опочку и был остановлен противником, упорно оборонявшим старые пограничные укрепления. Другой танковый корпус этой группы армий, наступая на Псков, 3 июля натолкнулся под Островом на линию укреплений, которая была прорвана 4 июля. В этом районе 5 и 6 июля разгорелись упорные бои.

Таким образом, три танковые группы, входившие в состав войск центра и северного крыла немецкой армии, оказались распыленными на 750-километровом фронте, причем по мере продвижения немецких войск этот участок растягивался бы еще больше. На оперативный простор вышла только одна 3-я танковая группа».

Понимание роли ширины фронта убедительно вытекает и из результатов контрнаступления советских войск под Москвой в 1941 году. Если верить сталинской пропаганде, то гитлеровцы понесли колоссальные потери в живой силе и технике: «Все подмосковные поля и дороги были устланы трупами немецких солдат и офицеров, загромождены разбитой и брошенной немцами бронетанковой и иной военной техникой». То есть перед нами впечатляющая картина полного и сокрушительного разгрома немецкой армии, и, казалось бы, путь на Берлин открыт — еще три, от силы четыре недели, и советские войска окажутся в «логове фашистского зверя».

И эти шапкозакидательские настроения Сталина были официально зафиксированы в директивном письме Ставки Верховного главнокомандования, которое было оформлено в соответствии с его дилетантскими взглядами на сложившуюся стратегическую ситуацию, и исключительно на основе его собственного разума [58]:

«Наша задача состоит в том, чтобы не дать немцам этой передышки, гнать их на запад без остановки, заставить их израсходовать свои резервы еще до весны, когда у нас будут новые большие резервы, а у немцев не будет больше резервов, и обеспечить таким образом полный разгром гитлеровских войск в 1942 году».

Конечно, трудно найти нормального гражданина Советского Союза, который бы не хотел разгрома фашистской Германии уже в 1941 году, а не только в 1942-м, но ведь одного желания, как известно, мало, и достоверно известно, что последние две недели декабря (1941 года) войска Западного фронта под руководством Жукова вели ожесточенные бои, но не смогли продвинуться ни на миллиметр, а не то что прорвать оборону немцев на рубеже рек Лама и Руза, — о каком разгроме немецких войск в 1942 году можно было вести речь.

Если отбросить пропагандистские приемы с «огромным» количеством трупов немецких военных и разбитой техники врага, то, во-первых, бросается в глаза фанатичное сопротивление немецких войск, о чем советская пропагандистская машина предпочитала помалкивать. Однако фанатизм — это нематериальная субстанция, которая не поддается точной количественной оценке. А вот как оценивают специалисты сложившуюся в конце декабря ситуацию под Москвой точным военным языком [38]:

«Протяженность линии фронта становилась существенным фактором в повышении устойчивости (немецкой) обо-

роны. И потому не случайно германское командование, выбирая тыловую позицию на рубеже Орел, Курск, Гжатск, Ржев, стремилось в максимально возможной степени спрятать фронт, чтобы в любом случае его длина была значительно меньше той, что занимали войска группы армий «Центр» в тот момент».

В результате правильного выбора новых рубежей оборонной оперативная плотность двух немецких танковых армий к 20 декабря увеличилась до 6,1 километра на одну дивизию, то есть в два с лишним раза больше по сравнению с началом контрнаступления, когда этот показатель составлял величину 12,6 километра на одну дивизию. Даже с учетом понесенных немцами потерь это очень неплохой показатель для организации устойчивой обороны.

Наконец, для понимания влияния ширины фронта на оперативно-стратегическую ситуацию остается обратиться к мнению одного из самых компетентных и талантливых стратегов того времени, а именно генерал-фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Оценивая ситуацию, сложившуюся летом 1942 года на южном театре войны, он обращает внимание на тот факт, что силы двух немецких группировок — Сталинградской и Кавказской — оказались распыленными на весьма обширном фронте наступления. Причем между этими двумя группировками образовалась брешь в 300 километров, которую прикрывала только одна дивизия, так как других сил у вермахта в тех условиях для этого просто не было. На основании этого очевидного факта Манштейн делает следующий вывод [34]:

«Попытки удерживать в течение сколько-нибудь длительного времени столь растянутый фронт не могла не привести к роковым последствиям».

Дотошный читатель может заметить, что это все оперативные детали, которые возникли в силу многих неподви-

денных обстоятельств. Это действительно так, как справедливо и то, что, начиная шахматную партию, вы не можете предсказать даже второй ход противника, не говоря уже об остальных. Неужели Гитлер надеялся, что на прямой линии фронта протяженностью три тысячи километров никогда за всю войну не появятся участки произвольной конфигурации, которые вынудят его расплыть силы сверх всяких допустимых норм?

Все эти рассуждения, связанные с шириной фронта и протяженностью коммуникаций, сводятся к тому, что при тех показателях, которые сложились и объективно не могли не сложиться даже в европейской части СССР, нечего было и мечтать о таких темпах наступления, которые были достигнуты при оккупации немцами Польши и Франции. Это, в свою очередь, неизбежно вело к затяжной войне, которую Гитлер выиграть не мог по определению. Эти же оценки в явной форме сформулировали и специалисты вермахта при предварительном анализе перспектив войны с Советским Союзом, но они показались Гитлеру малозначащими.

Изучая материалы того времени, бросается в глаза, что Гитлер вместо того, чтобы сформировать для себя ясную стратегию ведения войны с Советским Союзом, занимался оперативными планами, то есть тем, в чем он вообще не разбирался и чем должны были заниматься только узкие профессионалы, которых в Германии хватало.

То есть Гитлер уже вел масштабные боевые действия на нескольких фронтах, но при всем при этом еще развязал войну с Советским Союзом. Неудивительно, что время от времени возникала необходимость переброски значительных сил и средств с одного фронта на другой. Так, когда у немцев появились трудности в 1942 году на Сталинградском направлении, Гитлер забрал у Роммеля (командующего итало-немецкими войсками в Северной Африке) всю авиацию и две

танковые дивизии. Такое решение вполне попадает под известную русскую поговорку «Ни два ни полтора». На самом деле если учесть, что почти 80 % всех грузов, направляемых для снабжения немецких войск в Северной Африке, британцы пускали на дно Средиземного моря и уничтожали на сухопутных коммуникациях, то Гитлер заранее обрек Роммеля на полный разгром, каким бы талантливым полководцем он (Роммель) ни был.

Фактически войска, которые Гитлер оставил в Северной Африке, без необходимого снабжения и пополнения погибли бесславно и совершенно напрасно, не решив ни одной оперативной задачи. По-хорошему, надо было либо полностью отказаться от помощи Муссолини и все войска, включая и итальянские, направить на Восточный фронт, либо создать необходимые условия, чтобы хотя бы на этом театре военных действий добиться успеха, прорваться к Суэцкому каналу и захватить наконец нефтеносные районы на Ближнем Востоке, как это изначально и было задумано. Для этого, правда, пришлось бы воздержаться от стремительного наступления на Сталинград и Кавказ, усилить группировку своих войск в Северной Африке и организовать их надежное и беспрерывное обеспечение. Однако Гитлера больше привлекала символическая ценность взятия города, носившего имя Сталина, чем материальная — захват нефтяных районов на Ближнем Востоке.

В результате Гитлер «погнался за двумя зайцами» и его войска были разгромлены и под Сталинградом, и в Северной Африке, не говоря уже о том, что один из выдающихся и наиболее преданных ему полководцев (то есть Эрвин Роммель) перебрался в лагерь заговорщиков.

Второе направление, также обусловленное действием уже упомянутого закона диалектики, связано с качественным эффектом использования значительных ресурсов даже

при низком уровне управления государством и вооруженными силами. Например, низкая производительность труда в СССР компенсировалась неисчерпаемой дешевой рабочей силой и привлечением к производству всего без исключения трудоспособного населения, включая даже кормящих матерей, в чем, видимо, и проявилась забота «родной» коммунистической партии о подрастающем поколении. Все оборонные предприятия в Советском Союзе, в отличие от немецких, работали в три смены без выходных, и, таким, образом Советский Союз в несколько раз превосходил фашистскую Германию по объему выпускаемой оборонной продукции. Создавалось впечатление, что СССР готовился к войне не только со всеми странами на планете Земля, но еще и с Марсом и Венерой вместе взятыми.

Здесь можно привести очень много цифр и фактов, но для понимания действия закона перехода количества в качество в данном случае достаточно сравнить производство основной ударной силы Второй мировой войны, то есть танков. Итак, в СССР с 1940 по 1945 год было произведено почти 120 тысяч танков и самоходных артиллерийских установок. Только танков Т-34 всех модификаций за этот период было выпущено почти 57,5 тысяч единиц¹. К этому внушительному числу даже в рамках планеты Земля следует еще добавить несколько десятков тысяч танков, выпущенных в течение последней предвоенной пятилетки и которые были бездарно потеряны в первые недели войны. Фашистская же Германия в период с 1938 по 1945 год выпустила не более 27 тысяч танков, из которых около 1500 единиц танков «Тигр» разной модификации. Таким образом, именно это колоссальное численное превосходство Советского Союза над фашистской

¹ Танковый завод в Нижнем Тагиле в 1944 году достиг уровня производства в две тысячи танков Т-34 в месяц.

Германией компенсировало чудовищно бездарное управление Советским государством и его вооруженными силами.

Важнейшим фактором для перелома ситуации в пользу обороняющейся стороны стало также обладание Советским Союзом в неограниченных количествах всеми мыслимыми природными ресурсами, которые Германия вынуждена была ввозить чуть ли не со всего мира. В целом оценка Гитлером и нацистской верхушкой экономической составляющей предстоящей войны остается самой неясной и труднообъяснимой. Так, Гитлер не мог не знать, что к июню 1941 года в вооруженных силах СССР насчитывалось около 30 тысяч танков, то есть Сталин располагал совершенно фантастической стальной армией, которая была создана исключительно советской экономикой, без привлечения внешней помощи. Германия же к этому моменту располагала только 5600 танками, из которых почти 40 % было выпущено на чешских предприятиях «Skoda» (в Пильзене) и «СКД» (в Праге). Можно даже согласиться с расчетами Гитлера, что, выделив для Восточного фронта около 3700 танков, он за первые два месяца войны сможет уничтожить половину советских танков, то есть будет уничтожать по 250 советских танков ежедневно. В действительности Советский Союз в течение первых двух месяцев войны потерял даже больше, почти 20 тысяч танков, то есть в среднем ежедневно из состава советских вооруженных сил «исчезали» 330 танков.

Однако Гитлер не мог не понимать, что потери в собственных бронетанковых войсках также неизбежны, и действительно, к декабрю 1941 года Германия потеряла почти все свои танки, которые участвовали во вторжении. Таким образом, средние потери Германии составили чуть более 20 танков в день, что в 16 с лишним раз меньше, чем для советских вооруженных сил, но вполне предсказуемая цифра, учитывая интенсивность и масштабы боевых действий. То

есть при планировании такой войны следовало рассчитывать на ежедневную убыль хотя бы в 10—15 танков, даже если не учитывать банальные потери от поломок и невозможности эвакуации танков, застрявших в болотах, реках и трясинах, о которых Гитлеру докладывали профессиональные военные.

Практически та же ситуация складывалась и в отношении второй важнейшей составляющей современной войны, а именно авиации. Гитлер не мог не знать об огромных потерях своих ВВС в битве за Британию, которые не покрывались производством самолетов немецкой авиационной промышленности. Почему же он решил, что потери авиации в более масштабной и жестокой войне против Советского Союза окажутся меньшими? Неужели Гитлер и Геринг не понимали тех суровых условий, в которых предстояло работать немецким ВВС: частые перебазирования на большие расстояния, полеты с плохо подготовленных площадок, значительная протяженность линий снабжения горюче-смазочными материалами, боеприпасами, запасными частями и материалами, а также плохо изученная территория и даже отсутствие точных топографических карт.

Эти сложные условия ведения боевых действий приводили в первую очередь к большим небоевым потерям в немецких ВВС, которые в среднем на 13 % превышали боевые¹. Говоря простым языком, на каждые 100 немецких истребителей, потерянных в боях, немцы теряли еще 113 самолетов из-за разных поломок и аварий, не связанных с боевыми действиями, например при перелетах и посадках на неподготовленные площадки.

¹ Небоевые потери в советских ВВС были еще больше: на каждые 100 самолетов, потерянных в бою, Советский Союз терял 158 машин по причинам, никак не связанным с боевыми действиями.

И действительно, если взять для примера один месяц — июль 1941 года, то убыль (включая и небоевые потери) только истребителей Вф.109 на Восточном фронте составила 294 единицы. Еще 229 сильно поврежденных самолетов пришлось отправить в средний и капитальный ремонт [86]. Таким образом, общие потери истребителей за месяц составили 523 единицы, или чуть более 16 самолетов в день, что и не удивительно при интенсивных боевых действиях. Поставки же новых Вф.109 в этом месяце составили 250 единиц, 115 самолетов поступило из ремонта, то есть общий объем поставок составил 365 единиц. Таким образом, баланс между убылью и поставками оказался минус 185 самолетов. И это только один месяц и только истребители, которые, как известно, не могут летать без летчиков.

В результате к концу ноября 1941 года количество исправных истребителей у немцев на Восточном фронте сократилось в три раза по сравнению с началом вторжения в СССР, и к декабрю 1941 года ВВС фашистской Германии полностью потеряли господство в воздухе. На этом фоне исключительно впечатляющее выглядят объемы выпуска советских истребителей, что неуклонно вело к наращиванию советской авиационной группировки. Так, за 1941 год в СССР было выпущено истребителей [86]:

- 1354 — Як-1;
- 2463 — ЛАГГ-3;
- 3100 — Миг-3.

То есть общий объем выпуска истребителей составил 6917 машин, которые практически все пошли на Западный фронт. Авиационная же промышленность фашистской Германии выпустила в 1941 году только 2964 истребителя, включая и ночные, то есть более чем в два раза меньше, чем СССР. Причем в 1941 году на Восточный фронт была направлена меньшая часть новых немецких истребителей.

Соответственно, грамотный стратег должен был бы сопоставить возможности экономики обеих сторон по воспроизводству бронетанковой и авиационной техники и восполнению потерь, а в случае с Советским Союзом понять, что у Германии не было никаких перспектив. Почему это не было сделано — предмет отдельного специального исследования.

Кроме неоспоримых преимуществ по природным ресурсам и масштабам производства вооружения и боевой техники сталинский режим превосходил нацистов еще в одной очень важной сфере. Эта сфера включает идеологическое воздействие на население первого в мире социалистического государства и всеобъемлющее, не подвластное никаким человеческим законам, лишенное всякой морали и поставленное выше даже сталинских законов давление на советских людей со стороны колоссального, не имеющего аналогов в мировой истории карательного аппарата¹.

В этой точке следует напомнить, что сталинский режим держался исключительно на принуждении и насилии, что особенно ярко проявилось в феноменальных масштабах дезертирства в советских вооруженных силах. Даже из официальных источников следует, что цифра эта семизначная. Так, в известном исследовании «Гриф секретности снят» указано, что за всю войну с 1941 по 1945 год «пропали без вести, попали в плен и неучтенные потери — 4 454 709» [35].

Нужно отдать должное авторам этого исследования за умение применять эвфемизмы, чтобы скрыть от читателей масштабы морального разложения сталинского режима.

¹ Не ставя под сомнение деятельность репрессивной машины в фашистской Германии, необходимо все же признать, что нацисты в этой области по сравнению со Сталиным выглядят как котятка на фоне тигра. В этой связи трудно осуждать законодательные органы Латвии, которые советскую символику, в частности серп и молот, приравняли к фашистской свастике.

Во-первых, сколько именно военнослужащих из этой немислимой цифры в 4,5 миллиона человек, равной всей ударной группировке фашистской Германии на границе с СССР в июне 1941 года, попали в плен?

Если учесть, что, по данным этого же источника, из плена вернулось 1836 тысяч человек, то этот вопрос тем более уместен, так как в «минусе» остается не менее 2,6 миллиона человек. Весьма поучителен в этом отношении доклад отдела «Иностранные армии Восток» от июня 1942 года, посвященный оценке мобилизационных возможностей Советского Союза. Из доклада следует, что потери СССР в войне с Германией на конец мая 1942 года (а не на конец мая 1945 года) составили [63]:

- 3,6 миллиона пленных;
- 1,7 миллиона убитых;
- 1,8 миллиона инвалидов.

Если к этим цифрам добавить 430 тысяч убитых и инвалидов в результате советской агрессии против Финляндии, то общие потери СССР, опять же только на конец мая 1942 года, составили 7,53 миллиона человек¹. Создается впечатление, что авторы советского исследования двух, а то и трех потерянных считали за одного.

Можно также много рассуждать по поводу приведенных выше низких показателей возвратившихся из плена советских военнослужащих, но весьма убедительное объяснение этому феномену дают немецкие источники [37]:

«...среднегодовая смертность среди них (советских военнопленных) не достигала и двух процентов — цифра, которая

¹ Немцы эти исследования проводили не ради развлечения или оправдания, а чтобы очень близко к истине оценить потенциальную численность советских вооруженных сил. То есть работа была исключительно ответственной, и поэтому нельзя было допустить никаких приписок.

представляется очень низкой, если учесть, что значительная часть пленнх попадала в наши руки тяжело раненными или в совершенно изможденном состоянии. Доказательством того, что мы хорошо обращались с пленными, было их собственное поведение во время высадки советского десанта под Феодосией. Там находился лагерь, в котором было около 8000 пленнх, охрана которых бежала. Однако эти 8000 человек отнюдь не бросились в объятия своих «освободителей», а, наоборот, отправились маршем без охраны в направлении на Симферополь, то есть к нам».

Легко представить, что ждало возвратившихся в лоно сталинского режима советских военнопленнх: скорее всего, не более двух процентов отделались бы штрафным батальоном, а остальные наверняка подлежали расстрелу — какой же здравомыслящий человек будет в таких условиях вырываться из плена. И это вовсе не гипербола — по подсчетам историков, только по приговорам военных трибуналов, то есть официально, в советских вооруженных силах было расстреляно 15 дивизий (не рот и даже не полков, а дивизий), дивизий, которые могли бы сражаться за Родину, но которые погибли от рук своих. Авторы героических эпопей о защите Брестской крепости стыдливо замалчивают тот факт, что почти все уцелевшие защитники этой твердыни погибли в концентрационных лагерях, но не немецких, а советских, — так Родина (если сталинский режим можно назвать Родиной) отплатила им за героизм, стойкость и самопожертвование.

А во-вторых, что стоит за формулировкой «неучтенные потери, и «пропали без вести» — они что, сквозь землю провалились? Ведь люди — это все же не фантики от конфет — можно ошибиться на несколько человек, на несколько сотен военнх, даже на несколько тысяч, но речь в данном случае идет об ошибке в несколько миллионов солдат, офицеров и даже генералов. У Сталина нашлись силы и средства

на особистов, смершевцев, заградителей и политработников — продовольствием и обмундированием их обеспечивали по высшим нормам. А вот для учета потерь в собственных вооруженных силах, не говоря уже об организации ритуальных мероприятий, у сталинского режима ресурсов не нашлось.

Особое умиление вызывает формулировка «были призваны вторично в Вооруженные Силы — 939 тысяч» [35]. По-хорошему, этот без малого один миллион человек дезертировал из войск¹, а затем всех этих «защитников родины», чтобы не расстреливать, все же заставили воевать за товарища Сталина.

Но даже если рассматривать только вернувшихся из плена, то трудно поверить, что все они — без малого два миллиона человек — попали в плен раненые, в бессознательном и беспомощном состоянии. Ни в коем случае не оправдывая дезертирство и добровольную сдачу в плен, хочется все же задать вопрос: а что можно было ожидать от безграмотных крестьян и рабочих (бывших крестьян), которые всю жизнь голодали и жили в нищете, и при этом их заставляли каждый день по сто раз восхвалять «великого вождя и отца всех народов» и даже «большого ученого» и «друга детей»? И этот гегемон социалистической революции, едва освободившись от царского крепостного права, попал в тиски сталинского крепостного режима.

Поднимая столь деликатный вопрос о дезертирах, предателях и пленных, нужно ясно осознавать, что пленными и предателями они стали не по своей воле, а в результате тройного предательства на государственном уровне. Во-первых, Сталин не только не предупредил советские войска о готовящемся массированном вторжении Германии, но и сделал

¹ Понятно, что дезертировало значительно больше, но кого-то не смогли найти, а некоторых, видимо, все же расстреляли.

все возможное, чтобы не допустить организованного отпора немецким ударным группировкам. Во-вторых, он заставил свои войска сражаться без оружия, боеприпасов, горюче-смазочных материалов и другого обеспечения. В-третьих, Сталин оставил на произвол судьбы в многомиллионных «котлах» целые армии, не принял абсолютно никаких мер к выводу их из окружения, преспокойно просидев у себя на даче в то время, когда гибла целая профессиональная армия и когда надо было принимать самые решительные меры.

И вот миллионы советских военнослужащих, которые по вине Сталина и из-за его капризов попали в плен, Сталин назвал предателями. Для оправдания своей бездеятельности, бездарности и своего предательства он создал чудовищную систему фильтрации советских войск, выходящих из окружения, к деятельности которой были привлечены сотни тысяч тех самых сотрудников органов государственной безопасности, которые специализировались на фальсификации дел по врагам народа и прочим вредителям. Сказать, что это кощунство, — значит ничего не сказать.

Представьте себе, уважаемый читатель, советских воинов, вырвавшихся из окружения без боеприпасов и продовольствия, израненных и истекающих кровью, изможденных, обмороженных, оборванных и измученных. И тут их встречают упитанные, хорошо одетые, отоспавшиеся дяди, которые из кожи вон лезут, чтобы доказать, что каждый вышедший из окружения военнослужащий предатель, и таким образом объяснить, почему же «гениальный» Сталин не смог предупредить катастрофу 22 июня. Все это происходило в тот момент, когда гибла советская армия, враг стремительно приближался к Москве и на счету была каждая минута, каждый солдат и каждый штык для организации обороны. Тем не менее Сталин отвлекал колоссальные людские, материальные и временные ресурсы только для того, чтобы

превратить в предателей и дезертиров вышедших из плена и вырвавшихся из окружения советских военнослужащих и тем самым оправдать свое предательство. Можно бесконечно изучать историю войн и государств, но невозможно обнаружить подобных зверств главы государства по отношению к своим войскам.

Кроме всего прочего, объективную почву для дезертирства в самом начале войны обильно орошали панические настроения в верхах. Так, в первый же день войны (то есть 22 июня 1941 года) из Белостока, который находился в 80 километрах от границы, сбежали абсолютно все представители советской власти: руководящий состав НКВД и Наркомата государственной безопасности и, конечно, партийные руководители. Для их срочного бегства на восток (вместе с женами и детьми), а также для перевозки личного имущества нашлись и водители, и машины, и бензин, то есть все те ресурсы, которых так не хватало войскам, как об этом сетуют советские историки. И вся эта паника в местных органах власти происходила на виду у советских солдат и офицеров — что же они должны были подумать?

Бегство советских партийных чиновников из белорусских административных центров было столь стремительным, что из имеющегося партийного имущества они успевали прихватить с собой только партийную кассу. В результате в руки немецких карателей попали полные списки членов большевистской партии, проживавших в Западной Белоруссии, чем и объясняется, что большинство рядовых коммунистов, фигурировавших в этих списках, было расстреляно немцами в первые же дни оккупации. И вот эти спасшиеся бегством трусы, мерзавцы и предатели не понесли никакого наказания за свои преступные деяния. Более того, Сталин таких подонков направлял на партийно-политическую работу, чтобы они своим примером вдохновляли советский народ на раз-

гром врага. Все это лицемерие, попустительство и фактически измена не могли не укрыться от глаз миллионов рядовых граждан нашей Отчизны, формируя у них соответствующий моральный настрой и отношение к служебному долгу.

На проблему дезертирства можно взглянуть с другой стороны, отойти от традиционной оценки его масштабов «по людям» и применить очень объективный показатель, который хорошо подтверждается документальными материалами, а именно количеством совершенно исправной трофейной советской боевой техники, принятой на вооружение в немецких войсках. Этот ошеломляющий и беспристрастный показатель не зависит от политических убеждений и идеологических воззрений историков, и к тому же он наряду с прочим позволяет оценить «вклад» в дезертирство тех советских командиров, начальников и руководителей, которые обязаны были по долгу службы добиться, чтобы эта боевая техника была:

- во-первых, применена по ее прямому назначению по противнику — до последнего снаряда, до последней капли крови;
- во-вторых, своевременно и заблаговременно вывезена, эвакуирована, доставлена в расположение своих войск, чтобы вновь обратить ее по противнику;
- в-третьих, уничтожена, выведена из строя, приведена в негодное состояние, чтобы не досталась врагу.

Можно приводить показатели по советским трофейным танкам или даже самолетам, но особенно впечатляет принятие на вооружение немцами советской дивизионной пушки Ф-22 (калибра 76,2 мм) образца 1936 года¹ [80]. После ряда

¹ С самого начала войны немцы (неожиданно) столкнулись с проблемой борьбы с советскими танками Т-34 и КВ, которые имели отличное противотанковое бронирование. Изучив советскую трофейную пушку Ф-22, немецкие инженеры признали ее высокий за-

доработок под немецкие стандарты советская артиллерийская система получила обозначение Pak 36(r). Немцы «выпускали» эту артиллерийскую систему в больших количествах в буксируемом и самоходном вариантах. Только в мае 1942 года немецкие войска получили 576 самоходных артиллерийских установок (Мардер II и III) с артиллерийской системой Pak 36(r), и это означает, что в течение 1941 года немцы захватили в качестве трофеев огромное количество исправных советских пушек Ф-22. То есть в руки немцев попало такое количество этих пушек, которое сделало рентабельным их модернизацию и повсеместное принятие на вооружение. Соответственно, немцы наладили и производство боеприпасов для этой артиллерийской системы: за всю войну их было выпущено более четырех миллионов штук.

Вероятно, для большинства читателей будет интересно узнать, что 68 советских пушек Ф-22 (без доработок) было переброшено в Северную Африку. Именно эти артиллерийские системы в сочетании с легендарной немецкой зенитной пушкой Flak 36/37 калибра 88 мм (86 единиц) обеспечили Эрвину Роммелю (командующему немецкой танковой армией «Африка») огневое превосходство в борьбе с британскими танками в сражении при Эль-Аламейне осенью 1942 года, несмотря на то что по количеству пушек британцы превосходили немецкую группировку в полтора раза¹.

пас прочности и сочли более целесообразным и экономически обоснованным решением ее доработку под более мощный боеприпас, а не собственную разработку. Переделанную пушку Ф-22 с новым боеприпасом для той войны можно, без сомнения, признать лучшей противотанковой пушкой в мире. Ее выпуск был прекращен лишь в январе 1944 года, когда исчерпался запас трофейных орудий Ф-22.

¹ Дело в том, что стандартная немецкая противотанковая пушка Pak 38 калибра 50 мм не пробивала броню американских танков «Грант» и «Шерман» на приемлемых дистанциях боя.

Читатель, видимо, догадывается, что отдать противнику свое оружие в исправном состоянии — это явный признак дезертирства. И если учитывать только пушку Ф-22, то свое оружие отдали врагу десятки или даже сотни тысяч «доблестных» советских воинов. Здесь, правда, нужно особенно подчеркнуть, что применение и эксплуатация такого огромного количества тяжелого вооружения лежит не в компетенции ефрейтора или даже капитана. И здесь напрашивается первый вопрос: а можно ли при таком отношении военных начальников к применению и сохранности боевой техники ожидать каких-либо ростков боевой готовности? Конечно, хочется задать и второй вопрос: а кто же из соответствующих должностных лиц ответил за то, что за первые два-три месяца войны советские вооруженные силы потеряли почти всю свою тяжелую боевую технику?

Тотальная репрессивная система в Советском Союзе не то что не способствовала формированию в советских вооруженных силах лучших боевых качеств, она их фактически выкорчевывала. Эту ситуацию можно проиллюстрировать на следующих двух примерах, наиболее ярко характеризующих сталинский режим.

Начать нужно, конечно, с самого главного, что есть у человека, то есть с его жизни, которая дарована ему Господом Богом, но которая в сталинские времена гроша ломаного не стоила. Тем не менее к концу 1938 года в карательной системе сталинского режима был наведен некоторый «порядок» в части утверждения приговоров к высшей мере наказания. Такие приговоры направлялись в специальную комиссию Политбюро ЦК ВКП(б), где и выносилось окончательное решение. Только после этого соответствующее дело «спускалось» в Верховный суд, который уже формально утверждал принятое в Политбюро решение. Понятно, что не приходит-

ся даже говорить о законности такого порядка принятия решения о казни человека, так как ни сама процедура, ни тем более комиссия Политбюро ВКП(б) в сталинской конституции даже не упоминались. И все же смертный приговор приводился в исполнение после многократных проверок, в которых участвовал не один десяток «несгибаемых» сталинских партийных деятелей.

С началом войны для оправдания предательской бездеятельности высших военных руководителей страны, и в первую очередь Верховного главнокомандующего, начались массовые аресты советских военнослужащих, которым вменялись в вину такие тяжкие преступления как дезертирство, шпионаж и измена Родине, что подразумевало смертную казнь. В связи с этим правом утверждать смертные приговоры 27 июня 1941 года наделили военные советы фронтов. Однако тут же выяснилось, что они не в состоянии справиться с такой пусть и формальной, но все же масштабной «работой», и уже 13 июля 1941 года это право было распространено на военные советы армий и корпусов. Но даже военные советы армий и корпусов не справлялись с колоссальным потоком приговоренных к смертной казни, и 8 сентября процедуру упростили до предела, предоставив командирам и комиссарам дивизий право утверждать смертные приговоры. Причем приводить эти приговоры в исполнение предписывалось немедленно.

Таким образом, вся работа сталинского режима по воспитанию патриотизма в рядах вооруженных сил и укреплению боевого и морального духа советских воинов свелась к применению смертной казни в невиданных масштабах на основе полного пренебрежения даже сталинскими законами.

Второй пример относится к первым заградительным отрядам, которые появились уже через пять дней после на-

чала войны, то есть 27 июня 1941 года¹. Назывались они контрольно-заградительными отрядами и были созданы директивой № 35523 начальника Третьего управления (управления контрразведки) майора госбезопасности² А.И. Михеева. То есть майор госбезопасности, а не генерал и даже не полковник, определял круг тех лиц (редко выше звания старший лейтенант), которые получили право «пришивать» ярлыки труса, паникера или даже дезертира и изменника Родины сотням тысяч советских военнослужащих. Читателя не должна вводить в заблуждение принадлежность Третьего управления к Наркомату обороны: это все те же подручные Лаврентия Берии, которые с помощью зубила, молотка и клещей могли без труда у любого солдата получить признания в том, что он (солдат) и есть Господь Бог и именно он только что создал этот мир.

Очень скоро, а именно 17 июля (1941 года), эти управления (в Наркомате обороны и военно-морского флота) в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны № 187с были преобразованы в особые отделы и возвращены в родное лоно, то есть в прямое подчинение НКВД. Через два дня, а именно 19 июля, приказом народного комиссара внутренних дел были созданы и заградительные

¹ Вероятно, для многих читателей будет большим открытием, что первые (первые для Великой Отечественной войны) заградительные отряды в советских вооруженных силах появились именно в июне 1941 года, а не 28.07.1942, согласно знаменитому приказу № 227 «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций», который в просторечии получил название «Ни шагу назад».

² В феврале 1941 года в Советском Союзе была проведена масштабная реорганизация органов безопасности, главным результатом которой стало создание самостоятельного Наркомата государственной безопасности. Кроме того, военная контрразведка была выделена из состава НКВД и передана в Наркомат обороны.

отряды: при особых отделах армий — стрелковые роты, при особых отделах фронтов — стрелковые батальоны, укомплектованные личным составом войск НКВД.

Оказавшись под крышей Лаврентия Берии, вновь созданные карательные органы начали немедленно расширять масштабы своей деятельности, о чем свидетельствует соответствующий отчет на имя наркома внутренних дел в октябре 1941 года. Согласно этому отчету, в период с начала войны по 10 октября (1941 года) было задержано более 650 тысяч советских военнослужащих, отставших от своих частей или сбежавших с фронта. Как такое могло случиться, чтобы в атмосфере всеобщей любви к товарищу Сталину, преданности делу Партии, наконец, верности воинскому долгу 15 полнокровных армий (не дивизий, а армий) через два месяца после начала войны не только оказались далеко от борьбы с фашистскими войсками, но даже и не собирались воевать с захватчиками?

Приводя эту чудовищную цифру в 15 полнокровных армий, «увеличивающих» и от фронта, и от службы вообще, имеют в виду, что речь идет лишь о тех, которых удалось задержать менее чем за три месяца войны и которые составляли лишь часть от всех тех, которые не стремились воевать за товарища Сталина, но которым все же удалось избежать ареста. Читать этот отчет без содрогания просто невозможно. Так, выясняется, что среди задержанных советских военнослужащих 1505 человек оказались шпионами, а 308 диверсантами — не сказано чьими, но можно предположить, что не советскими. Учитывая, что и разведчик (то есть шпион, если разведчик иностранной державы) и диверсант — товар «штучный», на подготовку которого требуются значительные ресурсы, в том числе и временные, то выходит, что в сети советской контрразведки попали разведчики (или шпионы) и диверсанты всех стран мира в тройном экземпляре.

Эту цифру комиссар госбезопасности 3-го ранга С. Мильштейн (который подписал отчет) привел, чтобы, во-первых, оправдать свою деятельность, а во-вторых — чтобы существенно сократить объем работы по расстрелу советских военнослужащих. Поэтому за указанный период (менее трех месяцев) он расстрелял только 10 201 человек, то есть всего одну полнокровную дивизию. Можно предположить, что С. Мильштейн, ограничившись такой незначительной цифрой, хорошо понимал, что если расстреливать больше, то некому будет защищать и товарища Сталина, и его самого.

Изуверство приведенных мер по обеспечению боеготовности и боеспособности советских войск состоит в том, что в них нет даже намека на глубокий анализ ситуации и выявление объективных причин и истинных виновников поражений Советского Союза летом 1941 года. Вся вина за разгром трех советских военных округов, за отступление советских войск и за сдачу противнику ключевых рубежей возлагалась на советских солдат — а на кого же еще? Под термином «солдат» нужно понимать и офицеров, и генералов, и всех тех, кто стойко сражался с фашистскими захватчиками, проливал в этой борьбе свою кровь и не щадил самой жизни.

Наиболее показательна мерзость сталинского отношения к настоящим патриотам, героям и защитникам нашей Родины проявилась в судьбе генерала Качалова Владимира Яковлевича. Возглавляя оперативную группу в составе трех дивизий, он в конце июля 1941 года нанес успешный контрудар по наступающим немецким войскам из района Рославль в общем направлении на Смоленск и отбросил противника за реку Стометь. В тяжелейших боях генерал погиб в подбитом танке 4 августа 1941 года, как солдат и защитник Отечества. Тем не менее на основании подлога, сфабрикованного Мехлисом, сталинский режим весьма своеобразно оценил геройский поступок генерала Качалова. Сталин лично отре-

дактировал приказ Ставки № 270¹ от 16 августа 1941 года, в котором, в частности, говорится [87]:

«Командующий 28-й армией генерал-лейтенант Качалов, находясь вместе со штабом группы войск в окружении, проявил трусость и сдался в плен немецким фашистам. Штаб группы Качалова из окружения вышел, пробившись из окружения части группы Качалова, а генерал-лейтенант Качалов предпочел сдаться в плен, предпочел дезертировать к врагу».

Более того, Военная коллегия Верховного Суда СССР 29 сентября 1941 года, не имея по делу абсолютно никаких объективных материалов (а тем более доказательств), заочно приговорила уже погибшего в бою Качалова к смертной казни, с лишением воинского звания, государственных наград и с конфискацией имущества. Безусловно, генерала Качалова впоследствии реабилитировали, но Сталин незамедлительно отправил в лагерь всех его родственников. Некоторые из них не дожили до реабилитации, а те, кто дожил, не долго прожили после тюремных испытаний. В частности, жена генерала Елена Николаевна умерла в 1957 году в возрасте 45 лет, а ее мать — еще в 1944 году в лагере. Говоря строгим научным языком, здесь налицо факт служебного подлога, совершенного по сговору группой высокопоставленных должностных лиц, повлекший за собой тяжкие последствия. И кто же ответил за это должностное преступление или хотя бы кто принес извинения, высказал покаяние?

¹ Здесь весьма уместно отметить, что этот приказ, основанный на служебном подлоге, наряду с другими «выдающимися» военными начальниками подписал и Г.К. Жуков, не имея ни малейшего представления об обстоятельствах гибели генерала Качалова. Вместе с тем в своих «Воспоминаниях и размышлениях» он пишет: *«Группа В.Я. Качалова оказалась в тяжелом положении, не многим удалось отойти и соединиться со своими. В этих сражениях пал смертью героя командующий группой генерал В.Я. Качалов».*

Несомненно, что Гитлер был хорошо осведомлен о моральном климате в советском обществе, об «уровне» жизни в СССР и о всеобъемлющем характере советской карательной системы, которая дошла до таких крайностей, как выделение квот регионам на проведение репрессий по 1-й и 2-й категориям¹. Он оценивал все это как благоприятные факторы с точки зрения разгрома Советского Союза, полагая, что советский народ не станет сражаться за режим, который его (то есть народ) угнетал, пытал, расстреливал и морил голодом. Гитлер не смог увидеть дальше и понять, что «деятельность» сталинского необъятного карательного аппарата примет совершенно невыносимые формы, например, в виде заградительных отрядов и массовых показательных расстрелов провинившихся перед строем. Только таким образом абсолютно всех без исключения граждан страны, включая и несовершеннолетних детей, заставили встать на защиту действовавшего режима. Кроме того, буквально через несколько недель после начала войны стало ясно, что фашизм не только воюет со сталинским режимом, но он еще нацелен на порабощение всего советского народа и истребление значительной его части, а это уже тотальная война против всего советского народа. Очень скоро советские люди поняли, что они для Гитлера люди второго или даже третьего сорта, и перед ними встал выбор: оставаться угнетенными гражданами своей страны, но первого сорта, у Сталина или рабами второго сорта у Гитлера. Совершенно понятно, какой выбор сделало большинство граждан Советского Союза.

Рассматривая политические, идеологические и военные аспекты той войны в комплексе, нельзя не обратиться к оценке Клаузевица результатов похода Наполеона на Россию в 1812 году [69]:

¹ 1-я категория — смертная казнь, 2-я категория — каторга.

«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т.е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать ни силами современных европейских государств, ни теми 500 000 человек, которых для этого привел Бонапарт. Такая страна может быть побеждена лишь собственной слабостью и действием внутренних раздоров».

И в этой потрясающе правдивой оценке состоит глубина анализа Клаузевица, который выявил ту главную российскую слабость, которую не понял ни один завоеватель, пытаясь достигнуть стратегических целей сугубо военными методами, исключительно «с позиции силы». Выводы Клаузевица к 1941 году стали тем более актуальны, что противоречия в России (то есть в Советском Союзе) со времен 1812 года только углубились и обострились. Таким образом, всесторонняя опора на низшие слои населения Страны Советов могла обеспечить успех Гитлеру в масштабной войне с СССР. Ясное понимание этого вопроса, несомненно, присутствует в военно-политических кругах фашистской Германии, о чем, в частности, свидетельствует служебная записка по этой проблеме на имя Гитлера, подготовленная по поручению руководителя военной разведки — контрразведки адмирала Канариса [63].

В ней отмечается, что факты насилия над поляками привели к исключительно напряженным отношениям между польским населением и оккупационными войсками. На этом основании адмирал делает вывод, что продолжение такой политики в России приведет к резкому сопротивлению оккупационным войскам со стороны местного населения и к подрыву усилий по борьбе со сталинским режимом. Более того, в этой служебной записке даются конкретные предложения и рекомендации, как строить отношения с населением на оккупированной территории Советского Союза.

А каким же образом Гитлер собирался использовать внутренние противоречия в советском обществе, тем более что

в его окружении, особенно среди военных, все же были «светлые» головы, которые это понимали и выдвигали соответствующие предложения? Ответ прост — Гитлер не только не использовал внутренние противоречия Страны Советов, но с помощью своих рейхскомиссаров и зондеркоманд он сделал все возможное, чтобы эти благоприятные для него обстоятельства свести на нет. Здесь напрашивается очевидный вывод, что военные цели Гитлера по разгрому Советского Союза были диаметрально противоположны политическим мерам, которые предпринимали нацисты на оккупированной территории.

К этому следует добавить еще один фактор, который, правда, скорее всего, не смогли бы в полной мере осознать даже нацисты. Этот фактор заключается в принципе ведения войны и описывается двумя словами: «любой ценой». Этот принцип полностью компенсирует пробелы и недостатки в оперативном искусстве, тактическом мастерстве и во многих других вопросах, которые связаны с умением воевать, воевать не числом, а умением. Требование «любой ценой» Сталин выдвигал во всех без исключения случаях, его совершенно не интересовали размеры человеческих жертв, он требовал добиваться решения поставленной задачи независимо от потерь личного состава¹.

Чтобы понять смысл принципа «любой ценой», лучше всего привести данные по соотношению потерь в решающем сражении Великой Отечественной войне, в котором, как принято говорить, советские военные начальники «блеснули» своим оперативным кругозором и тактическим мастерством. Итак, за 50 дней сражения на Курской дуге советские потери

¹ В этом смысле, выдвигая требование «солдат не жалеть, бабы новых нарожают», «маршал победы» был верным последователем «вождя народов».

достигли одного миллиона человек, и это при том, что общая группировка немецких войск не превышала 780 тысяч человек. Советская сторона в этом сражении потеряла чуть более шести тысяч танков и САУ, а немцы — не более одной тысячи единиц бронетехники. Только в одном пресловутом танковом бою под Прохоровкой 5-я гвардейская танковая армия Ротмистрова численностью более 640 танков потеряла около 60 % своих боевых машин. Потери же дивизии «Лейбштандарт Адольф Гитлер» 2-го танкового корпуса СС, которая в бою под Прохоровкой противостояла двум танковым корпусам (29-му и 18-му) танковой армии Ротмистрова (то есть ее основным силам) и в которой к началу сражения числилось не более 80 танков, составили ровно два танка. За такое унижительное соотношение потерь Ротмистрова следовало бы расстрелять без всякого разбирательства прямо там, на Прохоровском поле, рядом с сотнями горящих советских танков и обгоревшими трупами советских танкистов. Однако он продолжал получать очередные звания и даже написал «шедевр», в котором рассказал несведущим людям, как он чуть ли не в одиночку лихо громил немцев.

Говоря о Гитлере, можно привести и ряд других его ошибок и просчетов, которые подробно описаны в исторической литературе и которые, по мнению многих историков, крайне негативно сказались на ходе и исходе войны. Например, кадровая политика Гитлера в отношении вооруженных сил Германии отличалась непоследовательностью и даже легкомыслием. Нельзя не признать, что частые смены военных руководителей, которых он «тасовал» как колоду карт, не могла не сказаться негативно на качестве решения стратегических и оперативных задач. Особое удивление, вне всякого сомнения, вызывает назначение генерала Паулюса на должность командующего разгромленной под Сталинградом 6-й армией.

Для сведения читателей, армия, по немецким меркам, соответствует советскому фронту, а 6-я армия по численности личного состава и структуре соединений тем более соответствовала советскому фронту¹. И вот на эту ответственную и сложную должность Гитлер ставит генерала, который не имел опыта командования даже полком, а не то что дивизией. Последняя командная (а не штабная) должность Фридриха Паулюса была командир отдельного разведывательного (танкового) батальона в 1934 году, то есть восемь лет до назначения командующим армией в январе 1942 года. Карьеру же он сделал, работая исключительно в штабах, и как штабной работник проявил себя с самой лучшей стороны. Здесь можно провести антипараллель с Жуковым, который ненавидел штабную работу и в ней не разбирался, а Паулюс любил ее и был прекрасным штабным работником.

Учитывая доводы знатоков биографии Гитлера и признавая негативное влияние его некомпетентности на решение стратегических и оперативных задач, все же приходится подчеркнуть, что ошибки и просчеты, подобные приведенной выше, не были фатальными и вряд ли могли оказать решающее влияние на ход и исход войны в целом.

Наконец, последний аргумент, который никаким образом не отмечен в исторической литературе и в аналитических материалах, но который стал решающим военно-политическим фактором в неправильной оценке Гитлером хода предстоящей войны и в последующем разгроме фашистской Германии. Как известно, в декабре 1939 года, после начала советской

¹ Данные источников в некоторой степени противоречивы, но, скорее всего, к началу ноября 1942 года в составе 6-й армии было не менее 22 дивизий, а общая численность личного состава составляла около 350 тысяч человек. Только Западный фронт при подготовке контрнаступления под Москвой по большинству параметров превосходил немецкую 6-ю армию.

военной агрессии против Финляндии, СССР был исключен из Лиги Наций¹. Таким образом, Советский Союз за свою агрессивную внешнюю политику был осужден международным сообществом и оказался в относительной политической и дипломатической изоляции. Было очевидно, что Сталин презирал и все международное сообщество, и тем более он был уверен, что с такой колоссальной военной машиной, как у него, можно не считаться с международным мнением, а все военно-политические цели он сможет достигнуть сам, без чьей-либо помощи.

Это обстоятельство было воспринято нацистской верхушкой как весьма благоприятный фактор в предстоящей войне: Гитлер и его сообщники полагали, что Сталин окажется один на один с Германией и ее союзниками и без внешней помощи не устоит против сильного удара германской военной машины. Однако Великобритания и США оценили сложившуюся ситуацию совсем иначе: полный разгром Советского Союза фашистской Германией было последним, чего бы они хотели, даже несмотря на то, что СССР был для них идеологическим врагом. Тем не менее в тот конкретный исторический период Советский Союз нужен был «цивилизованному» Западу для того, чтобы с минимальными потерями уничтожить Гитлера и установить в Европе нужный ему порядок. Поэтому, несмотря на агрессивную сущность сталинского режима, США и Соединенное Королевство вынуждены были пойти на создание антигитлеровской коалиции и оказать Советскому Союзу всяческую, и при этом весьма ощутимую, помощь, в первую очередь военную и военно-техническую.

¹ Лига Наций — международная организация, имевшая целью развитие сотрудничества между народами и гарантию мира и безопасности, была создана после Первой мировой войны в 1919 году.

Таким образом, приведенные выше ошибки и просчеты Гитлера в комплексе вылились в общую неправильную оценку военно-политической ситуации в мире и в Европе и в принятие фатального для Третьего рейха (то есть для нацистской Германии) решения на войну с СССР.

КРАХ ВСЕЛЕНСКИХ НАДЕЖД (ошибка Сталина)

Всё знают и всё понимают только
дураки и шарлатаны.

А.П. Чехов

Большинство историков ошибку Сталина (если так можно выразиться, учитывая колоссальные жертвы и страдания нашего народа и народов других стран) связывают с его параноической уверенностью в собственной непогрешимости, которая непрерывно подкреплялась толпой окружавших его бездарных подхалимов типа Льва Мехлиса. Пожалуй, с этим можно отчасти согласиться, но все же трудно представить, чтобы Сталин, даже возведя себя в ранг безупречного стратега и безошибочного вершителя судеб всего человечества, верил в то, что сможет управлять миром только лишь силой собственных желаний, без учета планов и действий других субъектов международной политики. Поэтому приходится опуститься с небес на землю и суть ошибки Сталина рассмотреть по двум расхожим направлениям:

- гипотеза о том, чтобы не дать Гитлеру повода для нападения на Советский Союз и таким образом оттянуть начало войны;
- уверенность Сталина в том, что фашистская Германия готовится к нападению на Великобританию, а не на СССР.

Конечно, стремление оттянуть войну или даже не допустить ее можно только приветствовать, но способы реализации этой политики, выбранные Сталиным, как минимум сомнительны, а при самой точной оценке просто смехотворны. Начинать эту историю следует с пресловутого пакта Молотова—Риббентропа от 1939 года, который был подписан накануне вторжения Германии в Польшу и который большинство историков и всякого толка аналитиков пытаются представить как крупный политический успех Сталина.

Суть объяснений, которые навязывают обывателям, состоит в том, что этим соглашением Сталин не допустил союза фашистской Германии с Великобританией и предотвратил создание антисоветского фронта. В действительности этот договор стал венцом политического банкротства сталинского режима, ярким отражением скудости мысли, полной бездарности и никчемности советской партийной верхушки. Этим сговором Сталин подписал смертный приговор десяткам миллионов людей, включая почти три десятка советских граждан, а также миллионы поляков, французов, бельгийцев, евреев и многих других национальностей и этносов. Но никакого отношения к проблеме объединения усилий фашистской Германии и Великобритании этот сговор не имел.

Если отбросить в сторону такие «пустяки», как мораль, справедливость и гуманизм, то Великобритания (точнее, Соединенное Королевство) оставалась величайшей в истории колониальной империей, которая ни при каких обстоятельствах не собиралась терять свои «справедливо» завоеванные позиции в мире. Великобритания могла уступить Гитлеру такую незначущую для нее «мелочь», как Судетская область в Чехословакии, в обмен на мир и покой в Европе, то есть в обмен на сохранение своих прежних позиций как «владычицы морей», однако отдавать фюреру награбленное веками выходило за все рамки «приличия». Даже на уровне

здорового смысла было ясно, что ни на какой союз с новым, набирающим силу хищником Великобритания не пойдет. Не следует также заблуждаться относительно идеи борьбы Великобритании с коммунизмом: бороться и воевать — это совершенно разные вещи. Любой же союз с Германией, претендовавшей на мировое господство, автоматически предполагал раздел сфер влияния, то есть передел мира, что, собственно, и составляло существо того самого пакта о ненападении между СССР и Германией. Такой подход к политике устраивал СССР, но никак не Великобританию.

Узкий кругозор «вождя народов», а не главы процветающего государства, не позволил Сталину понять рациональные цели и задачи большой политики, не мог он поверить, чтобы руководитель страны заботился бы о ее социально-экономическом развитии и о благополучии своих граждан. Таким образом, он сам себя убедил в том, что Гитлер будет воевать с Великобританией, и начал заниматься лишь тем, чтобы «не дать повода». Однако любому слушателю военной академии (а не то что главе государства) известно, что если принято решение на развязывание войны, а войска и экономика к этому уже готовы, то найти повод не составляет абсолютно никакой проблемы. Действительно, разве Финляндия дала какой-то повод Советскому Союзу, чтобы Сталин в 1939 году вторгся на ее территорию? Почему же точно таким же образом не поступить и Гитлеру?

Если принять на веру гипотезу об оттягивании войны, то действовать следовало прямо противоположно. История убедительно и многократно доказала, что только сила служит самым эффективным механизмом сохранения мира, и эту силу по отношению к потенциальному агрессору надо было продемонстрировать всеми возможными способами, пусть даже на грани блефа, чтобы убедить Гитлера на деле, а не песнями, что «враг будет бит повсюду и везде». Проявление же слабости не-

избежно вело только к одному — к 22 июня. В этой связи нельзя не вспомнить известное высказывание Фридриха Великого: «Дипломатия без силы — все равно, что оркестр без нот».

Все эти рассуждения о демонстрации силы и проявлении слабости носят не только общефилософский характер, а базируются, в первую очередь, на исторических событиях начала Второй мировой войны. В частности, когда фашистская Германия напала на Польшу, Франция и Великобритания вместо оказания реальной помощи своему союзнику не нашли ничего лучшего, как продолжили искать пути урегулирования конфликта мирным путем. На второй день, то есть 2 сентября 1939 года, Лондон и Париж заявили Гитлеру о готовности начать переговоры в случае вывода немецких войск из Польши. Эти экстравагантные дипломатические шаги только укрепили уверенность Гитлера в его агрессивных намерениях. Поэтому когда 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии, Гитлер воспринял этот демарш как попытку «спасти лицо», и не более того.

Трудно понять и другую точку зрения некоторых историков «максималистского» толка, в соответствии с которой Сталин старался не «вспугнуть» Гитлера, чтобы самому первому нанести неожиданный удар по фашистской Германии. Из любого мало-мальски квалифицированного исследования следует, что к июню 1941 года Германия полностью отмобилизовала свои вооруженные силы (а экономику тем более) и при этом на границе с СССР уже сосредоточила колоссальную группировку численностью почти 4,5 миллиона человек — то есть фашизм был готов, мог и планировал воевать, а пугать или не пугать Гитлера было уже поздно.

Опять же, если вернуться к плану войны, подготовленному группой экспертов под руководством генерал-лейтенанта Паулюса, то немцы рассматривали следующие три сценария ее развязывания:

- Сталин первым нанесет удар по немецким группировкам на границе;
- советские войска отойдут в глубь страны на выгодные рубежи, где организуют устойчивую оборону;
- основные силы советских войск окажутся сосредоточенными вблизи границы с Германией, и вермахт сможет их окружить и уничтожить.

Исключительно важно отметить, что немцев не пугал первый сценарий — к нему они были полностью готовы и в какой-то степени даже рассчитывали на него. А вот больше всего они боялись второго варианта, так как в этом случае вермахт терял преимущество молниеносной или танковой войны, то есть лишался возможности окружить и уничтожить большие приграничные группировки советских войск в ходе уже первых ударов. Здесь можно еще добавить, что немецкие генералы хорошо знали историю и помнили, что фельдмаршал Кутузов в 1812 году навязал Наполеону именно такую войну, которая буквально через несколько месяцев закончилась полным разгромом французов. Если хваленые советские чекисты работали так хорошо, как они об этом сами пишут, то почему же они все эти тонкости не донесли до «мудрого» Сталина, или у них просто не хватило интеллекта, чтобы понять принципиальную разницу между указанными тремя сценариями развязывания войны с СССР?

В этом пункте следует поставить точку на догадках и предположениях и привести один малозаметный, но исключительно важный исторический факт, который ставит крест на всех этих гипотезах и объясняет «страстное» желание Гитлера начать войну против Советского Союза, в чем не смогли разобраться сталинские стратеги, ну и тем более сам Сталин. Как известно, с 28 июня по 3 июля 1940 года Сталин захватил Бессарабию и Северную Буковину, которые

входили в состав Румынии¹. Причем этой очередной сталинской агрессии предшествовал жесткий шантаж в отношении Румынии, а сам захват планировался как крупномасштабное военное вторжение. Хотелось бы обратить внимание читателя на тот факт, что Советский Союз продолжал участвовать во Второй мировой войне в качестве агрессора, в очередной раз демонстрируя и доказывая Гитлеру, а также всему остальному миру свои «миролюбивые» намерения.

Может показаться, что между захватом территорий Финляндии и Румынии принципиальной разницы нет, но во втором случае советские войска приблизились на опасное расстояние к румынским нефтегазоносным месторождениям. Если учесть, что Германии грозило ужесточение экономической блокады, а доля экспорта румынской нефти в Германию в июне 1940 года превышала 42 %, можно понять беспокойство нацистской верхушки по поводу случившегося. У Гитлера не было и тени сомнений относительно «миролюбивых» намерений Сталина, и угроза румынским нефтяным месторождениям означала в тех условиях угрозу всей экономике Германии, а значит, и планам по «расширению жизненного пространства». Сталин не оставил Гитлеру никакого выбора — какой еще повод нужен был ему, чтобы он решился на войну с СССР! Таким образом, чтобы обеспечить непрерыв-

¹ Советские историки навязывали обывателям мысль о том, что Бессарабия до 1917 года входила в состав (царской) России и поэтому Сталин имел основания оккупировать эту историческую область. Однако если обратиться к истории, то Бессарабия в состав России была включена силой оружия в 1853 году как Молдавское княжество. Опираясь на такую логику, можно вполне обосновать войну с США за возвращение Аляски в лоно России. Вместе с тем нельзя не признать, что Румыния захватила Бессарабию в 1918 году, воспользовавшись слабостью советской власти и заручившись поддержкой ведущих империалистических держав, которые встали на борьбу с большевистской Россией.

ные поставки нефти из Румынии в Германию и не допустить захвата румынских месторождений вероятным противником, Гитлер в конце 1940 года ввел в Румынию войска для контроля румынских нефтяных месторождений и начал готовиться к войне с СССР.

Для того чтобы читатель до конца осознал исключительную серьезность этого вопроса, следует упомянуть еще одно малоизвестное, но исключительно важное с точки зрения проблемы 22 июня событие: оккупацию Германией Югославии. Как известно, 27 марта 1941 года в Югославии произошел военный переворот и к власти пришел сербский режим, который потенциально был недружественен по отношению к фашистской Германии¹. Конечно, таких режимов в мире, да и в Европе было немало. Например, в той же Франции огромная территория осталась не оккупированной немцами: великолепные курорты, прекрасные виноградники и лучшее в мире вино — разве этот рай можно было сравнить с богом забытой Югославией? Однако через Югославию в отличие от Франции протекала (да и сейчас протекает) крупнейшая в Европе река Дунай, которая, по существу, осталась единственной артерией для транспортировки нефти из Румынии в Германию². Видимо, в этой точке уже нет необходимости подробно объяснять, что ждало экономику Германии, если

¹ Буквально 23 марта премьер-министр Югославии Цветкович подписал протокол о присоединении своей страны к Тройственному пакту (союзу Германии, Италии и Японии), и Гитлер уже успокоился относительно Балканского полуострова, а тут случилось такое.

² Дунай, по-видимому, самая интернациональная река в мире: свои истоки она берет в Германии и протекает по территории или является границей десяти государств (в настоящее время после распада Югославии). Практически на всем протяжении Дунай судоходен, и сам бог велел использовать эту реку в качестве транспортной артерии для международных поставок в пределах Европы.

эту важнейшую транспортную артерию перережет недружественное государство.

Завершая описание преследовавшего Сталина «наваждения» об оттягивании войны, мешавшего ему адекватно оценивать имевшуюся у него объективную информацию, необходимо осветить еще одно существенное обстоятельство, которое не нашло отражения ни в исторических, ни в аналитических исследованиях. Суть проблемы вытекает из простого вопроса: а на что рассчитывал Сталин — на то, что военная мощь СССР с течением времени будет возрастать, а оборонный потенциал Германии — ослабевать? Здесь совершенно неважно, какова цель оттягивания войны, то ли для того, чтобы лучше подготовиться к отражению агрессии со стороны Гитлера, то ли для того, чтобы самому первому напасть на Германию.

Выходит так, что Сталин полагал, будто Гитлер будет не просто сидеть сложа руки и ждать, когда советская военная машина еще больше накачает мускулы, а сам начнет активную работу по сокращению вооружений и вооруженных сил Германии и в конечном итоге превратится в миролюбивую овечку. Даже последний профан усомнится в такой странной логике и в таких наивных надеждах, достойных разве что параноика или дилетанта.

В действительности ситуация для СССР по мере оттягивания войны могла сложиться еще хуже, чем это можно представить в самом страшном сне. Во-первых, Германия в 1941 году уже стояла на пороге создания реактивной авиации, а советские летчики еще летали на бипланах. Речь идет даже не о пульсирующем реактивном двигателе для крылатой ракеты Фау-1, который и по меркам XXI века считается высокотехнологичным, революционным и удачным решением и о котором в Советском Союзе в то время не могли даже

мечтать¹. Большое значение имело появление газотурбинного двигателя, и его первый действующий образец был создан в фашистской Германии немецким инженером фон Охайном еще в 1935 году. Более того, 27 августа 1939 года летчик-испытатель Эрих Варзиц поднял в небо первый в мире реактивный самолет He-178 («Хейнкель-178») с турбореактивным двигателем² «HeS 3» конструкции фон Охайна. Начальные испытания реактивного самолета показали существенный прирост скорости до 700 км/час, то есть значительно выше, чем для самого скоростного самолета того времени с поршневыми двигателями³. Эстафету Хейнкеля подхватили еще две немецкие компании — «Юнкерс» и «БМВ». В итоге к 1941 году в Германии был налажен мелкосерийный выпуск газотурбинных двигателей для проведения испытаний и поиска оптимальной аэродинамической компоновки реактивных самолетов.

Во-вторых, «на подходе» у Германии была баллистическая ракета Фау-2, для борьбы с которой в отличие от Фау-1 не существовало никаких средств. В-третьих, немецкие ученые и инженеры успешно занимались исследованиями механизма деления

¹ Аналог немецкой крылатой ракеты Фау-1 (нем. V-1) с пульсирующим реактивным двигателем в Советском Союзе появился только в 1948 году. Эта ракета была спроектирована под руководством самого талантливого советского ракетного конструктора Владимира Николаевича Челомея — отца советского «ракетно-ядерного щита».

² В класс газотурбинных двигателей входят следующие типы двигателей: турбореактивный, турбовинтовой, двухконтурный турбореактивный и турбовентиляторный. Они отличаются друг от друга распределением воздушных и газовоздушных потоков по контурам для создания (реактивной и винтовой) тяги.

³ Винтовой движитель имеет ряд теоретических ограничений, главными из которых являются пределы тяги и скорости. Еще большие ограничения возникают при применении в таком движителе поршневого двигателя. Реактивная тяга снимает все эти ограничения.

ядра атома урана и применяли тяжелую воду в качестве замедлителя для получения различных изотопов урана. При этом уже в то время они имели представление о термоядерном синтезе с использованием той же тяжелой воды, необходимой для создания термоядерного боеприпаса (основанного на синтезе ядер водорода), значительно более мощного, чем атомный.

Наконец, в-четвертых, в Германии начали проектировать гиперзвуковой стратегический бомбардировщик, получивший название «серебряная птица»¹, способный долететь до Нью-Йорка, а не то что до Москвы. То есть речь идет о серьезной, масштабной и целенаправленной научно-технической деятельности, результатом которой должны были стать современные авиационные комплексы и ракетно-ядерное оружие. Приведенные оценки не имеют ничего общего с вымыслом или бесплодными фантазиями, что подтверждает следующее краткое описание развития событий вокруг атомной тематики в январе 1939 года [72]:

«В ходе исследований, проведенных им совместно с Ферми, Сцилард² автономно обнаружил образование свободных нейтронов и возможность цепной реакции, подтвердив тем самым и свои наихудшие опасения. На протяжении уже многих лет он размышлял о возможностях применения освобожденной энергии атома и теперь испытал настоящий

¹ Нем. *Silbervogel* — первый в мире детальный проект высотного, частично орбитального бомбардировщика с жидкостно-реактивным двигателем с проектной бомбовой нагрузкой до 30 тонн австрийского ученого Ойгена Зенгера. Некоторые решения этого проекта были реализованы при создании в США космического челнока.

² Лео Силард (венг. *Szilárd Leó*, в ряде источников используется ошибочное написание: Сцилард) — американский физик венгерско-еврейского происхождения. Вместе с Энрико Ферми определил критическую массу урана-235 и принял участие в создании первого ядерного реактора. Предложил использовать графит как замедлитель нейтронов. До 1933 года работал в Берлинском университете.

ужас при мысли о том, что фашистская Германия может первой создать ядерное оружие. Сцилард попытался убедить коллег не размещать открыто результаты своих исследований в научной литературе. Жолио-Кюри отказался».

Опасения Лео Силарда относительно состояния дел по созданию в фашистской Германии ядерного оружия подтверждают и свидетельства «первосвященника» немецкой теоретической физики, нобелевского лауреата Вернера Гейзенберга, который был ведущим ученым в немецком «урановом проекте» [72]:

«Именно в сентябре 1941 года мы увидели перед собой прямой путь, ведущий к созданию атомной бомбы».

Итак, один из видных специалистов в ядерной физике «испытал настоящий ужас при мысли о том, что фашистская Германия может первой создать ядерное оружие». Нужно признать, что именно Лео Силард стал инициатором объединения усилий выдающихся ученых того времени, включая Альберта Эйнштейна и Энрико Ферми, с тем, чтобы на уровне президента США и короля Бельгии не допустить захвата немцами запасов урана в бельгийских колониях. Поэтому немецким ученым в ходе исследований пришлось довольствоваться небольшой по объему добычей урана на шахтах Чехословакии.

И это далеко не весь список достижений немецкой науки и техники. Например, в Германии впервые было разработано покрытие для подводных лодок, которое уменьшало практически до нуля гидроакустическое отражение от лодки¹ (за счет поглощения и рассеивания гидроакустической волны). Таким образом, противник лишался возможности обнаружи-

¹ Проект «Alberich», получивший свое название в честь обладателя шапки-невидимки из «Песни о нибелунгах». Покрытие представляло собой резиновые листы толщиной 4 мм с внутренними воздушными полостями (рупорами), которые и обеспечивали снижение уровня отраженного эхо-сигнала в диапазоне частот 10—18 кГц.

вать немецкую подводную лодку с таким покрытием и определять ее характеристики с помощью гидроакустической станции, работающей в активном режиме. В Германии было построено не менее семи таких лодок, и они стали самыми совершенными лодками времен Второй мировой войны.

Можно рассмотреть и одну из самых актуальных научно-технических проблем современности — вычислительную технику. И тут выясняется, что первый в мире компьютер был создан в Германии при финансовой и организационной поддержке института аэродинамических исследований Третьего рейха. Да, действительно, 21 мая 1941 года (то есть задолго до появления компьютеров в США и Великобритании, не говоря уже о Советском Союзе) немецкий инженер Конрад Цузе продемонстрировал научной общественности первый в мире свободно программируемый компьютер Z3¹ на электромеханической основе. По тем временам эта программируемая машина имела просто феноменальные характеристики:

- реализация блока вычислений — 600 реле;
- длина машинного слова — 22 двоичных разряда;
- скорость вычислений: умножение (деление) — 3 секунды, сложение (вычитание) — 0,7 секунды;
- блок памяти на 1600 реле, 64 слова по 22 двоичных разряда;
- ввод данных: с клавиатуры и через устройство считывания перфолент.

Этот компьютер с успехом применялся немецкими инженерами при проектировании авиационной техники, но ничто не мешало обратить его вычислительные мощности для расчета атомного боеприпаса. То есть при правильном научном

¹ Первый вариант Z1 К. Цузе создал еще в 1938 году, но он отличался низкой надежностью. Вторая версия Z2, появившаяся в 1939 году, была промежуточной к полному переходу на электромеханическую основу.

подходе можно было добиться синергетического эффекта достижений в вычислительной технике и ядерной физике.

Для советской же науки и техники все эти инновации лежали в области фантастики, не говоря уже о том, что в Советском Союзе не было руководителей с необходимым кругозором, научной подготовкой и стратегическим мышлением, способных все это по достоинству оценить, понять и принять адекватные решения в военно-технической области. К этому еще нужно добавить, что весь цвет советской науки и инженерной мысли, весь интеллект Страны Советов, ее лучшие умы были сосредоточены в тюремных камерах, которые мало способствовали творческой деятельности. С учетом всех этих обстоятельств ответ на вопрос, кто больше был заинтересован в оттягивании войны, не слишком очевиден.

Скорее всего, при правильной научно-технической, инновационной и национальной политике военно-техническое превосходство Германии над СССР только бы возрастало. Создание же в Германии ракетно-ядерного оружия оказалось бы для Советского Союза (да и для всего мира) просто катастрофой. Действительно, расовая идеология Гитлера спасла мир от ядерной катастрофы, которую возвестили США в августе 1945 года, многократно применив ядерное оружие против незащитного мирного населения. Изгнав из немецкого научного сообщества лучших ученых, специалистов мирового уровня в ядерной физике, которые были этническими евреями, нацисты собственными руками обескровили научный потенциал Германии в направлении разработки ядерного оружия¹. Нельзя забывать, что все эти выдающиеся ученые

¹ Именно немецкие ученые (Отто Ган и Фриц Штрассман) еще в декабре 1938 года обнаружили эффект деления ядер урана при их бомбардировке нейтронами с выделением значительной энергии. Очень скоро они пришли и к пониманию существа цепной реакции.

были готовы усердно и добросовестно работать на оборонный потенциал фашистской Германии, если бы режим создал для них благоприятные условия. Все те, которые уцелели, покинули страну и многие эмигрировали в США, благодаря чему американцы, а не немцы смогли в кратчайшие сроки создать атомную бомбу.

Теперь настало время рассмотреть гипотезу о готовящемся вторжении немецких войск на Британские острова в июне 1941 года. Сразу же бросается в глаза исключительно «незаурядный» подход Гитлера к решению этой, опять же исключительно сложной, задачи. Незаурядность состоит в том, что колоссальную группировку войск численностью более четырех миллионов человек Гитлер в июне 1941 года разместил на границе с Советским Союзом, то есть в нескольких сотнях километров от Ла-Манша, который, как известно, отделяет Великобританию от континентальной Европы и который каким-то образом все же необходимо преодолеть, чтобы попасть на Британские острова. При этом ни в каких материалах, мемуарах и свидетельских показаниях нет и намека на скопление немецких транспортных судов на юге Ла-Манша для переброски через пролив хотя бы нескольких тысяч человек, а не то что четырех миллионов.

Однако теоретически можно предположить, что руководители Третьего рейха были способны быстро подготовить и сосредоточить на своем побережье несколько тысяч единиц транспортных средств и моментально перебросить к Ла-Маншу находящуюся на границе с СССР колоссальную группировку своих войск вместе с тысячами танков, пушек и лошадей, а также с огромным количеством вооружения, оборудования и оснащения. Видимо, такая фантазмагорическая картина возникала в голове у «гениального» руководителя первой в мире Страны Советов. Тем не менее даже

с этим можно согласиться, но при условии, если переброску через Ла-Манш самой крупной в мире группировки войск рассматривать как легкую, увеселительную прогулку, а не сложную и рискованную десантную операцию.

И тут приходится вспомнить, а «гениальный» Сталин должен был это знать лучше нас, что Соединенное Королевство на тот момент (пока США не достигли необходимого уровня оснащения своих ВВС) обладало самой сильной ударной авиацией дальнего действия¹, что и демонстрируют данные о выпуске в Великобритании боевых самолетов с февраля по август 1940 года, приведенные в таблице 3.

Таблица 3

Выпуск боевых самолетов в Великобритании в 1940 году

Месяц	План		Фактический выпуск	
	всех типов	истребителей	всех типов	истребителей
Февраль	1001	171	719	141
Март	1137	203	860	177
Апрель	1256	231	1081	256
Май	1244	261	1279	325
Июнь	1320	292	1591	446
Июль	1481	329	1665	496
Август	1310	282	1601	546
Итого:	8749	1769	8796	2387

Причем созданное Черчиллем накануне Второй мировой войны Министерство авиационной промышленности из года в год наращивало выпуск боевых самолетов, постепенно переноса акцент с истребителей на тяжелые бомбардировщики. Так, если стратегических бомбардировщиков в 1940 году было выпущено 41 единица, то в 1941 году объем их произ-

¹ Основу воздушной ударной мощи Соединенного Королевства составляла стратегическая бомбардировочная авиация, которой в Германии вообще не было.

водства достиг почти 500 самолетов¹. Совершенно очевидно, что такая армада ударной авиации могла легко пустить на дно Ла-Манша весь немецкий морской десант. Не нужно иметь военного образования (и Сталин его действительно не имел), быть гением или провидцем, чтобы понять, что без завоевания превосходства и удержания господства в воздухе над Ла-Маншем нечего было и мечтать о крупной десантной операции.

Можно чисто гипотетически предположить, что Гитлер, как и Сталин, не имея военного образования, не понимал этого ключевого условия для проведения успешной десантной операции. Однако достоверно известно, что командующие тремя видами вооруженных сил фашистской Германии (сухопутными войсками, ВВС и ВМС) пришли к единодушному мнению, что завоевание превосходства в воздухе над Ла-Маншем является абсолютно обязательным условием для вторжения на Британские острова. Гитлер не мог не прислушаться к этому мнению, и именно поэтому он отдал распоряжение об уничтожении королевских ВВС в 1940 году, поверив хвастливым обещаниям Геринга (то есть командующего немецкими ВВС), что поставленная задача будет успешно выполнена в короткие сроки.

Это решение было одной из крупнейших ошибок Гитлера, на которую сталинским руководителям, наркому обороны и, конечно, начальнику Генерального штаба неплохо бы обратить самое пристальное внимание. Немецкие ВВС потерпели полное фиаско, потеряв за несколько месяцев в битве за Британию половину принимавших в этом сражении своих

¹ Серьезное сокращение производства стратегических бомбардировщиков в 1940 году связано с отказом от выпуска двухмоторного бомбардировщика «Манчестер» и переходом британской авиационной промышленности на производство четырехмоторного «Ланкастера» с максимальной бомбовой нагрузкой чуть более 10 тонн.

самолетов (то есть более одной тысячи самолетов). Геринг за этот провал на некоторое время даже попал в опалу, и Гитлер вынужден был на длительную перспективу отказаться от идеи вторжения на Британские острова и переключить все свое внимание на СССР. К июню же 1941 года королевские ВВС набрали такую силу, что приступили к систематическим авиационным налетам на немецкие экономические, военные и административные центры крупными ударными группировками численностью в несколько сот бомбардировщиков. То есть превосходство в воздухе оказалось в руках Его Величества, а не Германии, и Гитлер уже не мог даже мечтать о том, чтобы перехватить инициативу в этом противостоянии.

Был еще один значимый фактор, который вынуждал Германию к войне с СССР и который остался вне поля зрения сталинской верхушки, хотя Советский Союз располагал весьма разветвленной системой разведывательных органов, в которых по определению должны были работать подготовленные и высококвалифицированные аналитики¹. Немецкая же разведка докладывала Гитлеру о стремительном наращивании оборонного потенциала США, что в перспективе означало ужесточение военной и экономической блокады Германии и, по сути дела, вело к краху Третьего рейха. У Гитлера не было никакого другого выбора, как попытаться

¹ Органы-то были, но к началу войны сталинские пособники истребили почти все высококвалифицированные кадры в советском разведывательном сообществе, которые Ян Карлович Берзин и другие патриоты нашей Родины создавали годами. Отношение Сталина к разведчикам убедительно характеризует прецедент с Рихардом Зорге, которого страна могла спасти от казни в Японии. Правительство Японии трижды предлагало Москве освободить Зорге в обмен на японских военных, взятых в плен во время конфликта в районе реки Халхин-Гол, но Сталин отказал.

разорвать удушающее кольцо блокады: было ясно, что поставкам из СССР вскоре придет конец.

Читатель должен отдавать себе отчет в том, что самым сильным государством в мире в то время было все же Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии. Его Величество¹ мог привлечь к достижению своих целей если не весь мир, то половину мира наверняка. Так, в Северной Африке против Роммеля (командующего немецкими войсками) сражались соединения из Австралии, Индии², Южной Африки, Новой Зеландии и даже Франции, не говоря уже о США. Проще говоря, Великобритания располагала практически неограниченными людскими и материальными ресурсами. Здесь также следует отметить, что Соединенному Королевству принадлежали самые сильные в мире военноморские силы³. То есть победить Великобританию в тех конкретных, а не абстрактных условиях Гитлер не мог по определению — слишком неравны были силы. Все те жалкие выпады, которые он делал в отношении Соединенного Королевства до нападения на Советский Союз, были не чем

¹ Главой государства (Соединенного Королевства) с 1936 по 1952 год был король Георг VI, который вошел в историю, прежде всего, как символ борьбы Великобритании против нацистской Германии.

² Условия, на которых Его Величество вынуждал индусов воевать за свои интересы, заслуживают отдельного рассмотрения, но Индия для Великобритании была не только источником обогащения, но и источником неисчерпаемых людских ресурсов. Непонятно одно — понимал ли это Гитлер, рассчитывая победить Соединенное Королевство в вооруженной борьбе, располагая такими ресурсами на два порядка меньшими, чем Великобритания.

³ Читатель может самостоятельно ознакомиться с бесславной «кончиной» немецкого «карманного» линкора «Адмирал граф Шпее» 17.12.1939, который осуществлял рейдерские действия в Атлантике, чтобы понять силу британского военного флота, моральный и боевой дух его личного состава, решительность и самоотверженность состоявших на службе Его Величества командиров.

иным, как попыткой склонить Его Величество к подписанию с Германией «почетного» мира. Но Его Величество, в отличие от Сталина, не мог опуститься до того, чтобы пачкать свое светлое имя союзом с фашистами.

Трудно сказать, в какой мере осознавал это Сталин и что по этому поводу ему докладывали хваленые чекисты, но ясно одно, что Гитлер видел бесперспективность войны с Великобританией, находясь в блокаде, не имея свободного доступа к нефтяным и иным природным ресурсам и имея за спиной вооруженный до зубов «дружественный» Советский Союз.

Приведенные обстоятельства и аргументы относятся к военно-политической сфере, и, конечно, именно они определяют оценки и решения стратегического характера, то есть относящиеся к компетенции Верховного главнокомандующего. Правильно их понять и оценить Сталину помешали, прежде всего, его политическая близорукость и далекое от реалий восприятие военно-политической обстановки в мире и Европе, что весьма ярко демонстрирует его беседа с Иденом 29.03.1935, в частности следующее высказывание самого Сталина [74]:

«Германцы — великий и храбрый народ. Мы этого никогда не забываем. Этот народ нельзя было надолго удержать в цепях Версальского договора. Рано или поздно германский народ должен был освободиться от Версальских цепей».

Великолепное изречение, которое благодаря применению таких терминов, как «освободиться от цепей», убедительно демонстрирует классовую солидарность «вождя народов» с «великим и храбрым» германским народом. Сталин совершенно не понял, во-первых, что германский народ не имеет никакого отношения к «освобождению от цепей Версальского договора», а во-вторых, что это освобождение ничего хорошего ни Европе, ни Советскому Союзу не несет. Может быть,

он и понимал агрессивную сущность этого освобождения, но не видел, что острее этой агрессии направлено, прежде всего, против СССР.

Анализируя просчеты Сталина в оценке развития военно-политической ситуации в Европе в 1941 году, нельзя не остановиться на некоторых сугубо военных вопросах, правильное понимание которых базируется не только на хорошей предметной подготовке и большом опыте работы, но и на умении строить правильные причинно-следственные связи на основе имеющихся знаний.

Первая такая относительно очевидная связь вытекает из численности, структуры и состава немецкой группировки на границе с СССР к 22.06.1941. Как уже отмечалось, общая численность этой группировки оценивается в 4,5 миллиона человек, то есть более 70 % всех имеющихся на тот момент в Германии сил и средств. Если не считать боевой авиации, то это были исключительно сухопутные войска, предназначенные для ведения боевых действий на сухопутном театре войны. По своей структуре и составу немецкие ВВС предназначались для непосредственной поддержки сухопутных сил на поле боя, и этого не мог не видеть мало-мальски подготовленный и имеющий хоть какой-то опыт генерал. Самая же примечательная особенность структуры немецкой группировки состояла в том, что в ее состав входили несколько крупных танковых объединений, предназначенных для нанесения глубоких ударов на оперативную глубину обороны противника, опять же на сухопутном театре войны. Таким образом, исходя из структуры и состава немецкой группировки, ни о каком нападении на Британские острова не могло быть и речи. Этот вывод очень хорошо согласуется и подкрепляется и структурой военной экономики фашистской Германии, которая была ориентирована на производство вооружения, боевой техники и оснащения

преимущественно для сухопутных войск, а не для военноморских сил.

Вторая, не столь очевидная для обывателя, но понятная любому мало-мальски грамотному генералу связь состоит в оборудовании немцами театра военных действий на территории Польши в соответствии с так называемой директивой «Ауфбау Ост»¹, или планом мероприятий по подготовке театра военных действий для нападения на СССР [67]. В соответствии с этой директивой, которая была подписана в начале августа 1940 года, в Польше началось интенсивное строительство автомобильных магистралей, железнодорожных путей сообщения, аэродромов, складов и казарм. Понятно, что великолепные автобаны (то есть усовершенствованные автомобильные дороги) и железнодорожные магистрали предназначались не для улучшения качества жизни людей второго сорта, то есть поляков, а для эффективной переброски немецких войск к границе с СССР, для их сосредоточения и подготовки к вторжению.

Понятно, что такое масштабное строительство немцы никак не могли скрыть даже от самой захудалой разведки. Собственно говоря, здесь и разведки-то никакой не требовалось, чтобы увидеть, как на ровном месте возникают прекрасные магистрали, о которых в СССР не могли даже мечтать. Тем не менее столь очевидные мероприятия по непосредственной подготовке фашистской Германии к войне с СССР, а не с Великобританией остались вне поля зрения сталинского руководства.

Особенно эрудированные читатели могут попытаться объяснить такие серьезные мероприятия по оборудованию ТВД на территории Польши стремлением немцев увести свои

¹ Немец. *Aufbau Ost*, что можно перевести как «сосредоточение на Востоке».

войска подальше от налетов британской ударной авиации для их формирования и подготовки якобы к вторжению на Британские острова. И действительно, королевские ВВС все больше и больше досаждали Гитлеру, и с этим ничего нельзя было поделать. Однако не лучше ли было в таком случае создать необходимую инфраструктуру для подготовки своих войск где-нибудь на Балканах, в Греции или даже в Италии, куда британским бомбардировщикам долететь еще сложнее? Тем не менее даже на это можно закрыть глаза и найти какое-то объяснение. Но ведь Гитлер стал адаптировать строящуюся железнодорожную инфраструктуру к российским железнодорожным стандартам, в частности к ширине колеи, чтобы минимизировать потери времени при поставках войск, техники, вооружения и оборудования с территории Германии (то есть оккупированной Польши) в СССР.

Все эти, сейчас очевидные, оценки и выводы могли бы стать очевидными прогнозами и весной 1941 года при условии рациональной и научной организации аналитико-синтетической обработки разрозненной и разноплановой информации, которую следовало поручить лучшим оставшимся в живых умам того времени. Сталин же не привлек к этой сложной работе, имеющей историческое значение для СССР, Европы и даже для всего мира, ни одного специалиста, если не считать бездаря и предателя Голикова. Сталин все решил сам, по своему разумению, полагая, как и Гитлер, что управлять войсками — это самое пустяковое дело и специально учиться этому не надо.

Еще одна (третья), хотя и не столь очевидная причинно-следственная связь, указывающая на точную дату войны, обусловлена, как это ни удивительно, обстоятельствами природного характера:

▪ 22 июня — это самый длинный день в году, что позволяет с максимальной выгодой использовать преимущества

светлого времени суток для действий механизированных (танковых) соединений и продвижения войск в глубину обороны противника;

- метеорологический прогноз на этот день с высокой вероятностью предполагал исключительно хорошую и ясную погоду без осадков, что позволяло с максимальной эффективностью применить и ударную авиацию, и моторизованные войска.

Отсюда вытекает и очевидное время начала вторжения на территорию СССР: с рассветом, либо непосредственно перед самым рассветом, около трех часов по берлинскому времени¹ с тем, чтобы по максимуму использовать световой день для продвижения своих войск. Опять же не надо быть Гегелем, чтобы понять, что вторжение в воздушное пространство СССР целесообразно начинать за 20—30 минут до рассвета.

Можно спорить по поводу учета столь неочевидных факторов при оценке вероятности начала войны именно 22 июня 1941 года. Но ведь апологеты кровавого сталинского режима утверждают, что «вождь народов» был гением, так почему же он не принял в учет и эти обстоятельства, которые имел в виду Гитлер и которые сыграли свою значимую роль? В качестве сравнения можно привести первую Ржевско-Сычевскую наступательную операцию, начало которой было запланировано на 30 июля 1942 года². Именно в этот день пошли проливные дожди, которые крайне затруднили наступление советских войск, не оказав практически никакого серьезного влияния на обороняющиеся войска противника. Этот факт наглядно демонстрирует «глубину» и «тщательность» планирования крупных операций и проработки всех

¹ Берлинское (или среднеевропейское) время в ту пору было на один час меньше московского.

² На эту дату запланировано наступление войск Калининского фронта, а 4 августа — войск Западного фронта.

деталей наступления «маршалом победы» и «вождем народов».

Вот, собственно, в этом и есть суть так называемых «ошибок» Сталина, которые только по результатам Второй мировой войны «обошлись» нашему народу в 27 миллионов погибших и последствия которых мы переживаем до сих пор. Некоторые дотошные ученые утверждают, что если бы Сталин за время своего правления не отправил на тот свет несколько миллионов советских граждан, то к 2000 году население нашей страны достигло бы 500 миллионов человек, а по национальному богатству мы бы не уступали США.

В заключение хотелось бы разоблачить всех тех писателей, историков и разного рода «специалистов», которые продолжают «забрасывать» обывателей ложными утверждениями о том, что Советский Союз якобы не был готов к войне, оправдывая, таким образом, капитулянтскую политику Сталина, разгром советских войск в начале войны и те немыслимые жертвы, которые наш народ вынужден был принести во имя победы над фашизмом. Возможно, все они и правы, если подразумевают неготовность Советского Союза воевать с марсианами или иными инопланетными пришельцами, обладающими оружием невиданной разрушительной силы. Однако, если ограничиться масштабами планеты Земля, то опровержение всем этим утверждениям фактически лежит на поверхности.

Для разоблачения фальсификаторов не потребуется собирать масштабную конференцию и выработать научные критерии готовности или неготовности страны к войне. Чтобы однозначно ответить на вопрос о готовности советской военной машины к войне, не потребуется даже «загружать» читателя массой данных о структуре и составе советских вооруженных сил, об объемах производства вооружения и боевой техники и о специфике боевой подготовки войск и военного планирования в СССР. Хотя нельзя не отметить, что Сталин

превратил Советский Союз в колоссальную фабрику по производству оружия, с которой по объемам выпуска военной продукции мог «тягаться» только весь остальной мир консолидированно, но никак не отдельная страна, а тем более Германия.

Но оставим все это в стороне и обратимся вначале к материалам Совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 года и предоставим слово нарком-у обороны СССР, Маршалу Советского Союза Тимошенко Семену Константиновичу [61]:

«1. Красная армия располагает отличным личным составом и всеми новейшими средствами вооруженной борьбы.

2. Все доклады и выступления на данном совещании показывают почти сходственное и в основном правильное понимание всех основных оперативных и тактических форм боевой деятельности войск.

Всеми без исключения, в большей или меньшей мере, трезво учитывается опыт последних войн».

Теперь подкрепим изложенные на указанном совещании оптимистические выводы наркома обороны итогами Оперативно-стратегических игр, которые были проведены в январе 1941 года и нацелены исключительно на подготовку войны с Германией, имея в виду ее полный разгром. Для этого предоставим вначале слово маршалу (тогда, в 1941 году, еще генералу) Жукову Георгию Константиновичу, по версии, изложенной в его пресловутых «Воспоминаниях и размышлениях» [7]:

«В целом работа совещания показала, что советская военно-теоретическая мысль в основном правильно определяла главные направления в развитии современного военного искусства.

На основе выводов совещания через некоторое время были предприняты дальнейшие меры к повышению боевой

готовности войск приграничных округов, совершенствованию штабного мастерства.

Мы предвидели, что война с Германией может быть тяжелой и длительной, но вместе с тем считали, что страна наша уже имеет все необходимое для продолжительной войны и борьбы до полной победы».

Наконец, послушаем начальника Генерального штаба, генерала Мерецкова Кирилла Афанасьевича (пока его Сталин еще не снял с этой должности и не заменил на Жукова) [88]:

«При разработке Устава мы исходим из того, что наша дивизия значительно сильнее дивизии немецко-фашистской армии и что во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию. В обороне же наша дивизия отразит удар двух-трех дивизий противника. В наступлении полторы наших дивизий преодолеют оборону дивизии противника».

Итак, по мнению высших военных начальников, страна уже в январе 1941 года располагала всем необходимым для разгрома Германии, для войны до полной победы, даже если эта война, по предположению Жукова, которое он, правда, сделал после войны, и будет тяжелой и длительной:

- во-первых, Красная армия располагает для этого отличным личным составом и всеми необходимыми средствами ведения войны;

- во-вторых, одна советская дивизия в обороне стоит двух, а то и трех немецких дивизий, а во встречном бою она, безусловно, разобьет немецкую дивизию;

- в-третьих, советское военное искусство развивается в правильном направлении, а значит, военное строительство в СССР соответствует потребностям современной войны;

- наконец, в-четвертых, все (советские) военные начальники трезво учитывают (в своей деятельности) опыт последних войн, и значит, нет никаких сомнений в квалифицированном управлении советскими войсками.

Если мнение высших должностных лиц в советском военном ведомстве не убеждает читателя, то предоставим слово «мудрому», «прозорливому» и «любимому» товарищу Сталину, главе «миролюбивого» Советского государства, Верховному главнокомандующему, последовательному проводнику единственно верного марксистско-ленинского учения [60]:

«Я говорил, что имеем современную армию, вооруженную новейшей техникой.

Раньше существовало 120 дивизий в Красной армии. Теперь у нас в составе армии 300 дивизий.

Из 100 дивизий — две трети танковые, а одна треть механизированные.

Мы до поры, до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне».

Какие теперь могут быть сомнения в готовности страны к войне, когда глава Советского государства в откровенных и однозначных терминах заявляет, что страна имеет 300 дивизий, то есть в два раза больше, чем Германия? При этом, как мы уже узнали, одна советская дивизия стоит двух, а то и трех немецких дивизий. Более того, 100 советских дивизий — танковые и моторизованные, о чем Гитлер не мог и мечтать. Поэтому Сталин уверен, что такая махина из 300 дивизий, включая 100 механизированных и танковых, любую страну раздавит как букашку. Поэтому Сталин призывает не только начинать войну, но и от обороны переходить к наступлению, и за это предлагает выпить. Таким образом, не вызывает никаких сомнений готовность СССР к войне с Германией.

И все же, как можно понять случившееся с научной точки зрения, где же главная первопричина произошедшей трагедии, как такое можно было допустить, располагая колоссальными людскими и материальными ресурсами, о которых Гитлер мог только мечтать? Если выразаться строгим научным языком (отбрасывая в сторону вопросы морали и чести), то корни «ошибок» Сталина лежат в его полном незнании принципов научной деятельности, которые наряду со сбором и систематизацией информации, а также ее критическим анализом предполагают синтез новых знаний и построение объективных причинно-следственных связей, которые позволяют сделать обоснованный (а не мнимый) прогноз. Правильное, взвешенное и обоснованное решение сложной проблемы, особенно в условиях значительной неопределенности, вырабатывается путем обсуждения и учета многих мнений и точек зрения. Этот процесс абсолютно несовместим с возвеличиванием якобы сверхъестественных способностей одного человека, каким бы талантливым и великим он ни был и какое бы высокое положение он ни занимал.

Выработка решения комплексной и неизученной проблемы всегда предполагает не только обсуждение разных мнений, но и критику несовпадающих, а порой и противоположных точек зрения, но в любом нормальном обществе конструктивная критика направлена на созидание, совершенствование и развитие. Советское же общество того времени основывалось на марксизме-ленинизме сталинского толка, и его суть заключалась в том, что любая критика «линии партии» (то есть Сталина и членов Политбюро) рассматривалась только как проявление враждебности по отношению к существующему режиму. При этом под «линией партии» понималось не обширное теоретическое наследие классиков этой идеологии в его многообразии, а ограниченный комплекс до предела формализованных и упрощенных утверждений и от-

рицаний, не допускающих абсолютно никаких иных толкований.

Этот комплекс догматических и примитивных взглядов был разработан по указанию Сталина «специалистами» по марксизму-ленинизму и издан в 1938 году в виде учебника «Краткий курс истории ВКП(б)»¹. Авторы учебника (видимо, по рекомендации «вождя всех народов»), в частности, утверждали, что Политбюро большевистской партии в 1917 году, за исключением трех человек, состояло из врагов народа. Исключениями были, конечно, сам Сталин, а также Ленин и Калинин. Именно благодаря нестигаемой воле указанных троих удалось совершить революцию вопреки противодействию «врагов народа». Изложенные в учебнике догматические принципы и взгляды переносились на всю жизнь советских людей и внедрялись во все без исключения сферы [23], например, в образование и, конечно, в систему военного управления. Соответственно, при таком примитивном оболванивании всех без исключения не приходится даже говорить об одном из таких основных методов научного познания, как разработка (иногда противоречивых) гипотез, объясняющих то или иное явление, и их проверка (умозрительная или практическая) несколькими независимыми научными коллективами с последующим обобщением полученных выводов и предложений. Результатом такого всеобщего догматического подхода к рассмотрению сложных проблем и решению непростых задач и стала трагедия 22 июня.

¹ Содержание этого учебника вышло далеко за рамки собственно истории коммунистической партии и стало эталоном не только при освещении отечественной истории XIX—XX веков, но и вообще любой другой науки. В результате проделанной сталинским режимом «пропагандистской работы» он стал настольной книгой не только каждого коммуниста, но и каждого трудящегося в нашей стране — целое поколение людей воспитывалось на этом учебнике.

ЭПИЛОГ

Могильний вітер з тих ярів повіяв —
Чад смертних вогнищ, тіл димучих згар.
Дивився Київ, гніволиций Київ,
Як в полум'ї метався Бабин Яр.
За пломінь цей не може быть покути.
За погар цей нема ще міри мсти.
Будь проклят той, хто зважиться забути.
Будь проклят той, хто скаже нам: «прости...»¹

Микола Бажан

В представленной работе не предпринимается попытка доказать, что советские войска в июне 1941 года были в состоянии остановить неприятеля, немедленно отбросить его за границу и полностью разгромить в короткие сроки, как и предполагали сталинские стратеги, идеологи «глубокой наступательной операции». Слишком слабы были боевая выучка войск и оперативная подготовка штабов и командиров, и, конечно, налицо чудовищно низкий уровень стратегического мышления, управления страной и вооруженными силами. Однако имеющийся сейчас

¹ Перевод последних четырех строк с украинского на русский язык:

«За Бабий Яр нет меры искупленью.
И меры мести не изобрести.
Будь проклят тот, кто Яр предаст забвенью .
Будь проклят тот, кто скажет мне “прости”».

в распоряжении исторический материал дает основания утверждать, что потенциальные возможности западных военных округов позволяли предотвратить катастрофу 22 июня в тех масштабах, в которых она случилась, не допустить практически полного разгрома в течение нескольких недель всей профессиональной армии и серьезно осложнить или затормозить стремительное продвижение вермахта на Ленинград, Москву и Киев.

Вероятно, своевременное приведение войск западных военных округов в (полную) боевую готовность могло бы в какой-то степени «смягчить» катастрофу, но эти действия за пару часов до войны нужно рассматривать лишь как последнюю соломинку, за которую хватается утопающий. Напряженная обстановка того времени требовала принятия более серьезных оперативных мер, выполнить которые можно было как минимум в течение нескольких дней, а не за несколько часов. Главная же причина разгрома советских войск лежит в сформированной сталинской верхушкой атмосфере благодушия и успокоенности, в созданном высшими партийными деятелями ложном восприятии фашизма как дружественного режима. Самодовольство Сталина сломало хребет советской военной машины, не позволив ей сделать даже то, что она все же могла бы сделать.

Сейчас мы наблюдаем схожую картину, когда представители пятой колонны, сформированной из кремлевских деятелей, закрывают глаза на бесцеремонное вмешательство США во внутренние дела других государств и даже на прямую агрессию американской военной машины на территориях, расположенных за десятки тысяч километров от Вашингтона. Они убеждают наш народ в вечной дружбе с ключевыми врагами России, рассуждают о конце «холодной войны», о какой-то перезагрузке, которая, ви-

димо, существует в их личных отношениях с США. Все эти убаюкивающие рассказы про миролюбивую сущность США ведутся в условиях, когда даже на «цивилизованном» Западе нынешнего президента США Барака Обаму все чаще называют «кровавым» и ставится вопрос об отзыве присужденной ему Нобелевской премии мира за 2009 год. Они готовят нашу страну к тому, что ее в течение пары недель оккупируют несколько дивизий ФРГ при поддержке ВВС США.

Та страшная война была столкновением амбиций самых крупных в истории человечества преступников, лишенных всяких моральных принципов, стремящихся любой ценой к мировому господству и насильственному установлению в мире «нового порядка», неважно, фашистского или коммунистического, как это, например, было сделано в Прибалтийских государствах. С Гитлером и фашизмом имеется полня ясность: фашизм и нацистские преступники осуждены и поставлены вне закона, хотя некоторые нацисты, несмотря на совершенные ими ужасающие преступления все же избежали наказания. Трудно также согласиться с мягким приговором в отношении ряда нацистских руководителей, однако это все же некоторые частности принципиально решенного вопроса.

Немного сложнее обстоит дело со Сталиным и его кровавым режимом, жертвами которого стали десятки миллионов граждан нашей Родины, хотя свой счет к Сталину могут предъявить и другие нации и этносы, не входящие в состав бывшего Советского Союза. «Вклад» Сталина в уничтожение финнов и поляков уже понятен из представленного материала, но ведь с его личного попустительства на территории СССР погиб каждый четвертый белорус, а также были уничтожены без малого три миллиона евреев, то есть 50 % сегодняшнего населения Израиля.

Первым и самым серьезным разоблачением сталинского режима и осуждением сталинского идеологического наследия стал XX съезд КПСС¹, на котором был развенчан культ личности Сталина, но не более того. Дело в том, что те партийные функционеры, которые разоблачали культ личности Сталина, сами были по локоть в крови: многие тысячи невинных людей были казнены без суда и следствия по их личному указанию. Тот же «хваленый» Анастас Микоян подписывал так называемые «расстрельные» списки, хотя рекордсменом в этом «деле» оказался Вячеслав Молотов — он лично подписал 373 «расстрельных» списка, а Сталин — «только» 362 [20].

Соответственно, эти «обвинители» не могли предъявить Сталину все то, что он заслуживает. Однако эта тема остается актуальной и заслуживает отдельных исследований и оценок.

Что же касается трагедии 22 июня, то нет абсолютно никаких сомнений, что Сталин и ряд высокопоставленных руководителей страны своими действиями и бездействием нанесли тяжелейший ущерб обороноспособности Советского Союза, боеготовности и боеспособности его вооруженных сил. Их преступная нерешительность, нераспорядительность и даже малодушие и трусость создали основу для разгрома западных военных округов и последующего стремительного продвижения фашистов в глубь территории СССР. Таким образом, оценивая случившееся с точки зрения Уголовного кодекса того времени, Сталину и его ближайшим соратникам должна быть вменена статья 58 Уголовного кодекса РСФСР: «измена Родине, то есть

¹ Состоялся в период с 14 по 25 февраля в Москве. Главным его событием стал последний день (25 февраля) — в этот день на закрытом заседании Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях».

действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР». Здесь можно привести достаточно много конкретных фактов, подтверждающих обоснованность такого обвинения, один из которых состоит в том, что глава Советского государства со своими сатрапами создал исключительно неблагоприятные условия для вступления СССР в войну с фашистской Германией.

Оценить результаты деятельности Сталина можно и с точки зрения интересов государства, условно отделив их от прав и свобод личности и закрыв глаза на преступления сталинской верхушки уголовного характера. Но и здесь мы видим полное политическое банкротство «вождя народов», который поставил СССР на задворки новой мировой политической системы, в которой решающую роль стали играть США, Великобритания, Франция и даже побежденная Германия в лице ФРГ (но не ГДР). И эту роль ведущим империалистическим державам, включая и побежденную Германию, Сталин обеспечил, принеся в жертву несколько десятков миллионов советских людей, разорив экономику великой Страны Советов, подорвав ее научный и технический потенциал.

В постсоветский период в нашей стране развернулась обширная дискуссия относительно «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» от 15.05.1941, в соответствии с которыми предполагалось нанести превентивный удар по Германии силами Юго-Западного и Западного фронтов [62].

Эта полемика, в ходе которой апеллируют и к другим документам, сводится к простому вопросу: планировал ли Сталин нападение на Германию? Постановка этой проблемы и попытка осветить ее, пусть и на основе фантастических гипотез, — совершенно нормальная вещь с научной

точки зрения. Крайнее же удивление во всей этой полемике вызывает позиция некоторых историков, которые, видимо, считают себя патриотами, но которые, пусть в неявной форме, восхваляют Сталина за то, что он не решился на упреждающий удар. Что же имеют в виду такие писатели? Они хотели бы сохранить за Сталиным де-юре образ чуть ли не миротворца, но отдать в жертву за это более 27 миллионов жизней советских людей и половину национального достояния великой страны. В этой полемике нужно совершенно ясно и однозначно заявить, что если Сталин действительно отверг эти соображения либо подобные им планы, то он в тех конкретных исторических условиях совершил государственное преступление, — других трактовок и оценок быть не может.

Это сугубо юридическая сторона проблемы, но когда мы возвращаемся к трагедии 22 июня, то в моральном плане всегда возникает вопрос: неужели многомиллионный советский народ был достоин таких бездарных и никчемных руководителей, которые в угоду своему тщеславию и из-за нежелания решать неприятные для себя вопросы отдали на растерзание фашистским палачам половину нашей огромной страны от Бреста до Волги? Это самая страшная катастрофа в истории нашей страны, и не может быть никакого прощения всем этим правителям, которые допустили такие «ошибки» и «просчеты». Никакие доводы, измышления и объяснения не могут оправдать их преступную беспечность, халатность и недееспособность. Никакие последующие победы и заслуги не могут очистить их грязную репутацию, репутацию, залитую кровью десятков миллионов наших дедов, отцов и матерей. Не может быть им никакого прощения.

Только благодаря немыслимым жертвам советского народа страна выстояла в той страшной войне. Нельзя до-

пустить, чтобы повторилось нечто подобное. Для этого должна быть создана такая моральная атмосфера восприятия произошедшего, которая бы не допускала никакого восхваления Сталина и его приспешников, ставила бы сталинский режим вне закона, формировала бы у подрастающего поколения восприятие Сталина как главного государственного преступника, по вине которого страна понесла такие чудовищные жертвы и в своем развитии была отброшена на десятилетия назад.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. I. Документы управления Прибалтийского Особого военного округа и полевого управления северо-западного фронта. Приказ войскам Прибалтийского Особого военного округа № 0052 от 15.06.1941.

http://tashv.nm.ru/SbornikBoevyhDokumentov/Issue34/Issue34_001.html.

2. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34.002. Документы управления Прибалтийского Особого военного округа и полевого управления северо-западного фронта. Директива военного совета Прибалтийского особого военного округа № 00224 от 15 июня 1941 г. о порядке оповещения войск округа в случае нарушения границы крупными силами противника.

http://ru.wikisource.org/wiki/Сборник_боевых_документов/34/002.

3. *Мартирисян А.Б.* 22 июня: Детальная анатомия предательства. М.: Вече, 2012. — 736 с.

4. *Микоян А.И.* Так было. М.: Вагриус, 1999.

5. *Баринов Н.* Антимартирисян — в защиту генерала Павлова.

6. *Герасимова С.А.* Первая Ржевско-Сычевская наступательная операция 1942 года (новый взгляд).

7. *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.

8. *Макаров Ю.К.* Современники о жизни и деятельности маршала Рокоссовского. <http://do2.gendocs.ru/docs/index-424931.html>.

9. *Грэнт Р. Дж.* Авиация 100 лет. Пер. с англ. М.: РОС-МЭН 2004.

10. *Малаховский А.* Генерал Иван Болдин. Вестник Могилева, № 20/1502, 02 марта 2007 года.

11. *Млечин Л.* Иосиф Сталин, его маршалы и генералы. М.: Центрполиграф, 2005.

12. Щаденко Ефим Афанасьевич.
http://ru.wikipedia.org/w/index.php?title=Щаденко,_Ефим_Афанасьевич&oldid=53518044.

13. *Уткин А.И.* Вторая мировая война. http://www.gramotey.com/?open_file=1269104957.

14. *Лопуховский Л.Б.* Кавалерчик. Июнь 1941. Запрограммированное поражение. М.: Яуза; Эксмо, 2010.

15. *Докучаев И.Н., Пищиков Ю.В.* Противовоздушная оборона Сталинграда. К Барьеру № 29, 08 декабря 2009 года. http://www.kbarieru.info/200929/?29_6_1.

16. Танковые сражения войск СС / Вилли Фей; [пер. с англ. П. Смирнова]. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

17. *Печенкин А.* Маршал поражений. Независимое военное обозрение. 16.06.2006.

18. *Солонин Марк.* О неготовности, снарядах и бензине — часть I. Военно-промышленный курьер № 22 (388) от 08.06.2011.

19. *Куровски Ф.* Немецкие танковые асы / Пер. с англ. В. Старостина. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

20. *Петров Никита.* Преступный характер сталинского режима: юридические основания. Видеозаписи публичных лекций «Полит.ру»: гуманитарные и социальные науки. Иосиф Сталин: история. Публичные лекции. 19 ноября 2009.

21. *Табаков Вадим, Малишевский Виктор.* Как Коля Сиротинин остановил танковую дивизию Гудериана. Комсомольская правда. 22.06.2004.

22. Журнал боевых действий 16-й гвардейской стрелковой дивизии 30-й армии Калининского фронта в период с 30.07.42 по 22.08.42. <http://rshew-42.narod.ru/200/diary16.html>.

23. *Гусева А.В.* «Краткий курс истории ВКП(б)»: история создания и воздействие на общественное сознание. М., 2003.

24. *Гот Герман.* Танковые операции. М.: Воениздат, 1961. Немецкое издание: *Hoth H., Panzer-Operationen.* Heidelberg, Kurt Vowinckel Verlag, 1956.

25. *Архипенко Ф.* Записки летчика-истребителя. <http://knigosite.org/library/books/66185>.

26. *Барятинский М.В.* Великая танковая война 1939—1945. Серия Танки в бою. М., 2009.

27. Директива народного комиссара обороны Союза ССР № 3 от 22 июня 1941 года. http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2030&Itemid=30.

28. *Болдин И.В.* Страницы жизни. http://royallib.ru/book/boldin_ivan/stranitsi_gizni.html

29. Отчет немецких зенитчиков о борьбе с танками КМГ Болдина. ВА-МА/ RH 24—20/18/. http://www.solonin.org/doc_otchet-nemetskih-zenitchikov-o.

30. *Видер Р.* Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса.

31. *Кравцов В.М.* Торопецкая операция (январь 1942 г.). Краткий очерк. Изд. 2-е. Тверь, Седьмая буква, 2011.

32. *Муляр Юрий.* Помощь СССР фашистской Германии. http://beloepyatno.blogspot.ru/2010/06/blog-post_13.html.

33. *Павлов Д.В.* Ленинград в блокаде (1941 год) / Военное издательство Министерства обороны Союза ССР. М., 1961.

34. *Манштейн Э.* Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. Оригинал: *Manstein E. von. Verlorene Siege.* Bonn, 1955.

35. Гриф секретности снят: потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / [Г.Ф.Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков и др.]; под общ. ред. канд. воен. наук генерал-полк. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993.

36. *Görlitz Walter.* Paulus: «Ich Stehe Hier Auf Befehl!» Verlag für Wehrwesen. 1960. Reviewed by Henry L. Roberts. July 1961. Pages 272 pp.

37. Солдат XX века / Эрих фон Манштейн. Пер. с нем. Е.В. Пономаревой. М.: АСТ МОСКВА; Транзиткнига, 2006.

38. *Моцанский И.Б.* Ошибка генерала Жукова. М.: Вече, 2011.

39. Состояние РККА к началу 1941 года.

http://www.telenir.net/istorija/zhukov_protiv_galdera_shvatka_voennyh_geniev/p4.php.

40. Полевой Устав РККА (ПУ-39). <http://www.rkka.ru/docs/real/pu39/main.htm>.

41. Вторжение. Судьба генерала Павлова / Александр Ржешевский. М.: Вече, 2011.

42. Повседневная жизнь вермахта и РККА накануне войны / Юрий Веремеев. М.: Эксмо; Алгоритм, 2011.

43. Танк Т-34 — лучший танк Второй мировой войны. Так ли это? http://vspomniv.ru/tank_t_34_luchiy_tank.htm.

44. Доклад наркома обороны о положении дел в РККА от 22 августа 1939 года № 80870 сс. <http://army.armor.kiev.ua/hist/doklad-nko-8—39.shtml>.

45. Акт о приеме Наркомата обороны Союза ССР тов. Тимошенко С.К. от тов. Ворошилова К.Е. от 07.05.1940. <http://army.armor.kiev.ua/hist/akt-vor-tim.shtml>.

46. *Замулин В.* Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной. М.: Яуза; Эксмо, 2008.

47. *Айзен Тайча.* Битва за Британию — 25.04.2013. <http://maxpark.com/community/14/content/1955153>.

48. *Катуков М.Е.* На острие главного удара. М.: Военниздат, 1974.

49. Приказ народного комиссара обороны СССР № 0528. <http://broneboy.ru/приказ-нко-ссср-№0528/>.

50. *Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. Серия: Полководцы Великой Отечественной. Межрегиональный фонд «Выдающиеся полководцы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.». М.: Воениздат, 1987.

51. Советские ВВС против кригсмарине / Александр Заблотский, Роман Ларинцев. М.: Вече, 2010.

52. *Бирюков Н.И.* Танки — фронту! Записки советского генерала. Смоленск: Русич, 2005.

53. *Стяжкин С.В.* Тайная война на Волге (1941—1945 гг.). Волгоград, 2005.

http://voenoboz.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=111: — 1941—1945-&catid=44: 2011—02—14—00—08—31&Itemid=2&showall=1.

54. Прохоровка без грифа секретности / Лев Лопуховский. М.: Яуза; Эксмо, 2012.

55. РЛС «РЕДУТ-3» — Кронштадтское сражение 21 сентября 1941 года. http://my.mail.ru/community/w_history/350F8B717AFB9627.html.

56. *Лоза Д.Ф.* Танкист на «иномарке». Победили Германию, разбили Японию. М.: Яуза; Эксмо, 2005.

57. *Бярятинский Михаил.* Танки ленд-лиза в бою. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

58. Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 5. Военное издательство Министерства Вооруженных Сил Союза ССР, Москва 1947. Директивное письмо ставки Верховного главнокомандования № 03 10 января 1942 г. 1 ч. 50 м.

http://tashv.nm.ru/SbornikBoevyhDokumentov/Issue05/Issue05_04.html.

59. *Мерецков К.А.* На службе народу. М.: Политиздат, 1968.

60. Речь и выступления И.В. Сталина на приеме в честь выпускников военных академий 5 мая 1941 года. РЦХИДНИ. Фонд 558, опись 1, дело 3808, листы 1—12. <http://army.armor.kiev.ua/hist/stalin-5—5—41.shtml>.

61. Русский архив: Великая Отечественная. Т.12 (1—2). Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23—31 декабря 1940 г. <http://militera.lib.ru/docs/da/sov-new-1940/index.html>

62. Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками.

<http://www.battlefield.ru/considerations-strategic-deployment-1941.html>.

63. *Смыслов О.С.* Накануне 1941 года. Гитлер идет на Россию. М.: Вече, 2007.

64. *Гитлер А.* Моя борьба // <http://coollib.com/b/233581>.

65. Бронированный кулак вермахта / Фридрих Вильгельм фон Меллентин. М.: Вече, 2012.

66. Выступление Адольфа Гитлера перед высшим военным руководством 22 августа 1939 года. http://new-history.narod.ru/Blank_Page_73.htm.

67. *Лурье В.М., Кочик В.Я.* К 86 ГРУ: дела и люди. СПб.: Издательский дом «Нева»; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

68. Кальной П., Совенко Ю. Полтавская история (журнал «Авиация и время»). <http://www.whiteworld.ru/rubriki/000101/001/01101304.htm>.

69. Клаузевиц Карл фон. О войне. Наброски к восьмой части. План войны. <http://militera.lib.ru/science/clausewitz/08.html>

70. Слюсаренко З.К. Последний выстрел. М.: Воениздат, 1974.

71. Доклад командира 15-го механизированного корпуса начальнику Главного автобронетанкового управления Красной армии о боевых действиях корпуса с 22 июня по 12 июля 1941 г.

http://tashv.nm.ru/SbornikVoevyhDokumentov/Issue36/Issue36_185.html.

72. Тайная история атомной бомбы // Джим Бэгготт: [пер. с англ.]. М.: Эксмо, 2011.

73. Подвиг Колобанова, KB-1. http://yandex.ru/video/search?text=%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BA%D0%B8%D1%81%D1%82%20%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%20%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BE&path=wizard&filmId=_qWOrHIGUXI.

74. Запись беседы И.В. Сталина и В.М. Молотова с Лордом-хранителем печати Великобритании Иденом. 29 марта 1935 г. Документы внешней политики СССР. Министерство иностранных дел СССР. Издательство политической литературы. М.: 1973, с. 249.

75. В августе 43-го. Вся правда об освобождении Харькова. <http://www.youtube.com/watch?v=o523iTrCHbQ>.

<http://iremember.ru/artilleristi/tsvetkov-valentin-alekseevich.html>.

76. На земле, в небесах и на море. (Вып. 8). М.: Воениздат, 1986.

77. Крупнейшие танковые сражения Второй мировой войны. Аналитический обзор / И.Б. Мощанский. М.: Вече, 2011.

78. Кантор Ю. Братья по крови // Дилетант № 5 (29). Май 2014. С. 64—67.

79. Бешанов Владимир. Год 1942 — «учебный».

http://modernlib.ru/books/beshanov_vladimir/god_1942_uchebniy/read/

80. Бегинин Олег. 76,2-мм противотанковая пушка PaK 36(r). <http://www.weltkrieg.ru/artillery/684-pak36r.html>.

81. Монетчиков Сергей. Личность: солдат, которого предали. Январь 2008 года. http://bratishka.ru/archiv/2008/1/2008_1_13.php.

82. Приказ народного комиссара обороны № 070 от 04.06.1939 «О мерах по предотвращению аварийности в частях военно-воздушных сил РККА».

http://ru.wikisource.org/wiki/Приказ_НКО_СССР_от_4.06.1939_№_070

83. Приказ народного комиссара обороны № 105 от 03.03.1941 «Об установлении системы подготовки и порядка комплектования вузов военно-воздушных сил и улучшении качества подготовки летного и технического состава».

84. Сухомлинов Андрей Викторович. Василий, сын вождя.

[http://modernlib.ru/books/suhomlinov_andrey/vasiliy_sin_vozhdy/read.](http://modernlib.ru/books/suhomlinov_andrey/vasiliy_sin_vozhdy/read/)

85. Директива Ставки ВГК № 001919 от 12 сентября 1941 года «Командирам дивизий, главнокомандующему войсками Юго-Западного направления о создании заградительных отрядов в стрелковых дивизиях». <http://1941—1945.at.ua/forum/32—674—1>.

86. Харук А.И. «Яки» против «мессеров». Кто кого? / Андрей Харук. М.: Яуза; Эксмо, 2012.

87. Приказ № 270 Ставки Верховного Главного Командования Красной армии, 16 августа 1941 года. http://www.hrono.ru/dokum/194_dok/19410816.php.

88. Оперативно-стратегические игры на картах, январь 1941 года. http://www.warmech.ru/1941war/sher_6_2.html.

89. *Жарков В.В.* Единоначалие — фактор развития вооруженных сил СССР в 30-е годы // Ярославский педагогический вестник. Новые исследования. http://vestnik.yspu.org/releases/novye_Issledovaniy/27_10/.

90. Стенографический отчет Пленума ЦК РКП с обсуждением результатов работы комиссии Пленума по обследованию состояния Красной армии (№9). Реформа в Красной армии. Документы и материалы 1923—1928 гг. Министерство обороны РФ Институт военной истории МО РФ. Книга 1. Москва 2006. ББК 63.3(2) 62. P45. <http://libatriam.net/read/586332/0/#>.

91. Dangerous Missions — Taranto — World War II (3/5). <http://www.youtube.com/watch?v=OrSdV8Mu4A8>

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ПРОЛОГ	8
АБСТРАКЦИЯ И КОНКРЕТИКА	11
НОЛЬ БЕЗ ПАЛОЧКИ.....	20
Героизм одних — это вынужденное следствие преступной беспечности других	33
КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ.....	66
СКАЗКИ ПРО ТО И ПРО ЭТО.....	128
ПОЛОЖЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ	155
НИ ДВА, НИ ПОЛТОРА.....	189
ГЕНИЙ ТАНКОВЫХ СРАЖЕНИЙ.....	223
ПОВТОРЕНЬЕ — МАТЬ УЧЕНЬЯ (и сестра занудства).....	247
ЭКОНОМИМ КРОХАМИ, А ПРОМАТЫВАЕМ ВОРОХАМИ	259
Начало конца (ошибка Гитлера).....	260
Крах вселенских надежд (ошибка Сталина).....	305
ЭПИЛОГ	334
БИБЛИОГРАФИЯ	341

Научно-популярное издание

Военные тайны XX века

Лукьянов Геннадий Викторович

НАКАНУНЕ 22 ИЮНЯ

Был ли готов Советский Союз к войне?

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Верстка *И.В. Левченко*

Художественное оформление *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 19.02.2015. Формат 84×108 ¹/₃₂.

Гарнитура «PetersburgС». Печать офсетная. Бумага газетная.

Печ. л. 11. Тираж 2000 экз. Заказ № 2628.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

e-mail: printing@r-d-p.ru www.r-d-p.ru

НОВАЯ ЖИЗНЬ
ЗНАМЕНИТОЙ СЕРИИ

СЕРИЯ КНИГ

- Только приключенческие романы
- Только военная тематика
- О войнах больших и малых, великих и неизвестных
- Классика советского приключенческого романа
- Современные авторы
- Более 50 книг в серии

НАКАНУНЕ 22 ИЮНЯ

Книга Г.В. Лукьянова посвящена анализу ситуации, сложившейся накануне 22 июня 1941 г., пониманию нацистской верхушкой характера предстоящей войны и оценке тех мер, которые были предприняты советскими руководителями на основании имеющейся у них обширной военно-политической информации по подготовке к фашистской агрессии. Значительное внимание автор уделяет вопросам боевой готовности как одному из решающих условий противодействия внешней агрессии и наиболее спорной проблеме, связанной с началом Великой Отечественной войны.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-2767-5

9 785444 427675

